

902.6

А-73

ТРУДЫ

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЕ

съ участіемъ А. Н. Веселовскаго, Кн. Л. Н. Гагарина, Р. Г. Игнатьева, П. С. Казанскаго,
А. А. Котляревскаго, Д. В. Разумовскаго, В. Е. Румянцова, В. Г. Тизенгаузена и
Гр. А. С. Уварова,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

К. ГЁРЦА,

СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ,

съ 4-мя хромолитографическими снимками и 10-ю полиטיפажами.

МОСКВА.

1869.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Древнія зданія Московскаго Печатнаго двора. Статья Дѣйств. Чл. **В. Е. Румянцова**. . . . . 1—38.

II. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ И ИЗВѢСТІЯ.

Новѣйшія археологическія раскопки на Таманскомъ полуостровѣ. Статья Дѣйств. Чл. **В. Г. Тизенгаузена**. . . . . 39—46.

Лука Евангелистъ, какъ иконописецъ. Статья Дѣйств. Чл. **П. С. Казанскаго**. . . . . 46—51.

Опредѣленіе трехъ неизвѣстныхъ русскихъ денегъ. Статья Дѣйств. Чл. **Кн. Л. Н. Гагарина**, съ 3 политипажами. . . . . 52.

Антиминсъ Буйницкаго монастыря Литовской Руси, находящійся въ Уфѣ. Статья Чл. Кор. **Р. Г. Игнатъева**. . . . . 52—54.

Раскопки въ курганахъ, находящихся на предполагаемой мѣстности древней Нимфеи. Статья **А. Л.** . . . . . 54—55.

Вятскій кладъ куваческихъ монетъ. Статья Дѣйств. Чл. **В. Г. Тизенгаузена**. . . . . 55—56.

Письмо къ редактору „Трудовъ Московскаго Археологическаго Общества“. Статья Дѣйств. Чл. **В. Г. Тизенгаузена**. . . . . 46—57.

III. БИБЛИОГРАФІЯ.

Нумизматическая литература. Статья Дѣйств. Чл. **К. Герца**. Съ 1 политипажемъ. . . . . 58—70.

Церковное пѣніе въ Россіи. Соч. **Д. В. Разумовскаго**. Статья Чл. Кор. **А. Н. Веселовскаго**. . . . . 71—74.

IV. ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.. №№ 17, 18

и 19-й. Съ тремя политипажами. . . . . 75—82.

Поминка о С. В. Ешевскомъ. Статья Дѣйств. Чл. **А. А. Котляревскаго** . . . . . 83—86.

V. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО

СЛОВАРЯ. Статьи **Р. Г. Игнатъева**, **Д. В. Разумовскаго** и **Гр. А. С. Уварова**. Съ 3-мя политипажами. . . . . 1—16.

(особой пагинаціи).

Отвѣтственное лицо Гр. А. С. Уваровъ.

Въ Синодальной Типографіи, на Никольской улицѣ

Г. Инв. № _____

1962 г.

1957

1965 г.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

81

В-324

 БИБЛИОТЕКА
 На Ин-та Краеведческой
 и Музейной работы

ДРЕВНІЯ ЗДАНІЯ

МОСКОВСКАГО ПЕЧАТНАГО ДВОРА.

В. Е. Румянцова.

I.

Свѣдѣнія о строеніяхъ на Печатномъ дворѣ въ теченіе первыхъ 60-ти лѣтъ по основаніи Типографіи.—Мѣсто, гдѣ находился въ это время Печатный дворъ.—Сосѣднія съ нимъ зданія.—Свидѣтельство Флетчера о поджогѣ типографскаго дома.—Разореніе Типографіи Поляко-Литовцами.—Помѣщеніе Типографіи предъ 1620 годомъ въ Кремлевскомъ дворцѣ.—Каменное зданіе на старомъ Печатномъ дворѣ.—Перемѣщеніе Типографіи въ 1620 году на прежнее мѣсто, на Никольскую улицу.—Пространство Печатнаго двора, сосѣднія зданія, приходская церковь и характеръ мѣстности.—Видъ Печатнаго двора въ 1620 и послѣдующихъ годахъ.—Каменные палаты внутри двора у городской стѣны.—Помѣщеніе въ нихъ книгопечатныхъ мастерскихъ, ихъ внутренній видъ и украшенія на типографскихъ станахъ.—Деревянные строенія.—Деревянные ворота съ рѣзными и расписными украшеніями.—Пожары на Печатномъ дворѣ въ 1626 и 1634 годахъ.

Зданіяхъ Московскаго Печатнаго двора, въ теченіе первыхъ 60-ти лѣтъ послѣ его основанія, до насъ дошло весьма мало свѣдѣній. Изъ послѣсловій къ первопечатному Апостолу и къ нѣкоторымъ другимъ книгамъ, вышедшимъ въ это время, мы узнаемъ только, что царь Иванъ Васильевичъ, при основаніи Типографіи въ 1553 году, повелѣлъ устроить для нея особый домъ въ Москвѣ, и что нѣкоторые изъ его преемниковъ, именно Годуновъ и Шуйскій, также построили для помѣщенія типографіи «превеликіе» дома ¹⁾.

Сообщая эти свѣдѣнія, послѣсловія не указываютъ, гдѣ помѣщался въ то время Печатный дворъ; но изъ всѣхъ другихъ дошедшихъ до насъ извѣстій ясно видно, что этотъ дворъ, со временъ Іоанна, постоянно находился на одномъ и томъ же мѣстѣ, на которомъ онъ, подъ именемъ Синодальной типографіи, существуетъ и теперь, т. е. на Ни-

древности II.

1

кольской улицѣ. На этомъ самомъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ Печатный дворъ, по официальнымъ документамъ, еще въ концѣ XVI в., въ 1599 году, слѣдовательно не далѣе, какъ спустя только 35 лѣтъ послѣ перваго современнаго сказанія о его сооруженіи царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Въ упомянутыхъ официальныхъ документахъ 1599 года указаны ясно — не только самое мѣстоположеніе Печатнаго двора, но и примыкавшія къ нему зданія. Печатный дворъ, по этимъ документамъ, находился на Никольскомъ крестцѣ, т. е. въ сосѣдствѣ съ Никольскимъ [съ 1654 г. Греческимъ] монастыремъ, гдѣ въ старину было мѣсто крестнаго цѣлованія или присяги; подлѣ книгопечатнаго дома стояло посольское подворье, въ которомъ помѣщено было плѣнное семейство Сибирскаго царя Кучюма; а это подворье, какъ видно изъ тѣхъ же документовъ, находилось на дворѣ Бѣлоборода²⁾. Между дворомъ нѣмчина Бѣлоборода съ одной стороны и Никольскимъ монастыремъ съ другой, мы встрѣчаемъ потомъ Печатный дворъ и при возобновленіи на немъ типографіи царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ послѣ литовскаго разоренія, какъ по документамъ самаго типографскаго архива 1620 и послѣдующихъ годовъ, такъ и по описи Китая города 1629 г.³⁾ Кроме того, въ типографской приходо-расходной книгѣ 1620 г. есть указаніе и на то, что Печатный дворъ существовалъ здѣсь издревле. Въ ней это самое мѣсто на Никольскомъ крестцѣ, гдѣ тогда строили Типографію вновь, называется уже *старымъ* Печатнымъ дворомъ⁴⁾. Наконецъ оба сказанія, «О воображеніи книгъ печатнаго дѣла» свидѣтельствуютъ прямо, что царь Иванъ Васильевичъ построилъ Типографію на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ она потомъ возобновлена была царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ послѣ литовскаго разоренія, и на которомъ видѣли ее въ половинѣ XVII в., когда составлены эти сказанія⁵⁾; а со времени своего возобновленія при царѣ Михаилѣ Типографія постоянно существуетъ на теперешнемъ своемъ мѣстѣ, на Никольской улицѣ: объ этомъ уже свидѣтельствуютъ самыя дѣла типографскаго архива.

По словамъ Флетчера, бывшаго въ Москвѣ при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, книгопечатный домъ, вскорѣ послѣ своего сооруженія, былъ сожженъ людьми неблагонамѣренными⁶⁾. Это извѣстіе подтверждается, повидимому, и словами нашихъ первопечатниковъ, которые также свидѣтельствуютъ, что нѣкоторые изъ высшихъ лицъ того времени отнеслись къ заведенному вновь книгопечатанію враждебно, «хотячи благое въ зло превратити и Божіе дѣло вконечѣ довести до бити»⁷⁾. Но если и дѣйствительно Типографія была подожжена, то этотъ пожаръ не имѣлъ слишкомъ гибельныхъ послѣдствій для Печатнаго двора, въ которомъ изданіе святыхъ книгъ продолжалось и послѣ того,

какъ первые и лучшіе наши типографы были вынуждены, къ стыду ихъ отечества, бѣжать «въ страны незнаемы»⁸⁾.

Во время нашествія Поляко-Литовцевъ, когда, по выраженію Діонисіевыхъ грамотъ, все для русскихъ людей священное было «разорено и обругано злымъ поруганіемъ»⁹⁾, въ это время, говорятъ сказанія, «и такое доброе дѣло Печатный домъ и вся штанба того печатнаго дѣла отъ тѣхъ враговъ и супостатъ разорися и огнемъ пожжена бысть, и погибе до конца, и не остана ничтоже такового орудія»¹⁰⁾. При этомъ разореніи вѣроятно погибли и самыя дѣла Печатнаго двора за все предшествующее время, которыя могли бы сообщить намъ болѣе подробныя свѣдѣнія о первоначальной исторіи Типографіи и ея дома; этихъ дѣлъ въ типографскомъ архивѣ не было уже и въ половинѣ XVII в., какъ видно изъ архивной описи 1649 г.¹¹⁾, въ которой перечисляются дѣла прежнихъ лѣтъ, начиная только съ 1614 г., т. е. со времени возобновленія Типографіи послѣ литовскаго разоренія. Что касается до теперешняго типографскаго архива, то въ немъ уцѣлѣло нѣсколько приходорасходныхъ книгъ Печатнаго приказа, не всегда полныхъ, начиная только съ 1620 г. Съ этого времени и судьбы типографскаго дома становятся яснѣе.

Царь Михаилъ Феодоровичъ, въ первый же годъ своего воцаренія, поспѣшилъ возобновить прерванное литовскимъ разореніемъ печатаніе святыхъ книгъ¹²⁾. Гдѣ первоначально была открыта въ это время типографія, — неизвѣстно; но изъ дѣлъ Печатнаго приказа видно, что передъ 1620 годомъ она находилась не на старомъ Печатномъ дворѣ, на Никольской улицѣ, а въ Кремлевскомъ царскомъ дворцѣ. Здѣсь она помѣщалась частію въ дворцовой набережной палатѣ, частію въ деревянныхъ хоромахъ и избахъ, нарочно для этого выстроенныхъ¹³⁾; здѣсь же помѣщалась и Правильня съ своими справщиками, четцами и писцами, одно изъ главнѣйшихъ учрежденій въ составѣ Печатнаго двора, на которое возложена была книжная справа, т. е. редакція и вмѣстѣ корректура печатавшихся здѣсь книгъ. При Правильнѣ видимъ, между прочимъ, и книги справныя, заключавшія въ себѣ матеріалы и пособія для изданія святыхъ книгъ, начало знаменитой потомъ типографской бібліотеки¹⁴⁾. Что касается до типографскаго дома на Никольскомъ крестцѣ, называвшагося тогда старымъ Печатнымъ дворомъ, то въ немъ производились въ это время разныя постройки, въ виду близкаго перемѣщенія сюда Типографіи изъ Кремлевскаго дворца. По расходной книгѣ Печатнаго приказа 1620 года, внутри типографскаго двора является уже большая каменная палата у городской стѣны. Когда сооружено это зданіе — неизвѣстно. Въ помянутой расходной книгѣ говорится только о разныхъ подѣлкахъ въ немъ для помѣщенія

книгопечатныхъ мастерскихъ ¹⁵⁾. Одновременно съ отдѣлкою каменной палаты, въ началѣ 1620 г., перевезены были сюда изъ Кремля и разныя деревянныя строенія, принадлежавшія Типографіи ¹⁶⁾. Вслѣдъ за тѣмъ Правильню съ ея книгохранилищемъ и монашествующими справщиками перемѣстили временно на Троицкое подворье, бывшее въ Кремлѣ противъ Троицкихъ воротъ; ¹⁷⁾ а Типографія, со всѣми ея вспомогательными мастерскими, переселилась на свое старое мѣсто, на Никольскій крестецъ. ¹⁸⁾

Старый Печатный дворъ на Никольскомъ крестцѣ занималъ въ это время то же самое пространство, на которомъ мы видѣли его и въ предшествующемъ столѣтіи. Простираясь отъ Никольской улицы до каменной стѣны Китая города, онъ примыкалъ, съ одной стороны, къ древнему монастырю Николы стараго, нынѣ Греческому, съ другой къ двору нѣмчина Бѣлоборода, встрѣчающемуся въ архивныхъ типографскихъ документахъ того времени подъ названіемъ нѣмецкаго двора. Этотъ нѣмецкій дворъ, сосѣдній съ домомъ князя Воротынскаго, около 1656 г., перешелъ, неизвѣстно впрочемъ какимъ порядкомъ, во владѣніе Типографіи, почему во второй половинѣ XVII вѣка, въ смежности съ нею, съ этой стороны и является уже дворъ Воротынскаго ¹⁹⁾, принадлежавшій потомъ Шереметеву, и наконецъ въ прошедшемъ столѣтіи, какъ увидимъ далѣе, также прикупленный къ Типографіи. На противоположной сторонѣ улицы, почти прямо противъ Печатнаго двора, гдѣ видимъ теперь обширное купеческое подворье, стояла долгое время каменная церковь св. женъ Муроносицъ, не такъ давно сломанная. По строительной книгѣ московскимъ церквамъ, хранящейся въ Государственномъ архивѣ старыхъ дѣлъ, эта церковь въ половинѣ XVII вѣка является окруженною кладбищемъ и дворами причетниковъ и прихожанъ, въ сосѣдствѣ съ другою церковью Успенія Богородицы, еще уцѣлѣвшею и находящеюся теперь внутри двора вышеупомянутаго купеческаго подворья ²⁰⁾. Исторія Муроносицкой церкви тѣсно связывается съ исторіею Печатнаго двора. Церковь эта до конца XVII и въ началѣ XVIII вѣка была приходскою церковью Типографіи и называлась: «что у Печатнаго двора». Муроносицкіе священники, какъ видно изъ расходныхъ книгъ Печатнаго приказа, были обыкновенно приглашаемы въ Типографію пѣть молебны, при окладахъ [закладкѣ] строеній на Печатномъ дворѣ, при новосельяхъ, по праздникамъ и, что случалось еще чаще, предъ начатіемъ печатанія каждой книги ²¹⁾. Для исторіи типографскихъ зданій не излишне замѣтить, что въ XVI и XVII вѣкахъ поверхность земли на Никольской улицѣ, а равно на типографскомъ и сосѣднихъ съ нимъ дворахъ, была на нѣсколько аршинъ ниже тѣмъ, какъ и показываютъ старинныя бревенчатыя мостовыя, сохранившіяся

довольно глубоко въ землѣ одна подъ другою. Изъ описи Китая города 1629 г. видно, что съ типографскаго и смежныхъ дворовъ въ это время были на городскую стѣну взлазы; а въ самой стѣнѣ внизу кружалы или арки, теперь засыпанныя землею, поднявшеюся почти до самаго болгородка. Въ этихъ кружалахъ владѣльцами дворовъ устраивались печуры, очаги, чуланы и другія помѣщенія ²²). На всей этой мѣстности, составляющей лѣвый берегъ Неглинной, почва рыхлая и сырая, а потому крайне неблагоприятная для большихъ каменныхъ построекъ, которыя на типографскомъ дворѣ издревле были возводимы на сваяхъ и деревянныхъ лежняхъ ²³).

На одномъ изъ древнихъ плановъ Москвы, составленномъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія, набросанъ между прочимъ по птичьему полету и самый видъ Печатнаго двора съ находившимися на немъ строеніями. Его пространство и границы обозначены ясно и вѣрно. Внутри двора, близъ городской стѣны, видно большое строеніе, около него мелкія пристройки; съ обѣихъ сторонъ двора и по улицѣ проведены черты, означающія заборы ²⁴). Точно въ такомъ же видѣ представляются строенія Печатнаго двора и по документамъ типографскаго архива 1620 и послѣдующихъ годовъ до самаго 1642 года. Изъ расходной книги 1620 г. видно, что въ это время внутри двора у городской стѣны стояло большое каменное зданіе, о которомъ упомянуто выше, о двухъ житьяхъ или этажахъ съ подклѣтами и погребами. Оконницы въ немъ были слюдяныя, кровля и всѣ принадлежности—деревянныя ²⁵). Изъ послѣдующихъ извѣстій объ этомъ зданіи можно заключать, что оно состояло изъ двухъ палатъ, пристроенныхъ одна къ другой. Одна изъ палатъ, называвшаяся большою, выступала на средину двора, другая задняя лежала ближе къ городской стѣнѣ ²⁶). По переводеніи Типографіи на старый Печатный дворъ, въ этихъ палатахъ, въ верхнихъ и нижнихъ жильяхъ, помѣщены были собственно книгопечатныя мастерскія; здѣсь стояли типографскіе станы, бывшіе подъ управленіемъ извѣстныхъ по изданіямъ того времени печатныхъ мастеровъ Кондратія Иванова и Софійскаго попа Никона. Нѣкоторые изъ становъ, вѣроятно по недостатку мѣста въ палатахъ, помѣщены были въ большихъ деревянныхъ хоромахъ ²⁷). Внутренній видъ тогдашнихъ книгопечатныхъ мастерскихъ былъ представителенъ: поставленные въ нихъ типографскіе станы, состоявшіе изъ двухъ высокихъ деревянныхъ столбовъ съ шатромъ, между которыми помѣщались мѣдныя и желѣзныя печатныя снасти, были украшены позолоченною рѣзьбою и расписаны дорогими красками съ серебромъ и золотомъ ²⁸). Такія богатые украшенія, употреблявшіяся тогда при сооруженіи каждаго новаго стана, очевидно совпадали съ понятіемъ того времени о высокомъ

значеніи книгопечатанія, которое еще митрополитъ Макарій, современникъ Грознаго, справедливо называлъ даромъ свыше, отъ самаго Бога ниспосланнымъ: «свыше даръ сходящъ»²⁹⁾.

До 1642 г. вышеописанныя палаты были единственнымъ каменнымъ зданіемъ на Печатномъ дворѣ. Остальное пространство занято было разными деревянными постройками, часто мѣнявшими свое назначеніе³⁰⁾. Въ нихъ помѣщались: Приказъ и разныя вспомогательныя при Типографіи мастерскія, какъ-то: рисовальная и рѣзная, словолитня, переплетная, столярня, кузница, горнъ для варенья олифы, а въ послѣдствіи еще рудня, гдѣ копилась руда или сажа для типографскихъ чернилъ³¹⁾. Послѣ пожара 1626 года было устроено особое деревянное помѣщеніе и для Правильни³²⁾. Кромѣ того, чуланы и нѣкоторыя изъ вспомогательныхъ мастерскихъ пристроивались по временамъ къ кружаламъ городской стѣны, позади двора³³⁾. За исключеніемъ сторожевой избы, стоявшей у воротъ, никакихъ собственно жилыхъ помѣщеній на Печатномъ дворѣ въ это время не было. Для монашествующихъ справщиковъ отведены были бѣлыя на Троицкомъ подворьѣ въ Кремлѣ; прочіе чины жили также внѣ Типографіи, а мастеровые люди селились въ особой Печатной слободѣ, у Срѣтенскихъ воротъ, при церкви Успенія, которая и до сихъ поръ слыветъ «въ Печатникахъ»³⁴⁾.

Типографскій дворъ обгороженъ былъ острымъ тыномъ и деревянными заборами, а на Никольскую улицу выходили большія деревянные ворота съ кровлею³⁵⁾. На отдѣлку воротъ въ старину, какъ извѣстно, было обращено особое вниманіе: онѣ замѣняли собою фасадъ главнаго зданія, которое обыкновенно скрывалось внутри двора. Въ русскихъ пѣсняхъ упоминаются ворота «точеныя и вольящаты». Издревле ихъ любили украшать, какъ свидѣтельствуемъ и Стоглавъ, рѣзными изображеніями звѣрей, птицъ, разныхъ воображаемыхъ животныхъ и даже языческихъ героевъ. Въ такомъ же вкусѣ сооружены были и деревянные типографскія ворота послѣ пожара 1626 г., на мѣсто вѣроятно подобныхъ же сгорѣвшихъ. Типографскіе рѣзчики и знаменщики [т. е. рисовальщики], при помощи особаго мастера, воротника, долгое время знаменили и вырѣзывали для этихъ воротъ какія-то украшенія по дереву, вѣроятно похожія на тѣ, которыя чрезъ двадцать лѣтъ потомъ явились и на большихъ каменныхъ воротахъ, и сверхъ того расписывали ворота красками³⁶⁾. Этотъ общій видъ Печатный дворъ сохранялъ до 1642 года, хотя и перестраивался не разъ по случаю пожаровъ.

Для пожарныхъ случаевъ на Печатномъ дворѣ были заготовлены еще съ 1620 г. трубы водоливныя нѣмецкія и своего дѣла, пожарные гарусы, крючья и другія огнегасильныя орудія; для этого же представлялись

по всѣмъ палатамъ и хоромамъ чаны съ водою; въ палатахъ придѣлывались къ окнамъ желѣзные ставни; а для скорой закладки оконъ, въ случаѣ пожара, находился въ запасѣ кирпичъ ³⁷). Но всѣ эти мѣры были безсильны противъ свирѣпствовавшихъ въ Москвѣ пожаровъ, жертвою которыхъ дѣлался два раза Печатный дворъ, именно въ 1626 и 1634 годахъ. Деревянные строенія на немъ выгорали, выгорала и внутренность палатъ. Въ пожаръ 1634-го года погибли даже двое типографскихъ служителей, спасая государеву казну ³⁸). Нѣсколько уцѣлѣвшихъ становъ перенесено было на время въ Кремлевскій царскій дворецъ, откуда они были переведены опять на Печатный дворъ по истеченіи семи мѣсяцевъ, когда каменная палата, поврежденная пожаромъ, была отдѣлана; а на мѣсто сгорѣвшихъ деревянныхъ помѣщеній выстроены новыя. ³⁹)

II.

Постройка на Печатномъ дворѣ въ 1642 году новыхъ каменныхъ палатъ фасадомъ на Никольскую улицу.—Постройка воротъ съ башнею къ 1643 году.—Строители.—Наружный видъ новыхъ палатъ и воротъ.—Изображеніе льва и единорога на воротахъ и книжныхъ типографскихъ переплетахъ.—Внутреннія помѣщенія въ новыхъ палатахъ.—Внутренній видъ и обстановка Приказной и Правильной палатъ въ 1649 году.—Строенія внутри двора.—Присоединеніе къ Типографіи около 1636 года сосѣдняго нѣмецкаго двора съ каменными на немъ строеніями.—Назначеніе древнихъ палатъ находившихся у городской стѣны.—Значеніе Правильной (корректурной и вмѣстѣ редакціонной) палаты Печатнаго двора.—Палата Книгохранительная.—Сооруженіе въ 1679 году особаго зданія для Правильной и книгохранилища.—Наружный видъ и внутреннія украшенія Правильной и Книгохранительной палатъ.—Расширеніе и наружная отдѣлка передоваго зданія.—Открытіе училища и его помѣщеніе на Печатномъ дворѣ.—Переведеніе иконныхъ лавокъ съ Никольской улицы на Печатный дворъ.

Ко временамъ патріарха Іосифа Московская типографія достигла такого цвѣтущаго положенія, что, по свидѣтельству самыхъ иностранцевъ, могла равняться съ лучшими европейскими учрежденіями этого рода ⁴⁰). Книгопечатаніе и книжная торговля увеличились противъ прежняго вдвое ⁴¹); требовалось и помѣщеніе болѣе обширное и безопасное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по наружности своей болѣе соответствующее важности самаго учрежденія. Въ 1642 году, въ январѣ мѣсяцѣ, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ повелѣлъ строить на Печатномъ дворѣ новыя каменные палаты. Вслѣдъ за тѣмъ было приступлено къ заготовленію разныхъ строительныхъ матеріаловъ, покупавшихся большею частию въ Каменномъ приказѣ; а съ весною начали копать рвы и вбивать сваи для фундамента. Стройкою распоряжался присланный изъ того же приказа каменныхъ дѣлъ подмастерье Трефилъ Шарутинъ ⁴²). Черезъ годъ послѣ того были сооружены двухэтажныя каменные палаты, кажется только на лѣвой сторонѣ отъ воротъ, по направленію къ Никольскому монастырю, выступавшія фасадомъ на Никольскую улицу ⁴³); а въ слѣдующемъ 1644 году другой подмастерье Иванъ Не-

вѣровъ началъ строить каменныя ворота съ башнею. У постройки этихъ воротъ, кромѣ Невѣрова, по расходной книгѣ 1644 г., былъ еще нѣмчинъ Христофоръ, очевидно тотъ самый англичанинъ Христофоръ Головей, извѣстный каменнаго дѣла мастеръ и вмѣстѣ часовщикъ, который между прочимъ надстроилъ теперешніе верхніе ярусы на Спасскихъ и Троицкихъ воротахъ въ Кремлѣ, совершенно сходные по своей архитектурѣ съ надворотною типографскою башней ⁴⁴). Сооруженіе воротъ, какъ видно изъ помѣщенной надъ ними надписи, окончено было въ 1645 году ⁴⁵).

Изъ всѣхъ этихъ построекъ теперь уцѣлѣли только обломки колоннъ, стоявшихъ по обѣимъ сторонамъ воротъ. О размѣрахъ, наружномъ видѣ и скульптурныхъ украшеніяхъ палатъ и воротъ, принадлежавшихъ къ лучшимъ произведеніямъ древне-русскаго гражданскаго зодчества, даютъ нѣкоторое понятіе приложенные здѣсь планы верхняго и нижняго апартаментовъ этихъ зданій, составленные во времена императрицы Елисаветы, и три рисунка ⁴⁶). Первый изъ нихъ представляетъ разрѣзъ воротъ и профиль башни, сдѣланные архитекторомъ Яковлевымъ въ 1773 году, когда въ башнѣ оказалась разщелина, второй—узоры, высѣченные изъ камня на одной изъ уцѣлѣвшихъ колоннъ, и наконецъ третій—самый видъ палатъ и воротъ, скопированный съ рисунка, помѣщеннаго въ VI отдѣлѣ Древностей Россійскаго Государства, съ прибавкою на этомъ рисункѣ надворотной башни. Неизлишне присовокупить, что рисунокъ, помѣщенный въ Древностяхъ, страдаетъ анахронизмомъ: на немъ изображены древнія типографскія ворота безъ башни, слѣдовательно въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ существовали уже послѣ 1773 года, когда башня была сломана; а между тѣмъ около этихъ воротъ помѣщены фигуры людей въ костюмахъ XVII вѣка ⁴⁷).

По планамъ и рисункамъ надворотная башня имѣла въ вышину 13 сажень, а примыкавшія съ обѣихъ сторонъ къ воротамъ двухэтажныя палаты, обѣ одинаковаго размѣра,—4 сажени. Все зданіе занимало по Никольской улицѣ въ длину 39 сажень. Нужно впрочемъ замѣтить, что передовыя палаты получили эти размѣры только послѣ большихъ передѣлокъ и пристроекъ, произведенныхъ главнымъ образомъ на правой сторонѣ отъ воротъ, по направленію къ двору Воротынскаго во времена патріарха Никона и царя Θεодора Алексѣевича. Что касается до самой башни и вообще корпуса воротъ, то эта часть зданія потерпѣла при царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ также нѣкоторыя передѣлки, но повидимому не слишкомъ значительныя и мало измѣнившія ея первоначальный видъ ⁴⁸).

Въ корпусѣ воротъ, какъ видно по ихъ рисункамъ, построена была надъ пролетомъ четырехугольная палатка; надъ нею осмерикъ или трибунъ; а на немъ помѣщался верхній осмигранный ярусъ башни.

обставленный по угламъ флагами или прапорами, съ восемью пролетами и съ шпилевымъ пирамидальнымъ верхомъ, который увѣнчивался двуглавымъ мѣднымъ орломъ. Верхняя часть надворотнаго корпуса украшалась съ лицевой стороны фризомъ и высокимъ парапетомъ. По обѣимъ сторонамъ большой башни находилось по двѣ глухихъ четырехугольныхъ башенки съ остроконечными верхами и также съ прапорами на верху и по угламъ. Эти башенки, выдаваясь надъ карнизомъ, поддерживались массивными колоннами съ капителями, приближавшимися къ Коринтскому ордену. Двѣ ближайшія къ воротамъ колонны, сверху до половины круглыя, внизу осмигранныя, покрыты были высѣченными на камнѣ узорами. Общій видъ этой части зданія, не смотря на странную повидимому смѣсь разнородныхъ архитектурныхъ стилей, былъ представительенъ и красивъ. Въ пролетѣ воротъ, въ полукружии надъ створами, стояли иконы, которыя въ теченіи XVII в. не разъ были перемѣняемы; но священные изображенія на нихъ оставались всегда одни и тѣ же. На уцѣлѣвшихъ теперь надворотныхъ иконахъ конца XVII в. видимъ посрединѣ образъ Спасителя въ ростъ: въ лѣвой рукѣ раскрытое Евангеліе; правая опущена внизъ съ указующимъ перстомъ. Вѣроятно подобное священное изображеніе было на воротахъ Печатнаго двора и во времена Іоанна, который, какъ говоритъ послѣсловіе вышедшей при немъ Псалтири 1568 г., «повелѣ составить въ пресловущемъ своемъ градѣ Москвѣ штанбу, сіи рѣчь, дѣло печатныхъ книгъ..... къ почести и славѣ всѣхъ Содѣтеля Владыки Бога и Отца Господа Іисуса Христа». По обѣимъ сторонамъ этой иконы изображенія Богоматери и Предтечи [Деисусъ], а за ними, также по обѣимъ сторонамъ, нѣкоторые святые въ молитвенномъ положеніи ⁴⁹). Около самой арки или пролета воротъ виденъ особый выступъ съ пиластрами по сторонамъ и карнизомъ на верху, украшенный также высѣченными на камнѣ узорами, между которыми были помѣщены рельефныя изображенія орловъ, грифовъ, львовъ и единороговъ, не видныя на рисункѣ, но еще памятныя старожиламъ ⁵⁰). Изъ рельефныхъ изображеній, къ сожалѣнію, не сохранилось ничего. Уцѣлѣли только на двухъ обломкахъ колоннъ мелкіе узоры изъ переплетающихся вѣтвей съ листьями и цвѣтами, весьма изящнаго рисунка и тщательной отдѣлки, представляемые здѣсь въ уменьшенномъ снимкѣ ⁵¹). О мастерахъ, наложившихъ эти узоры на камень, сохранилось только слѣдующее извѣстіе въ расходной книгѣ 1644 г.: «Того же дни [Іюня 7] знаменщикомъ, Левкѣ съ товарищемъ, двумъ челоуѣкомъ на день корму, что они знаменили каменья къ воротамъ, шесть алтынъ четыре деньги».

Между орнаментами воротъ главное мѣсто занимали двѣ большія фигуры льва и единорога, помѣщенные, въ видѣ герба, надъ воротами

подъ самымъ фризомъ. Левъ и единорогъ, первый въ царской шапкѣ, являются держателями слѣдующей высѣченной на камнѣ надписи: «Божіею милостию и повелѣніемъ Благовѣрнаго и Христолюбиваго Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи Самодержца, и сына его Государева Благовѣрнаго и Христолюбиваго Царевича и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Русіи сдѣланы бысть сіи полаты и ворота на дворѣ книгъ печатнаго тисненія въ лѣто 4371 мѣсяца Іюнія въ 30 день»⁵²).

Нѣкоторое сходство этого изображенія съ гербомъ Великобританіи повело къ ошибочному предположенію, будто бы здѣсь былъ домъ англійскаго агентства, отнятый у Англичанъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ по случаю казни короля Карла I⁵³). Но это сходство, какъ о томъ писали уже не разъ, чисто случайное. Левъ и единорогъ, занимавшіе почетное мѣсто въ восточной символикѣ, были извѣстны у насъ еще до знакомства съ Англичанами. По важному символическому значенію, которое придавалось этимъ фигурамъ въ древности, онѣ перешли даже и въ область нашей геральдики. Представители могущества, славы и вообще воинственныхъ и нравственныхъ доблестей, левъ и единорогъ въ XVI и XVII вѣкахъ были не рѣдко употребляемы въ видѣ собственно царскаго герба, и по временамъ замѣняли собою даже государственный гербъ двуглаваго орла, принятый еще Іоанномъ III. Единорогъ, вѣроятно какъ символъ единодержавной власти, является на печати Грознаго и почти всѣхъ его преемниковъ до царя Алексѣя Михайловича. Левъ и единорогъ вмѣстѣ весьма часто встрѣчаются на царскихъ утваряхъ, тронахъ, зданіяхъ и знаменахъ. Эта царская эмблема была въ древнее время также и гербомъ Государева Печатнаго двора, что видно не только изъ ея помѣщенія на воротахъ, но и изъ постояннаго почти употребленія ея на книжныхъ переплетахъ, изготовлявшихся въ самой Типографіи. На этихъ переплетахъ, точно также какъ и на фасадѣ воротъ, изображеніе льва и единорога является въ видѣ герба на передней доскѣ, въ самой срединѣ, занимая между окружающими его украшеніями главное мѣсто, какъ гербъ Типографіи. По всей вѣроятности фигуры льва и единорога вырѣзаны были и на самой печати Типографскаго Приказа, точно также, какъ на печати Большаго дворца былъ вырѣзанъ единорогъ одинъ⁵⁴). Употребленіе этой эмблемы на книжныхъ типографскихъ переплетахъ встрѣчается еще задолго до постройки вышеупомянутыхъ каменныхъ воротъ. Намъ удалось отыскать переплеты на книгахъ еще XVI вѣка, видѣнные современными самымъ книгамъ, на которыхъ, между тѣмъ, то же самое изображеніе⁵⁵). Но образы льва и единорога являются здѣсь въ другомъ видѣ, чѣмъ на воротахъ. Левъ и единорогъ обыкновенно изображались

на книжныхъ переплетахъ въ положеніи борющихся; рогъ единорога воткнутъ въ львиную пасть; надъ обоими корона съ тремя лепестками. Совершенно тожественное съ этимъ изображеніе мы встрѣчаемъ на предметахъ, относящихся именно къ царствованію Грознаго, какъ-то: на его серебряномъ блюдѣ и на знамени Ермака, хранящихся въ Оружейной палатѣ ⁵⁶). Это обстоятельство заставляетъ думать, что и на Печатномъ дворѣ эмблема льва и единорога появилась также со времени его основателя царя Ивана Васильевича.

Новопостроенныя передовыя палаты заключали внутри себя четыре главныя помѣщенія. Въ верхнихъ жильяхъ находились: Приказъ и Правильня, а внизу двѣ книгопечатни, каждая съ 4-мя станами. Одна изъ нихъ, помѣщавшаяся подлѣ воротъ, называлась палатою Отворотною, а другая—Никольскою, по имени поставленной въ ней иконы Святителя Николая, уцѣлѣвшей и до сихъ поръ ⁵⁷). Опись типографскаго дома и имущества, составленная въ 1649 году, сообщаетъ слѣдующія любопытныя подробности о внутреннемъ видѣ и обстановкѣ двухъ главныхъ помѣщеній въ новопостроенныхъ палатахъ—Приказа и Правильни. «Полата, а въ ней сидятъ приказные люди, всходъ и крыльцо каменное. Въ той же полатѣ Деисусъ въ кіотѣ, а въ немъ три образа: образъ Спасовъ, образъ Пречистыя Богородицы, образъ Ивана Предотечи, обложены серебромъ басмою, вѣнцы рѣзные, кіотъ писанъ красками по золоту, въ кіотѣ жъ предъ образы ввернуты три шанданца мѣдныхъ. Столъ дубовой, на немъ сукно красное багрецовое; шесть суконъ красныхъ багрецовыхъ, подъ ними носятъ въ подносъ ко Государю книги; сукнишко красное настольное ветчано. На столѣ чернильница оловяная нѣмецкая, другая чернильница мѣдная съ трубками. [По описи 1667 г. на этомъ столѣ являются двѣ книги: Соборное Уложеніе, да книга Правиль святыхъ Апостолъ—два кодекса, по которымъ тогда вершились всѣ дѣла] ⁵⁸). Осмерикъ мѣдной, двой вѣски мѣдныя, ларець дубовой съ нутренымъ замкомъ, а въ немъ имянная роспись справщикомъ и всякаго чину мастеровымъ людямъ. Станъ образцовой книжной со всей снастью, набранъ оловянными словами мелкіе азбуки, покрытъ кожею красною ⁵⁹); шанданъ мѣдной тройной, два шандана мѣдныхъ малыхъ, щипецъ желѣзной. Въ окнахъ четыре оконницы слюденыхъ; два тюшака, одинъ худъ; рукомойникъ мѣдной, снималка мѣдная денежная. Столъ дубовой, гдѣ подъячіе сидятъ. Въ приказѣ жъ задняя казенка, гдѣ ставятъ денежную казну, двери деревянные, у дверей замокъ сничной, да нутреной замокъ испорченъ. Въ передней полатѣ образъ Пречистыя Богородицы Владимирскіе на празелени, столъ дубовой съ ящикомъ, въ окнахъ три оконницы слюденыхъ, казенка дощаная перегорожена на двое. Въ приказныхъ сѣняхъ образъ Пре-

чистыя Богородицы Владимирскія, обложенъ серебромъ басмою, окладъ ветхъ, вѣнецъ отнять. У приказу и у передней полаты и у приказныхъ сѣней у оконъ съ улицы и отъ Никольскаго монастыря и отъ городской стѣны десять затворокъ желѣзныхъ. У приказныхъ полатъ и у сѣней двери деревяныя [л. 2—4].

Полата Правильная противу Приказу, гдѣ сидятъ книжные справщики, а въ ней Деисусъ: образъ Спасовъ, образъ Пречистыя Богородицы, образъ Ивана Предотечи на прзелени, безъ кіота. Столъ дубовой большой съ ящикомъ. Въ той же полатѣ казенка дощатая, перегороджена на двое. У той же полаты двѣ полатки задніе каменные. Въ Правильной полатѣ въ окнахъ три оконницы слюденыхъ. У той же Правильной полаты и у заднихъ полатокъ съ улицы и отъ города у оконъ восемь затворокъ желѣзныхъ» [л. 61. и об.].

Внутри типографскаго двора находилось по прежнему нѣсколько деревянныхъ строеній, въ томъ числѣ большіе хоромы съ подклѣтомъ, въ которыхъ помѣщалась третья книгопечатня, также съ 4-мя станами ⁶⁰). Были въ это время и жилыя помѣщенія: въ 1651 г. противъ воротъ стояла изба, прежде приказная; въ ней жилъ одинъ изъ тогдашнихъ типографскихъ справщиковъ, вдовый Успенскій ключарь Иванъ Васильевъ Насѣдка, принявшій въ томъ же году монашество и имя Юсифа ⁶¹).

По присоединеніи къ Типографіи около 1656 года нѣмецкаго Бѣлобородова двора, стоявшее на немъ передовое каменное строеніе, направо отъ типографскихъ воротъ, было приспособлено къ помѣщенію книгопечатныхъ мастерскихъ, которыя потомъ до временъ Θεодора Алексѣевича назывались нѣмецкими палатами. Между этими палатами и типографскими воротами устроены были сѣни. Кромѣ того, внутри бывшаго нѣмецкаго двора находилось, какъ кажется, еще другое каменное строеніе, прилежавшее къ двору Воротынскаго ⁶²).

Что касается до древнихъ палатъ у городской стѣны, которыя мы видѣли на Печатномъ дворѣ еще до 1620 года, то эти палаты, по переведеніи изъ нихъ типографскихъ становъ въ большое передовое зданіе, обращены были въ кладовыя для архива, книжныхъ запасовъ и разнаго типографскаго имущества ⁶³). Въ 1679 году онѣ получили другое назначеніе, связавшее ихъ судьбы съ исторіею нашего просвѣщенія.

Московскій Печатный дворъ учрежденъ былъ для того, «дабы впредь святыя книги изложились праведнѣ». Такое великое дѣло, производившееся на Печатномъ дворѣ, въ его Правильнѣ, въ теченіе XVI и преимущественно XVII вѣка ⁶⁴), естественно заставляло тогдашнее правительство принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы типографская Правильная постоянно наполнялась людьми наиболѣе просвѣщенными, какъ говорится словами царской грамоты 1616 г., «духовными и разумными».

которые подлинно и достохвально извѣстны книжному ученію и грамотику и риторію умѣютъ»⁶⁵). Такихъ людей выбирали изъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ; ихъ искали преимущественно въ монастыряхъ, привлекавшихъ тогда своими обширными книгохранилищами духовную любознательность⁶⁶); а со второй половины XVII вѣка стали вызывать на Печатный дворъ въ справщики ученыхъ мужей съ русскаго юга и изъ Греціи. Поэтому въ теченіе XVII вѣка, въ званіи типографскихъ справщиковъ являются передъ нами почти всѣ передовые люди того времени, всѣ извѣстные намъ представители тогдашней учености: Арсеній Глухой, Антоній Крыловъ (библіотекаръ Троицкаго монастыря), Богоявленскій игуменъ Ілія, Григорій Анисимовъ (свѣтское лицо), Черниговскій протопопъ Михаилъ Роговъ, Иванъ, въ монашествѣ Іосифъ, Насѣдка (бывшій справщикомъ дважды), Арсеній Сухановъ, Арсеній Грекъ, Епифаній Славеницкій, Александръ Мезенець, Діонисій Святгорецъ, Іерей Никифоръ, Евѣимій, Сильвестръ Медвѣдевъ, Тимоѣей, (первый ректоръ Греко-славянскаго типографскаго училища), Теофанъ, Θεологъ, Іовъ, Каріонъ Истомино, Николай Головинъ и Ѳедоръ Поликарповъ, бывшій потомъ первымъ директоромъ Типографіи⁶⁷).

Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство употребляло всѣ усилія, чтобы Правильная палата при Печатномъ дворѣ снабжена была всѣми необходимыми матеріалами и пособіями для справы святыхъ книгъ, списками древнихъ и добрыхъ переводовъ, да и вообще разными книгами четкими. Еще въ 1620 году мы видѣли при этой палатѣ справныя книги, которыя перевезены были вмѣстѣ съ справщиками на Троицкое подворье. Это книгохранилище, въ то время еще небольшое и вѣроятно только-что образовавшееся вновь послѣ литовскаго погрома, обогащалось потомъ съ каждымъ годомъ. Печатный приказъ ежегодно покупалъ и вымѣнивалъ въ монастыряхъ, церквахъ и у частныхъ лицъ, необходимыя для Правильни книги, которыя притомъ надобились и для самой типографской техники, какъ заключающія въ себѣ образцы шрифтовъ и книжныхъ украшеній. На эти покупки нерѣдко издерживались весьма значительныя по тогдашнему времени суммы⁶⁸). То же дѣлалъ и приказъ Большаго дворца, завѣдывавшій Печатнымъ дворомъ до временъ патріарха Никона⁶⁹). Здѣсь по имѣвшимся описямъ монастырскихъ библіотекъ выбирали требующіяся на Печатный дворъ къ книжной справѣ печатныя книги и рукописи, и потомъ изъ дублетовъ и триплетовъ покупали у монастырей по одному экземпляру, а съ уникаловъ списывали копии⁷⁰). Въ 1653 году, по повелѣнію патріарха Никона, собственно для типографской Правильни была даже составлена и передана въ ея книгохранилище особая подробная опись монастырскимъ библіотекамъ «того

ради, чтобы было вѣдомо, гдѣ которыя книги взяти книгъ печатнаго дѣла исправленія ради» ⁷¹). Такимъ образомъ каждое вновь принимаемое изданіе влекло за собою и новое пріобрѣтеніе для типографскаго книгохранилища. Со временъ патріарха Никона библіотека Печатнаго двора стала наполняться греческими рукописями и разными иностранными изданіями, на поупку которыхъ не жалѣли никакихъ издержекъ; такъ напр. за Библію Полиглотту съ гравюрами заплачено было въ 1680 году 50 р. ⁷²). Не мало замѣчательныхъ книгъ и рукописей было въ это время пріобрѣтено какъ изъ монастырскихъ, такъ и изъ домашнихъ библиотекъ нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ лицъ того времени, какъ-то: послѣ Павла митрополита Крутицкаго, Епифанія Славеницкаго и у справщика Евѣимія ⁷³); не мало было и пожертвовано на Печатный дворъ его учеными справщиками русскими и даже иностранцами. Такъ около 1670 г. архимандритъ Діонисій Святоторець, ученый Грекъ, бывший здѣсь старшимъ справщикомъ, при отъѣздѣ своемъ изъ Москвы на родину, завѣщаль принадлежавшія ему греческія книги и рукописи съ твореніями святыхъ отцевъ и еллинскихъ классиковъ къ государеву дѣлу на Печатный дворъ, въ присную память своихъ трудовъ при этомъ учрежденіи въ званіи справщика ⁷⁴). Въ 1670 г. къ типографскому книгохранилищу назначенъ уже былъ особый книгохранитель ⁷⁵). Около временъ Θεодора Алексѣевича и въ особенности въ его царствованіе начали пріобрѣтать въ это книгохранилище не однѣ только книги, нужныя собственно для Правильни, но и общеобразовательнаго содержанія. Царь Θεодоръ Алексѣевичъ въ 1679 году задумалъ открыть на Печатномъ дворѣ при его библиотекѣ училище, изъ котораго вскорѣ потомъ должна была возникнуть академія ⁷⁶). Ученые начали стекаться въ Москву со всѣхъ сторонъ. Въ это время царь и патріархъ Іоакимъ не разъ посѣщали Печатный дворъ и осматривали всѣ его учрежденія: Приказъ, Правильню и даже типографскія мастерскія ⁷⁷). Помѣщенія для Правильни, бывшей средоточіемъ тогдашней учености, и находившагося при ней обширнаго книгохранилища, которому предстояло увеличиться еще болѣе, были тѣсны и скудны. Положено было соорудить для того и другаго учрежденія особое зданіе болѣе помѣстительное, которое при томъ своимъ благолѣпіемъ должно было соотвѣтствовать уваженію царя къ просвѣщенію и его представителямъ. Для этого въ 1679 году велѣно одну изъ древнихъ палатъ у городской стѣны, именно большую, находившуюся посрединѣ двора, разобрать, а нижнее жильѣ въ другой палатѣ, примыкавшей къ ней стѣною, и верхнюю стѣны, вычинить подъ рудню. Подлѣ этой рудни, на мѣстѣ евангелии большой палаты, выстроено новое двухэтажное зданіе, назначенное для библиотеки; а надъ руднею построены также вновь верхній этажъ, въ

которомъ должна была помѣститься Правильная, и который примкнулъ къ верхнему этажу новаго библиотечнаго зданія ⁷⁸).

Обѣ палаты съ остатками внутреннихъ украшеній, сдѣланныхъ въ это время, уцѣлѣли, какъ увидимъ далѣе, и до сихъ поръ. О теперешнемъ ихъ состоянїи сказано будетъ въ послѣдствїи. Что касается до того, въ какомъ видѣ онѣ первоначально были отдѣланы, то расходная книга Печатнаго приказа 1679 и 1680 годовъ сообщаетъ объ этомъ слѣдующія подробности. Въ Правильной палатѣ было 12 оконъ ⁷⁹); надъ нею высокая двоетесная кровля съ точеными столбиками ⁸⁰); между обѣими палатами, Правильной и Книгохранительной, сдѣланъ входъ съ рундукомъ и каменными лѣстницами вверхъ ⁸¹); надъ входомъ сводецъ и каменный кіотъ, расписанный красками: здѣсь помѣщена икона Распятія Господня, подъ полукруглымъ навѣсомъ, покрытымъ чешуею. Кромѣ того, надъ входною лѣстницею въ Правильную поставленъ былъ еще другой образъ: Проповѣдь Святыхъ Апостоль ⁸²). Придворный иконописецъ Леонтій Ивановъ съ товарищи, одинъ изъ мастеровъ, занимавшихся преимущественно хоромнымъ живописнымъ дѣломъ, расписалъ обѣ палаты не только внутри по стѣнамъ, сводамъ, дверямъ и окнамъ, но и съ лицевой стороны ⁸³). Въ Книгохранительной палатѣ чуланы, гдѣ помѣщались книги, были также расписаны ⁸⁴); для книгъ раритетныхъ еще прежде того были устроены особые ящики рѣзные съ позолотою и гладкіе расписанные. Въ такихъ ящикахъ хранились тогда: Греческое Евангеліе и Лексиконъ Большой ⁸⁵). Евангеліе очевидно—та древнѣйшая изъ харатейныхъ греческихъ рукописей, о которой въ описной библиотечной книгѣ 1681 г. сказано: «а какъ писано—тому 1125 лѣтъ»; а Лексиконъ—Епифанія Славеницкаго—книга, какъ значится въ универсальномъ каталогѣ 1727 года, «великія естимы достойная» ⁸⁶). Стѣны этой палаты украшались иконами, писанными на полотнѣ ⁸⁷). Еще съ бѣльшимъ великолѣпїемъ отдѣлана сосѣдняя Правильная палата. На расписку ея употреблены лучшія краски съ листовымъ серебромъ и золотомъ ⁸⁸). Печь сдѣлана въ ней образчатая, полы выстланы муравленою черепицей, а подоконники цвѣтными цѣвинными кирпичами ⁸⁹). Поставленная внутри перегородка съ рѣзными посеребренными дверями украшалась, сверхъ того, съ обѣихъ сторонъ до самыхъ сводовъ, сплошною посеребленною и расписанною рѣзбою ⁹⁰). Оконничныя пальцы и рамцы были расписаны, а на окнахъ съ писанными стеклами помѣщены рѣзные позолоченныя клейма ⁹¹). Другой иконописецъ Семень Михайловъ Облазничъ, вмѣстѣ съ тѣмъ же Леонтіемъ Ивановымъ, написали для этой палаты вновь три иконы Деисусъ и устроили для нихъ рѣзной позолоченный кіотъ ⁹²). Столъ, скамьи и стѣны или панели были обиты свѣтлозеленымъ и свѣтлолазоревымъ

сукномъ ⁹³). Кромѣ того въ эту же палату сдѣланъ былъ какой-то по́ставъ съ рѣзными расписанными створами ⁹⁴).

По окончаніи всѣхъ этихъ работъ, 8 Сентября 1680 года, по указу патріарха, Симеонъ архіепископъ сибирскій и тобольскій, тогда завѣдывавшій Печатнымъ дворомъ, «приказалъ въ новопостроенныхъ въ Правильной и въ Книгохранительной палатахъ учинить новоселье, и на томъ новосельи изволилъ быть самъ и кормить книжныхъ справщиковъ, и четцовъ, и подъячихъ, и всякихъ чиновъ мастеровыхъ людей» ⁹⁵).

Одновременно съ сооруженіемъ новыхъ палатъ для Правильной и библиотеки, увеличено разными пристройками и большое передовое зданіе. Между воротами и Муроносицкою (прежнею нѣмецкою) палатою, находившеюся отъ нихъ направо, выстроена новая мастерская. Самая Муроносицкая палата поднята въ одну вышину съ Никольскою, прилежавшею къ Греческому монастырю; а на нижнихъ жильяхъ, бывшихъ по обѣимъ сторонамъ воротъ, надстроены верхнія ⁹⁶). Послѣ этого въ большомъ передовомъ корпусѣ являются уже 4 книгопечатныя палаты, называвшіяся по имени поставленныхъ въ нихъ иконъ: Муроносицкая, Воскресенская, Спасская и Никольская. Двѣ первыя находились при входѣ направо, а послѣднія двѣ налево отъ воротъ ⁹⁷). Самый фасадъ передоваго зданія получилъ въ это время особенно красивый видъ: большая и малыя башни были передѣланы и вмѣстѣ съ корпусомъ воротъ выбѣлены; шатровый верхъ большой башни расписанъ красками; стоявшій на немъ двухглавый орелъ съ крестомъ и тремя коронами вызолоченъ; кубышки подъ прапорами высеребрены; помѣщенное надъ воротами «надписаніе титла государева» также было позолочено, а окружавшія его каймы покрыты серебромъ ⁹⁸).

По отдѣлкѣ особаго помѣщенія для Правильной и библиотеки, въ палатахъ, прежде ими занимаемыхъ, открыта подъ управленіемъ извѣстнаго іеромонаха Тимоѳея Грекославянская школа, родоначальница Заиконоспасской академіи и всѣхъ теперешнихъ духовныхъ школъ, содержавшаяся на счетъ суммъ Печатнаго двора ⁹⁹). Черезъ два года послѣ того, для этого училища, значительно увеличившагося, были отдѣланы двѣ верхнія палаты въ каменныхъ строеніяхъ, примыкавшихъ къ двору Воротынскаго; вслѣдствіе чего эта часть типографскаго (прежде нѣмецкаго) двора, отдѣленная заборомъ съ особыми воротами, называлась потомъ «школьнымъ дворомъ» ¹⁰⁰).

Въ царствованіе Θεодора Алексѣевича сдѣланы были, между прочимъ, на Печатномъ дворѣ и другія постройки, совершенно незначительныя въ архитектурномъ отношеніи, но обращающія на себя вниманіе по своему назначенію. Издревле иконный рядъ, названный на одномъ изъ старинныхъ плановъ Москвы: *Tabernae pictorum*, находился на Никольской улицѣ.

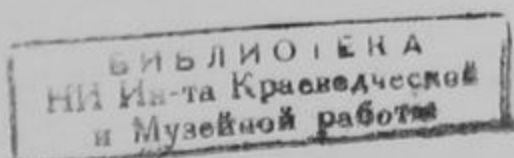
идя отъ Кремля налѣво, впереди стараго Спасскаго монастыря, который потому и называется Заиконоспасскимъ ¹⁰¹). Торговля иконами на большой проѣзжей улицѣ найдена была въ это время неприличною; признано необходимымъ перевести ее въ сокровенное мѣсто, и, по царскому указу 3 Сентября 1681 года, велѣно весь иконный рядъ перемѣстить на Печатный дворъ, гдѣ и выстроено было для иконныхъ торговцевъ по обѣимъ сторонамъ двора 10 деревянныхъ лавокъ ¹⁰²). Можетъ быть это перемѣщеніе иконной торговли собственно на Печатный дворъ сдѣлано было, между прочимъ, и съ тою цѣлю, чтобы духовное правительство могло здѣсь удобнѣе слѣдить за правильностію священныхъ изображеній, противъ искаженія которыхъ патріархъ Іоакимъ еще въ 1674 году предписывалъ строгія мѣры ¹⁰³).

Ш.

Упадокъ Московской Типографіи въ началѣ XVIII в.—Каменные постройки на типографскомъ дворѣ при императрицѣ Елисаветѣ.—Расширеніе библиотечнаго помѣщенія и открытіе публичной библиотеки въ Московской Синодальной Типографіи.—Покупка въ 1761 году сосѣдняго Шереметевскаго двора, постройка здѣсь новаго зданія фасадомъ на улицу и перемѣщеніе въ него библиотеки.—Судьбы прежнихъ библиотечныхъ палатъ до нашего времени.—Разрушеніе древней надворотной башни.—Ветхость и сломка древняго передоваго зданія.—Постройка новаго.—Судьбы древнихъ воротъ Печатнаго двора.—Описаніе настоящаго положенія древнихъ палатъ внутри типографскаго двора, ихъ наружный видъ, внутреннее расположеніе и уцѣлѣвшая внутренняя стѣнопись.

Послѣ времени Ѳеодора Алексѣевича долгое время не было предпринимаемо никакихъ особенно замѣчательныхъ построекъ на Печатномъ дворѣ, да и не было къ тому денежныхъ средствъ. Съ начала XVIII вѣка канцелярская дѣятельность по Типографіи усилилась, а книгопечатная упала; упала и книжная торговля. «Купцы», писалъ тогдашній директоръ Поликарповъ, «нынѣшнихъ книгъ обѣгаютъ и больше со стороны покупаютъ прежнія книги чисто печатныя съ наддачею, нежели новыя марашки меньшею цѣною». Для приведенія Типографіи въ цвѣтущее состояніе, онъ полагалъ оставить въ ней только 5 станковъ, 4 церковныхъ и 1 гражданскій. Такого рода порядки, въ соединеніи съ дурнымъ хозяйствомъ, довели вскорѣ Типографію до крайняго оскудѣнія, такъ что еще въ 1724 году, «за неимуществомъ въ казнѣ денегъ», самое жалованье выдавалось книгами ¹⁰⁴). Болѣе благоприятная для нея пора наступила съ воцареніемъ императрицы Елисаветы, какъ можно видѣть и по самымъ изданіямъ того времени, отличавшимся особою роскошью и изяществомъ какъ въ типографскомъ, такъ и въ художественномъ отношеніи. Въ это же царствованіе предприняты были для увеличенія типографскаго помѣщенія двѣ капитальныя постройки внутри двора. Къ 1747 году со стороны Греческаго монастыря выведенъ двухэтажный поперечный корпусъ, по направленію отъ большаго пе-

древности. II.

редоваго зданія къ городской стѣнѣ, съ заворотомъ къ древнимъ палатамъ: Правильной и Библиотечной ¹⁰⁵). Вслѣдъ затѣмъ приступлено было къ постройкѣ и другаго такого же корпуса со стороны Шереметевскаго двора, на мѣстѣ ветхихъ палатъ, занимаемыхъ тогда Правильною, вѣроятно тѣхъ самыхъ, которыя мы видѣли въ половинѣ XVII в., внутри бывшаго нѣмецкаго двора. Типографская библиотечная, обогатившаяся послѣ времени Ѳеодора Алексѣевича новыми приобрѣтеніями, занимала теперь обѣ палаты—и прежнюю Книгохранительную и сосѣднюю съ нею Правильную; но и это помѣщеніе было уже тѣсно. Для его расширенія положено было провести отъ новопостроеннаго корпуса со стороны Шереметевскаго двора къ библиотечнымъ палатамъ особое двухэтажное зданіе съ пристойно отдѣланными и выбѣленными верхними залами, «дабы», какъ сказано въ проэктѣ этой постройки, «академическіе учителя и прочіе, кто возжелаетъ, удобно могли заниматься чтеніемъ библиотечныхъ книгъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ были исправлены въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и обветшавшія стѣны древнихъ библиотечныхъ палатъ ¹⁰⁶). По окончаніи этихъ построекъ, къ 1760 году типографскія зданія составили четырехугольникъ съ дворомъ посрединѣ, видимый и теперь.

Типографская библиотечная,—первая, получившая назначеніе публичной,—вскорѣ перешла въ другое помѣщеніе. Въ 1761 году прикупленъ былъ къ Типографіи сосѣдній дворъ графа Шереметева, прежде принадлежавшій Воротынскому. Ветхій каменный домъ прежняго владѣльца съ крестовою церковью былъ сломанъ; а на мѣстѣ его выстроено, фасадомъ на Никольскую улицу, двухэтажное массивное зданіе съ куполомъ и воротами посрединѣ, на которыхъ видно теперь лѣпное изображеніе Всевиद्याщаго Ока. Въ верхнемъ этажѣ этого корпуса отдѣланы были, между прочимъ, двѣ большія залы, въ которыя потомъ и переведена библиотечная ¹⁰⁷).

Послѣ этого перемѣщенія, старыя библиотечныя палаты занимаемы были разными вспомогательными при Типографіи мастерскими. Не такъ еще давно штукатурка закрыла и послѣдніе остатки древней стѣнописи, о которыхъ упоминаетъ К. Ѳ. Калайдовичъ ¹⁰⁸) и которыя еще видѣли типографскіе старожилы. Вмѣстѣ съ тѣмъ были передѣланы въ нихъ старинныя верхнія окна съ лицевой стороны. Покрытыя копотью стѣны и стоявшіе здѣсь въ послѣднее время словолитные горны и печи не подавали даже и намека на прежнюю великолѣпную отдѣлку этихъ палатъ при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Въ такомъ видѣ онѣ дошли до нашего времени.

Что касается до большаго передоваго зданія, построеннаго въ 1645 году на сваяхъ, то еще во второй половинѣ прошедшаго столѣтія на-

чали обнаруживаться зловѣщіе признаки его близкаго разрушенія. Въ 1773 году, въ ночь съ 8-го на 9 Сентября, треснула надворотная башня, которая тогда же и была разобрана¹⁰⁹); а вскорѣ послѣ того и прочія части зданія начали грозить паденіемъ. Въ 1840 г. оказалось неизбѣжнымъ приступитъ къ сломкѣ этихъ палатъ. При постройкѣ на ихъ мѣстѣ новаго корпуса, тогдашнее духовное начальство настаивало, чтобы это зданіе было сооружено по образцу прежняго; въ особенности, чтобы сохранены были прежнія ворота, «яко древностію ознаменованныя». Въ этомъ смыслѣ сначала и былъ составленъ планъ архитекторомъ Селеховымъ. Но по распоряженію бывшаго начальника Кремлевской Экспедиціи, Валуева, на котораго было возложено завѣдываніе типографскими постройками, составленъ новый планъ архитекторомъ Мироновскимъ. Согласно этому плану, въ 1814 году, было выстроено теперешнее передовое зданіе Типографіи въ готическомъ вкусѣ¹¹⁰). Старыя ворота оказались уже несоотвѣтствующими ни стилю, ни размѣрамъ новаго зданія; но впечатлѣніе этихъ воротъ было повидимому сильно и на новыхъ строителей, которые въ орнаментикѣ фасада видимо старались подражать узорамъ, наложеннымъ на камняхъ знаменщиками 1644 года. Помѣщено надъ новыми воротами, хотя нѣсколько въ другомъ видѣ, и изображеніе льва и единорога, старинный гербъ Московскаго Государева Печатнаго двора.

О сломкѣ старыхъ воротъ тогда же выразили свое сожалѣніе печатно Н. М. Карамзинъ и К. Θ. Калайдовичъ¹¹¹). Въ недавнее время въ «Русской Старинѣ» было высказано предположеніе, будто бы старыя типографскія ворота пошли на украшеніе главнаго входа въ Преображенское кладбище; но во 2-мъ изданіи «Старины» сами же издатели заявили о своей ошибкѣ: по справкѣ съ документами оказалось, что ворота Преображенскаго кладбища взяты не съ Печатнаго двора, а съ Измайловскаго дворца¹¹²). Изъ дѣла о сломкѣ прежняго типографскаго дома видно, что, при разборкѣ воротъ, украшавшіе ихъ камни были складываемы на типографскомъ дворѣ. Изъ нихъ остались только двѣ нижнія части колоннъ съ узорами, о которыхъ говорено было выше.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ древнихъ зданій Печатнаго двора до насъ дошли только палаты, выстроенныя при царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ для Правильни и Библіотеки, и нижній этажъ подъ Правильней, оставшійся отъ древнѣйшихъ каменныхъ строеній, возведенныхъ еще до 1620 года.

Въ 1867 году, лѣтомъ, вслѣдъ за розысканіями о постройкѣ и судьбахъ этихъ зданій сдѣланы были нами попытки и къ открытію въ нихъ тѣхъ украшеній, на которыя указывали архивные документы 1679 и 1680 годовъ. Эти попытки увѣнчались успѣхомъ. По разчищеніи верхнихъ слоевъ позднѣйшей штукатурки, внутри палатъ и отчасти снаружи, оказалась

древняя хоромная стѣнопись, во многихъ мѣстахъ довольно хорошо сохранившаяся. Подобнаго рода остатками отъ XVII в. Москва, какъ извѣстно, теперь скудна. * Типографскія палаты представляютъ въ себѣ чуть ли не единственный образчикъ того, какъ отдѣльвались и расписывались въ то время дома и вообще зданія гражданскаго назначенія; а потому считаемъ не лишнимъ сообщить объ нихъ нѣкоторыя подробности съ приложеніемъ рисунковъ. [См. рис. V, 1 и 2, VI, 1 и 2].

Палаты видны при входѣ на типографскій дворъ, въ самой срединѣ задняго корпуса, между примыкающими къ нимъ съ обѣихъ сторонъ пристройками Елисаветинскаго времени. Слѣды XVII в. не совсѣмъ еще стерлись даже и съ наружной ихъ стороны. На стѣнахъ уцѣлѣли по мѣстамъ старинные карнизы съ поясками, состоящими изъ выложенныхъ углами кирпичей; а на задней стѣнѣ, на нѣкоторыхъ окнахъ—трехугольные фронтоны съ полуколонками по сторонамъ. Надъ тремя лицевыми окнами въ бывшей Правильнѣ, по вынутіи изъ нихъ нѣсколькихъ кирпичей, оказались витиеватые орнаменты, состоящіе изъ трехъ дугъ; въ среднемъ окнѣ, надъ верхнею дугою, видна стрѣлка. Часть нижняго этажа, находящаяся подъ Правильнею, при входѣ налѣво, отличается отъ прочихъ частей зданія своими стрѣльчатыми сводами съ желѣзными проемными связями. Подъ нею глубокій погребъ, въ которомъ уцѣлѣли слѣды оконъ бывшаго здѣсь прежде подклѣта. Эта часть зданія составляетъ остатокъ отъ древнѣйшихъ построекъ на Печатномъ дворѣ, возведенныхъ, какъ сказано выше, еще до 1620 года и вѣроятно современнаго основанію самой Типографіи.

Верхній этажъ состоитъ изъ двухъ палатъ со сводами, раздѣленныхъ каменною поперечною стѣною, съ дверью посрединѣ. Въ одной изъ нихъ, бывшей Книгохранительной, написаны на потолкѣ клеевыми и отчасти масляными красками, по молочному фону, крупные цвѣты фантастическаго рисунка, на черныхъ стебляхъ, развѣтвляющихся во всѣ стороны. [Рис. V, 1]. Войдя изъ этой палаты въ Правильню, мы видимъ на правой сторонѣ посрединѣ широкую красивую арку: въ ней два невысокихъ смежныхъ окна съ полукруглыми верхами, съ обѣихъ сторонъ ея по одному простому окну. Три такія же арки видны на лѣвой сторонѣ и одна прямо противъ входа въ поперечной стѣнѣ. Во всѣхъ этихъ аркахъ было по два смежныхъ окна, въ прежнее время украшенныхъ рѣзными позолоченными клеймами. Въ стѣнѣ, отдѣляющей Правильню отъ Библиотеки,

* При возобновеніи Романовскихъ палатъ потребовалось, между прочимъ, расписать своды Крестовой палаты во вкусъ XVII вѣка. За неимѣніемъ образцовъ хоромной стѣнописи того времени, ученая комиссія, завѣдывавшая постройками, вынуждена была для расписанія означенныхъ сводовъ заимствовать орнаменты изъ грамоты царя Михаила Феодоровича. См. Моск. Вѣд. 14 ноября 1856 года, № 271, Объ освящ. Роман. палатъ.

сдѣлана съ внутренней стороны, при входѣ налѣво, нишь съ полукруглымъ верхомъ, неизвѣстно впрочемъ для какого назначенія; можетъ быть въ ней помѣщался по́ставъ съ рѣзными расписанными створами, о которомъ упоминается въ расходной книгѣ 1680 года. Правильная палата внутри по стѣнамъ и окнамъ расписана масляными красками. На стѣнѣ, около двери и ниши, раскинуты, въ видѣ лентъ, по желтому фону неширокія красныя полосы, раздѣланныя бѣлыми и темными продольными чертами и перевязанныя большими сердцевидными узлами, между которыми помѣщены крупныя изгибающіеся листья и разноколерныя цвѣтки [Рис. VI, 2]. Въ полукружіяхъ надъ двумя окнами, находящимися по сторонамъ арки, въ правой стѣнѣ отъ входа, рисунокъ сдѣланъ также по желтому фону; но замѣтно отличается отъ стѣннаго. Надъ однимъ окномъ, вверху по серединѣ, помѣщенъ высокій трехярусный цвѣтокъ; два такіе же цвѣтка лежатъ симметрично внизу по обѣимъ сторонамъ полукружія; на остальномъ пространствѣ видны разноцвѣтные листья. [Рис. V, 2]. Надъ другимъ окномъ вверху, вмѣсто цвѣтка, написана личина—бородатое лицо человѣческое или львиное, иконописнаго пошиба; изъ головы и рта идутъ на обѣ стороны полукружія вѣтви съ листьями и цвѣтками разнообразныхъ формъ. [Рис. VI. 1]. На панеляхъ рисунокъ доходитъ только до среднихъ оконныхъ арокъ, у которыхъ, по всей вѣроятности, стояла прежде перегородка съ сплошною посеребренною рѣзбою до самыхъ сводовъ. На потолкѣ штукатурка перетерта и рисунокъ окончательно уничтоженъ; остались только слѣды яркой голубой краски. Но лѣтъ сорокъ назадъ, здѣсь еще видны были на голубомъ фонѣ, съ одной стороны—золотое солнце, съ серебряными и золотыми лучами, а съ другой—золотой мѣсяцъ на серебряныхъ облакахъ; остальное пространство усѣяно было звѣздами. Эти изображенія, были, какъ видно, любимыми хоронными украшеніями въ то время, когда иконописецъ Леонтій Ивановъ расписывалъ Правильную палату. Почти одновременно съ ея отдѣлкою, именно въ 1684 г., другой иконописецъ Лазарь Ивановъ подобнымъ же образомъ расписалъ палаты Посольскаго приказа, изобразивъ на потолкахъ небесныя свѣтила. [Пам. Моск. Древ. И. Снегирева. М. 1842—45, стр. LXVII]. Съ такими же украшеніями внутри является по русскимъ пѣснямъ и сказочный теремъ Соловья Будиміровича:

Хорошо въ теремѣ изукрашено:
 На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;
 На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
 На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
 На небѣ заря, въ теремѣ заря;
 И вся красота поднебесная.

ПРИМЪЧАНІЯ.

- 1) П. Строева, Опис. староп. книгъ гр. Толстова. М. 1829 г. №№ 16, 45, 54.
- 2) Акты истор., т. II, № 20. 1599 г. Января 16. Память Савину Воейкову. «Кузмѣ Олѣимову ѣхати съ царицами назадъ во Фроловскіе ворота, да площадью на Николской крестецъ, и поставитъ ихъ на Посолскомъ дворѣ, возлѣ Печатнаго двора». Тамъ же, № 21. Роспись подворьямъ, отведеннымъ для пребыванія въ Москвѣ Кучюмова семейства [отъ того же числа]. «На Бѣлобородовѣ дворѣ стояти Сибирскаго Кучюма царя сыну Асмануку царевичу». О Никольскомъ Греческомъ монастырѣ и крестцѣ см. Выходы царей. М. 1844 г., Указат. стр. 59. О Бѣлобородѣ Иванѣ Девахѣ или Девалѣ [John de Vale] см. Карамз. Истор. Г. Р., изд. Эйнерл., IX 277 пр. 842; X, пр. 21, 341, 426; XI, пр. 34.

Н. М. Карамзинъ также полагалъ, что типографскій дворъ издревле находился на томъ мѣстѣ, гдѣ и теперь; но, опустивъ изъ виду прямая указанія на это въ вышеприведенныхъ документахъ XVI в., онъ основывалъ свое предположеніе уже на позднѣйшемъ свидѣтельствѣ, именно на словахъ надписи, сдѣланной на старыхъ типографскихъ воротахъ въ 1645 г. См. Истор. Г. Р., т. IX, пр. 89.

- 3) Акты истор., т. III, № 157. 1629 г. Маія. Опись Китая города, въ Москвѣ: «Внутри города Государевъ Печатной дворъ, пригороженъ къ стѣнѣ.... Дворъ нѣмчина Бѣлоборода; дворъ стольника князя Олексѣя Ивановича Воротынскаго». Приходорасходная книга Печатнаго приказа 1620 г. [въ Архивѣ Москов. Синод. типогр.], л. 225: «Далъ онъ [цѣловальникъ] тѣ денги плотнику, который на Печатномъ дворѣ за полатою въ городской стѣнѣ диру задѣлывалъ». Приходорасход. кн. 1626 г., л. 5 об.: «Марта въ 28 день куплено на городбу отъ Никольскаго монастыря 50 бревенъ».

- 4) Приходорасход. кн. Печ. прик. 1620 г., л. 182: «Генваря въ 4 день.... куплены на старой на Печатной дворѣ брусья трехсаженныя и доски двухсаженныя въ полату на перегороду. Генваря въ 15 день рѣзцу Кондратью Иванову за избу, что онъ поставилъ на старомъ на Печатномъ дворѣ, 10 рублевъ».

- 5) П. Строева, Опис. староп. кн. Царскаго. М. 1636 г. Прилож. стр. 446. «И повелѣ царь [Мих. Феодоровичъ] домъ печатный вново построить на древнемъ семъ мѣстѣ [иже и нынѣ зрится]». Слич. стр. 453.

- 6) Д. Флетчера, О Госуд. Русскомъ, гл. 21 въ ст. «Образованіе и доученіе Русскаго духовенства».

- 7) П. Строева, Опис. староп. кн. гр. Толстова, № 18.

8) П. Строева, Опис. староп. кн. Царскаго. Прилож., стр. 441. Слич. Оп. Толстова, № 18.

9) Ак. Арх. Эксп. II, № 190.

10) П. Строева, Опис. староп. кн. Царск. Прилож. стр. 442.

11) См. въ типогр. архивѣ Опись книгопечатнаго двора, 7 Декаб. 1649 г. Л. 48 — 60: «Приказные всякіе дѣла и приходные и расходные книги прошлыхъ лѣтъ».

12) Строева, Опис. староп. кн. Царск., № 53.

13) Приходорасход. книга Печ. приказа 1620 г., л. 181 об. и 182: «Того жъ дни [Января 8-го] извощикомъ Данилку Ондреву съ товарищи отъ хоромные и отъ сѣнныя печатнаго книжнаго дѣла изъ Кремля города на старой на Печатной дворъ провозу 5 рублевъ дано». Л. 198 об. и 199: «Того же дни [Марта 27] плотникомъ за дѣло, что они въ Кремль городѣ въ полатахъ Никитинскіе печати Фофанова разбирали переплетную избу, да кузницу, да три казенки, да мастера попа Никона казенку... и на Печат. дворѣ казенки дѣлали.—Апрѣля въ 3 день, печнику отъ горновъ: словосмытного и словолитного и отъ печей лomanья, что ломали въ избѣ, которая была въ Кремль городѣ на Набережной полатѣ». Л. 200: «Маія въ 10 день куплены бревна на Печатной дворъ книжнаго дѣла къ хоромамъ, которые перевезены изъ Кремля города съ Набережные полаты, гдѣ сидѣли справщики».

14) О дѣятельности Правильни и о типогр. библиотекѣ см. ниже примѣч. 64—75. По Расход. книгѣ Печ. прик. 1620-го г., типогр. Правильня имѣла слѣдующій составъ: «Маія въ 1 день, справщику старцу Давыду Замараю, старцу Онтонью, вдовому попу Степану, Григорью Онисимову, четцу вдовому попу Никитѣ, писцомъ: Митѣ Исаеву да Улану Насонову, всего семи человекъ, Государева жалованья поденного корму,—на день по два алтына человекъ... [л. 160 об. и 161]. О книгахъ справныхъ въ той же Приходорасход. книгѣ: «Справщику старцу Давыду Замараю къ казенкѣ, гдѣ они приправочные книги кладутъ, на замокъ» .. [л. 162 об.]. Слич. примѣч. 17.

15) См. примѣч. 4 и 3.

16) См. примѣч. 13.

17) Приходорасход. книга Печ. прик. 1620 г., л. 158 об.: «Марта въ 20 день.... извощикомъ, которые справщиковъ старца Давыда Замарая съ товарищи и ихъ рухлядь изъ избы съ Набережные полаты на Троецкое подворье перевозили, 5 алтынъ; куплено печатнаго книжнаго дѣла справщикомъ доска на вставни, а коробы на справочные книги». Приходорасход. кн. 1622 г., л. 205 об.: «Гончару, что онъ дѣлалъ на Троецкомъ подворьѣ у книжной справы печь». О мѣстополож. Троицк. подворья см. Выходы царей. М. 1844 г., Указат. стр. 9.

18) Приходорасходн. кн. 1620 г., л. 180 об. и 181: «Генваря въ 8 день, извощикомъ, которые изъ печатные избы мастеровыхъ людей мастера Осиповскіе печати Кирилова на старой на Печатной дворъ два книжные станы и запасы перевозили». Л. 183 об. и 184: «Генваря 29... да изъ печатные избы мастера попа Никона печатные Псалтыри и бумагу и запасы

на старой Печатной дворъ». Л. 142 об.: «Февраля въ 15 день... отъ Охтайной розни [дефекта] изъ Кремля города и отъ иные мелкіе рухляди на Печатной дворъ провозу шесть денегъ». Л. 143 об.: «Да Микитинскіе печати Фофанова изъ Кремля города на Печатной дворъ отъ становъ провозу два алтына». Слич. примѣч. 13.

19) Приходорасходн. книга 1648—9 г., л. 427: «Сентября 5-го, —цѣловальникъ Иванъ Харламовъ купилъ сто гвоздей кружалныхъ къ полаткѣ на кровлю, что у воротъ отъ Нѣмецкаго двора». Расход. книга 1656 г., л. 207: «Маія въ 5 день по Государеву Патріаршу указу крыты кровли на книжномъ Печатномъ дворѣ на полатахъ, что прежь сего былъ Нѣмецкій дворъ, и на старыхъ казенныхъ полатахъ». Расходн. книга 1657—8 г., л. 450 об.: «Сентября въ 24 день каменщикамъ отъ дѣла дано, что у Нѣмецкихъ воротъ старыя ворота задѣлывали, 2 рубля». Расходн. книга 1662 г., л. 204: «Маія въ 13 день у Нѣмецкой же кладовой полаты задѣлана дверь отъ Воротынского двора».

20) Книга Строильная 7165 года, л. 39: «Церковь каменная Святыхъ женъ Мурносицъ, что на Николскомъ Крестцѣ, у Печатного двора; да позади жъ церкви женъ Мурносицъ подъ церковью Успенія Пречистые Богородицы до стѣны церковной земли три сажени. Дворъ попа Ивана...» и проч.

Когда и кѣмъ построена была Мурносицкая церковь, неизвѣстно. Изъ указа Моск. Дух. Консистеріи графу Петру Борисовичу Шереметеву 1774 г. Юля 18 дня, № 1992, видно, что до 1773 года эта церковь была приходская; къ ней принадлежало 5 домовъ: 1, графа Шереметева, 2, графа Мусина-Пушкина [теперь купцовъ Чижовыхъ], 3, Синодальной Типографіи, 4, князя Голицына [въ послѣдствіи Шевалдышева] и 5, подворье Богоявленскаго монастыря, гдѣ останавливались на время иностранные люди. При этомъ указѣ она отдана графу Шереметеву. По дѣламъ Консистеріи видно, что Мурносицкая церковь въ 1808 году, по просьбѣ гр. Шереметева, была разобрана, а матеріаль отданъ на построение колокольни при Козмо-Даміанской церкви, что въ Панѣхъ. Домъ гр. Мусина-Пушкина, въ послѣдствіи Кусовникова, а теперь куп. Чижовыхъ, при которомъ находится Успенская церковь съ главою и куполомъ, принадлежалъ, по преданію, московскимъ патріархамъ, какъ видно изъ записки, составленной бывшимъ старостою при церкви Св. Троицы въ Поляхъ П. Д. Левашевымъ.

21) При этомъ послѣднемъ случаѣ священникамъ обыкновенно выдавалось изъ Приказа за молебень по гривнѣ, а мастеровымъ людямъ, приступавшимъ къ печатанію, наборщикамъ по 4, а прочимъ по 2 деньги «на колачи». Этотъ обычай, какъ свидѣлствуютъ расходныя типографскія книги, продолжался до самаго конца XVII вѣка.

22) Акты истор., т. III, № 157, слич. примѣч. 31.

23) См. примѣч. 42.

24) См. Пам. Моск. Древн. М. 1842-45 г. стр. 97 и слѣд. и статья.

25) См. примѣч. 3. Мѣстоположеніе каменной палаты на Печ. дворѣ еще яснѣе показано въ книгѣ Москов. стола Разряднаго архива, № 26, гдѣ:

«Печатнаго двора взято къ городу 2 сажени съ половиною во весь дворъ, да на дворѣ стоитъ полата каменная, близь городской стѣны, проѣзду нѣтъ». Палата была о двухъ этажахъ. Расход. кн. 1620 г., л. 187: «Да къ перегородѣ, что въ верхней полатѣ, а лавки въ нижнюю полату». Подъ нею были подклѣты и погреба. Расход. книг. 1626 г., л. 144: «Сторожу Гришкѣ за подѣлку за три горны въ нижнюю полату, да за подѣлку за двѣ печи и за трубы въ подклѣты 20 алтынъ». Расход. кн. 1625 г., л. 298: «Лѣснику за колоды къ погребу въ полатѣ». О погребахъ см. примѣч. 30 и 38. Одинъ изъ погребовъ съ бывшимъ надъ нимъ подклѣтомъ подъ древнею палатою сохранился до нынѣ. Огня подклѣта теперь заложены и снаружи засыпаны наносною землею; см. опис. древн. палатъ въ концѣ статьи. Объ оконницахъ, кровлѣ и принадлежностяхъ палаты см. Расход. кн. 1620 г., л. 185: «За окончины слюденые въ печатные книжного дѣла полаты». Расход. кн. 1626 г., л. 74 об.: «Куплено на кровлю къ полатѣ 47 досокъ двусаженныхъ». Л. 94 об.: «Къ сѣнемъ полатнымъ 200 тесу трехсаженново».

26) Это видно изъ слѣдующихъ выраженій о палатѣ въ Расход. книгахъ разныхъ годовъ. Кн. 1626 г., л. 26: «Велѣно дѣлать на Печатномъ книжномъ дворѣ сушило передъ большою полатою къ станомъ верхніе и нижніе полаты. Тамъ же, л. 116 об.: «Дѣлали рѣшотку къ задней полатѣ». Въ Описи [1649 г., л. 27 об.] старыхъ палатъ у городской стѣны, тогда обращенныхъ въ кладовыя, между прочимъ говорится: «Внизу у задней полаты дверь желѣзная». Кн. 1679 г., л. 152: «На книжномъ Печатномъ дворѣ старую кладовую полату, что среди двора, разобрать, а отъ городовыя стѣны нижее житье съ погребомъ, что дѣлано особъ, оставить и вычинить подъ рудню». Надъ этою руднею тогда же выстроены верхній этажъ для Правильни. Это зданіе находится и теперь у самой городской стѣны въ заднемъ корпусѣ. Слич. примѣч. 78.

27) См. примѣч. 26... «Къ станомъ верхніе и нижніе полаты». Въ палатѣ, кромѣ становъ, помѣщалось множество типографскихъ матеріаловъ; см. примѣч. 30. О помѣщеніи становъ въ 1620 г. частию въ палатѣ, а частию въ деревянныхъ хоромехъ, см. Расход. кн. 1620 г., л. 289: «Овдокимку Иванову печатнаго книжнаго дѣла мастеровъ: Осиповскіе печати Кирилова отъ полатныхъ дверей, да Никитинскіе печати Фофанова деревянныхъ поземныхъ хоромъ отъ дверей же и отъ оконъ отъ обивки 10 алт. дано». Часть типографскихъ становъ стояла потомъ долгое время въ деревянныхъ хоромехъ даже и послѣ постройки въ 1645 году большаго передоваго каменнаго зданія [см. прим. 60]; почему въ одномъ документѣ, приводимомъ К. Θ. Калайдовичемъ [см. Вѣст. Евр. ч. LXXI, М. 1813., стр. 119], между прочимъ и сказано объ Евангеліи, напечатанномъ въ 1640 г.: «Въ прошломъ 147 [1639] году Іюля въ 15 день на книжномъ Печатномъ дворѣ въ хоромехъ въ деревянныхъ въ четыре стана начаты печатать книги Евангеліе». Это выраженіе привело къ ошибочному заключенію, будто бы, въ началѣ царствованія Михаила Феодоровича, для Типографіи построены были только деревянный домъ [см. Краткій очеркъ истор. Москов. Синод. типогр. С. Смирнова, Моск. Вѣдом. 1853 г., № №

152 и 153]. Печатные мастера: Никита Фофановъ и Осипъ Кириловъ, незадолго передъ 1620 г., померли; оставались въ Типографіи станы ихъ завода, называвшіеся по ихъ именамъ. При переведеніи Типографіи въ 1620 г. на старый Печатный дворъ, находились въ живыхъ только мастеръ Кондратій Ивановъ и другой мастеръ, вдовый Софійскій попъ, Никонъ. См. Расход. кн. 1620 г., въ статьяхъ о выдачѣ жалованья мастерамъ и мастеровымъ, л. 67—113. Слич. Каратаева, Хронолог. роспись Славянск. книгъ, С. П. 1861 г., №№ 219, 222, 226, 235.

28) Расход. кн. 1625—26 г., л. 347—349: «Ноября въ 15 день рѣзцу Михалку Осипову на 30 яиць, чѣмъ краски растворяти, писати новой третей станъ... 3 ножика угорскихъ—рѣзати ему всякое дѣло.—Декабря въ 1 день рѣзцу Михалку Осипову на новой третей станъ: вохры грецкой $\frac{1}{4}$ фун. 8 алтынъ, за золотникъ по 4 денги, яри $\frac{1}{4}$ фун. 4 алт., бѣлилъ $\frac{1}{4}$ фун. 2 алт. 4 денги, сини $\frac{1}{4}$ фун. 5 алт., бакану $\frac{1}{4}$ фун. 4 алт., празелени $\frac{1}{4}$ фун. 3 алт., 50 листовъ золота 5 алт., 2 фун. сурику 3 алт. 2 денги, фунтъ желти 2 алт. 4 денги, бѣлилъ фунтъ 2 алт. 2 денги. Декабря въ 10 день рѣзцу Мих. Осипову, что онъ рѣжетъ у нового стану всякіе рѣзные дѣла, 16 алт. 4 денги.—Декаб. въ 20 день рѣзцу Мих. Осипову на вохру, да на 50 листовъ серебра, да на нефть, да на двѣ окончины, да на хвоць, писати новой третей станъ, 16 алт. 4 денги». Тоже и въ Расход. кн. 1622 г., л. 238: «Знаменщику Дмитрею Исаеву да столяру Васкѣ Иванову Государева жалованья въ приказъ 2 руб. дано. Знаменщикъ наводилъ всякими красками станъ, столяръ дѣлалъ всякіе подѣлки». Тоже видно изъ Расх. кн. 1626 г., л. 3., Расход. кн. 1630 г., л. 42 об. и 43: «За 4 доски сосновыхъ, что взяты къ новымъ же станамъ на шатры, 3 руб. 26 алт. 4 денги». О конструкции и составныхъ частяхъ древнихъ печатныхъ становъ см. П. Строева, Опис. староп. книгъ Царскаго, стр. 433—36 и его же—Опис. староп. кн., служ. дополненіемъ къ описи библіотеки Толстова и Царскаго. М. 1841 г., стр. 247—249. Слич. прим. 59.

29) Послѣсл. къ первопеч. Апостолу 1564 г.

30) О строеніяхъ на Печатномъ дворѣ въ это время даетъ понятіе слѣдующая статья въ Расход. книгъ 1626 г., л. 37: «Маія въ 3 день, учинился въ Китаѣ городѣ пожаръ, и на Печатномъ дворѣ въ полатѣ, и деревяное всякое дѣло, и деревянные хоромы двойня съ сѣнми, горница мастерская съ сѣнми жъ новая, да сушило новое жъ, что поставлено было передъ полатою, въ немъ было девять чулановъ, да изба воротная сторожевская и иные деревянные хоромы погорѣли, да что было подъ полатою подъ мостомъ подъ деревянымъ въ казенкахъ бумаги: Оловянику аглинского 450 стопъ, да Царева вѣнца лутчего 250 стопъ, всего 700 стопъ сгорѣло же, да 400 борановъ голизныхъ, да 100 кувшиновъ руды копченые въ пожарѣ сгорѣло».

31) Расход. кн. 1626—27 г., л. 157 об.: «Купленъ въ приказѣй палатъ замокъ — 6 алт. 4 денги». Расход. кн. 1621 г., л. 245 об.: «Печатникъ Гришкѣ Васильеву печатного книжного дѣла въ деревяныхъ хормехъ въ

горницѣ, гдѣ дѣлаеть мастеръ Кондратей, да въ подклѣтѣ, гдѣ дѣлають словолитцы словолитное, да переплетчикъ переплетное дѣло, отъ дву печей и отъ дву трубъ за дѣло 23 алт. 5 денегъ». Расх. кн. 1630 г., л. 54: «Извозчикамъ за провозъ, что привезли отъ золотова дѣла на книжной на Печатной дворъ въ столярской подклѣтѣ казенку, 6 денегъ». Расход. кн. 1624 г., л. 51 об.: «Къ олифѣ къ варенью дѣланы два горна въ анбарехъ». Расх. кн. 1622 г., л. 118: «Денги взялъ Гришка: задѣлывалъ онъ въ городской стѣнѣ дирю, гдѣ поставлена кузница». Коптить руду или сажу для типогр. чернилъ начали на Печатномъ дворѣ не ранѣе 1636 г. «Рудново копченья мастеровой человѣкъ» [Гришка Кузминъ] является въ первый разъ только въ Расх. кн. 1636 г., л. 61. Расх. кн. 1636 г., л. 7: «Тогожь дни [7 Маія] плотнику дано 3 алт. 2 денги: дѣлалъ на Печатномъ дворѣ, городилъ въ городской стѣнѣ печюру, гдѣ на книжные чернила руда коптить».

32) Расход. кн. 1626 г., л. 38: «Тогожь дни [Маія 15] куплено на Печатной дворѣ за Москвою рѣкою книжнымъ справщикомъ изба готовая трехсаженная и съ провозомъ 18 рублевъ 20 алт. 2 денги».

33) См. Акты истор. т. III, № 157, и примѣч. 31-е.

34) Изъ одного слѣдственнаго дѣла 1672 года видно, что Печатная слобода при Успенской церкви, за Срѣтенскими воротами, заселена была въ это время мастеровыми людьми Печатнаго двора.—«181 г. Октяб. въ 30 день... допросити церкви Успенія Пресвят. Богородицы іерея Пимина и всеа Печатные слободы жителей по Христовой Евангельской заповѣди, еже ей ей..» и проч. «Въ 181 году Октяб. въ 31 день, церкви Усп. Пресв. Богор., что за Срѣтенскими вороты въ Печатной слободѣ, въ обыску сказали: священникъ Пиминъ, да дьяконъ Василій Ѳеодоровъ..., книгъ печатнаго дѣла наборщики: Стефанъ да Леонтей Васильевы, разборщикъ Андрей Петровъ, наборщикъ Семенъ Гавриловъ сказали... книгъ печатнаго дѣла тередорщикъ Яковъ Сидоровъ сказалъ и проч». [Книга съ выписками изъ дѣлъ и указовъ съ 1668 г., л. 59 и 60]. Вѣроятно эта слобода отведена была для поселенія книго-печатнаго дѣла мастеровымъ при самомъ учрежденіи Государева Печатнаго двора.

35) Расх. кн. 1626 г., л. 52 об.: «Плотникомъ задатку, что острой тынѣ ставили на Печатномъ дворѣ, рубль». Расх. кн. 1624 г., л. 164 об.: «Гаврилу Данилову за пятьдесятъ бревенъ двусаженныхъ Печатнаго двора на заборы 2 руб. 22 алт. 4 ден.» Расх. кн. 1626 г., л. 48 об.: «Куплено на Печатной дворѣ три верей дубовые за Москвою рѣкою на песку съ провозомъ 17 руб». Л. 75: «Тогожь дни Михалку Матвѣеву на лѣсъ на липовой и на сосновой и на доски къ воротамъ на кровлю и на брусья и на иные мелкіе запасы 5 рублевъ».

36) Расх. кн. 1626 г., л. 70: «Августа въ 1 день, рѣзцомъ: Михалку Осипову, Иванку Фофанову, знаменщику Митѣ Исаеву, что они дѣлають у воротъ—знаменать и рѣжутъ, по двадцати алт. человѣку». Л. 74: «Тогожь дни [Августа 16] рѣзцомъ: Михалку Осипову да Ивашку Фофанову, что

рѣжутъ воротную доску, рубль». Л. 87: «Тогожь дни [Сентяб. 9] рѣзцу Михалку на краски къ воротамъ шесть денегъ». Л. 88 об.: «Сентябр. въ 16 день, рѣзцомъ: Михалку Осипову да Иванку Фофанову, знаменщику Дмитрею Исаеву, воротнику Ошонкѣ... 3 руб. 25 алт.; дѣлали они къ воротамъ доски рѣзные».

37) Расх. кн. 1624 г., л. 114: «Колокольникомъ на юфти трубъ водолейныхъ 6 рублевъ». Расх. кн. 1626 г., л. 97: «Василью Протопопову за четыре трубы мѣдные водолейные: за двѣ нѣмецкіе по 2 рубля, по 25 алтынъ, за двѣ здѣшняго дѣла по 3 рубля». Расх. кн. 1633 г., л. 44: «Куплено на парусы для береженя отъ пожарново времени холстовъ 550 арш., по 3 денги съ полушкою». Л. 42: «Куплено 5 топоровъ да 5 заступовъ, и тѣ заступы и топоры даны сторожамъ, велѣно ихъ держати для пожарново времени». Опись Печ. двора 1642 г., л. 73 об. и 74: «Два крюка желѣзныхъ болшихъ пожарныхъ, три крюка желѣзн. малыхъ». Расх. кн. 1626 г., л. 158: «Куплено шесть кадей вода на хоромахъ и на полатѣ ставить—20 алтынъ» Л. 77 об.: «Кузнецу Петрушкѣ на ярыжново, что ему пособляетъ дѣлати къ окнамъ двери желѣзные». Расх. кн. 1633 г., л. 41: «Всего за кирпиче Ондрюшкѣ гончару 3 рубли 5 алт. дано, а купленъ для запасу пожарново времени».

38) См. примѣч. 30-е и Расх. кн. 1634 г., л. 150: 142 г. «Апрѣля въ 25 день, какъ былъ пожаръ въ Китаѣ городѣ и Государевъ Печатный дворъ сгорѣлъ, и въ то пожарное время всякіе книжные запасы и станы и книги и бумагу мастеровые люди изъ деревяныхъ хоромъ носили въ погребы подъ полату, и въ пожаръ съ полаты кровля и въ полатѣ мосты и печи обалились, и у большово погреба своды проломило, и въ томъ погребѣ книжные всякіе запасы и станы и бумага и книги, которые въ томъ погребѣ были, сгорѣли». Тамъ же, л. 17: «Тотъ Олексѣй [тередорщикъ] на книжномъ Печат. дворѣ въ пожарное время будучи обгорѣлъ, и отъ того ему учинилась смерть». Л. 43: «Юрьи [сторожъ] въ пожарное время былъ на книжномъ Печатномъ дворѣ у Государевы казны и обгорѣлъ весь, и отъ того ему случилась смерть».

39) Расх. кн. 1634 г., л. 74: «142 г. Апрѣля въ 27 день, указалъ Г. Ц. и В. К. Михайло Θεодоровичъ всеа Русеи послѣ пожарново времени книжно печатново дѣла станы, которые остались послѣ пожару, поставити и книги печатати въ своемъ Государевѣ дворцѣ въ полатѣ, что противъ старыя Понахидные полаты». Л. 137: «Тогожь дни [Октября 18] извощику, что съ дворца изъ полаты привезъ на книжной Печатной дворѣ къ станомъ доски». Л. 139: «Извощику, что онъ съ дворца привезъ на книжный Печатной дворѣ прасъ да касу».

40) Berg. De statu ecclesiae et religionis Moscovit, cap. XVI. Слѣд. Слов. Ист. о пис. дух. чина, из. 2, СП. 1827 г., стр. 271.

41) Въ 1620 году, при переведеніи Типографіи на старый Печатный дворъ, было въ ней только 7 книгопечатныхъ станомъ: 2 Никиты Фосанова, Осипа Кирилова, 1 Софійскаго попа Никона и 2 Кондратія Иванова. [См.

Расх. кн. 1620 г., л. 67—113]. Въ 1640 г., въ ней является уже 12 становъ: 8 въ старыхъ каменныхъ палатахъ у городской стѣны и 4 въ деревян. хоромахъ. [Расх. кн. 1640 г., л. 366, 384 и 400 об.]. На расширеніе въ это время книжной торговли и недостатокъ для нея мѣста указываетъ слѣдующая статья въ той же Расх. кн. 1640 г., л. 402 об.: «148 г. Августа въ 15 день, по Государеву указу, приказалъ бояринъ князь Алексѣй Михайловичъ Львовъ на книжномъ Печатномъ дворѣ поставить горницу на подклѣтъ на Приказъ, для утѣсненья книжной продажи».

42) Расх. кн. 1642 г., л. 460: «150 г. Генваря въ 3 день, по Гос. Ц. и В. К. Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи указу, велѣно на книжномъ Печатномъ дворѣ Михаилу Ерофѣеву сдѣлать полаты—нижніе и верхніе полаты». Л. 460 об.: «И по Г. Ц. и В. К. Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи указу на тѣ полаты изъ Каменнаго приказу принято $\frac{326}{т.}$ кирпичу зженого, по рублю по 30 алт. за тысячу и съ провозомъ», и проч. Тамъ же, л. 463: «Апрѣля въ 28 день стрѣльцы.... рядилися на Государевѣ книжномъ Печат. дворѣ подъ полаты рвы копать и свай бить»... Расх. кн. 1642—44 г., л. 583: «150 г. Маія въ 1 день подмастерью Трефилу Шарутину дано на 6 дней корму, по 8 денегъ на день, за то, что онъ былъ у полатного размѣру и у свай».

43) Тамъ же, л. 641: «151 г. Юля съ 9 числа почали дѣлать у полаты крыльцо». Тамъ же, л. 647 об.: «Сентяб. въ 8 день подмастерью Трефилу Шарутину дано отъ крыльца отъ додѣлки по уговору 19 рублевъ». Слич. примѣч. 62.

44) Тамъ же, л. 648: «152 г. Юня въ 3 день почали ворота каменные дѣлать. Подмастерью Ивану Невѣрову на 6 дней 12 алт.» Тамъ же, л. 658: «У того жъ дѣла былъ нѣмчинъ Христофоръ, дано ему корму на семьдесятъ на три дни, на день по 3 алт. по 2 денги». Слич. Памятн. Москов. древнос. И Снегирева. М. 1842—45, стр. 329.

45) См. примѣч. 52.

46) См. въ приложеніяхъ I, II, III и IV: А) Планы:

I. № 1) Планъ двора Московской Типографіи нижняго апартамента [составленный до 1760 года, когда внутри двора, направо отъ воротъ, не былъ еще проведенъ поперечный корпусъ къ городской стѣнѣ]. Въ подлинникѣ находятся слѣдующія объясненія: Р. Правиленныя палаты, которыя за ветхостію разобраны быть имѣютъ. Q. Сарай угольные. На подлинномъ: князь Тимоѣей Ухтомскій.

I. № 2) Планъ двора Московской Типографіи втораго апартамента [составленный послѣ 1760 года, когда типографскія зданія составляли уже четырехугольникъ съ дворомъ по срединѣ]. Объясненія: А. Сѣни. Б. Правиленная палата. С. Библиотечныя палаты. Д. Кладовая палата для бумаги. Е. Сѣни и кладовыя книжныя палаты. Ф. Словопитня. Г. Для караульныхъ солдатъ палата. Н. Кладовыя палаты, которыя быть должны жилыми для помѣщенія пунсоннаго, рисовальнаго, гридоровальнаго и рѣзнаго на грушевомъ деревѣ художествъ мастеровъ съ ихъ учениками и для

Коммиссаровъ. I. Сѣни. К. Контора Типографская. Л. Кладовыя книжныя палаты.

Б) Рисунки:

II. № 3) Поперечная профиль Типогр. воротъ съ показаніемъ башни. Объясненія, находящіяся въ подлинникѣ: 1. Стѣна книгопродажной лавки. 2. Стѣна солдатской караульни, въ которой съ Сентября 8 на 9 число треснулъ сводъ и осѣлъ уголъ. 3. Деревянная въ оную караульню лѣстница. 4. Палатка кладовая, въ которой хранятся кавычныя книги. 5. Трибунъ или осмерикъ, на которомъ основана башня. 6. Часть корпуса каменнаго на ономъ дворѣ строенія. Подъ симъ ♂ знакомъ башня. 7. Черныя штрихи значать разсѣдины. 8. Красная линія значить по которое мѣсто снять надлежитъ башня. 9. Контрофорты или быки. На подлинномъ: Надворный Совѣтникъ и Архитекторъ Василій Яковлевъ. Планы и рисунокъ башни найдены, въ старыхъ дѣлахъ Типографскаго Архива отдѣльно.

III. № 2) Изображеніе нижней части одной изъ колоннъ, стоявшихъ по обѣимъ сторонамъ древнихъ типографскихъ воротъ. Этотъ камень вмѣстѣ съ двумя другими подобными найденъ на типогр. дворѣ; слич. рисун. IV.

IV. Видъ древнихъ воротъ Печатнаго двора до 1773 года, когда надъ ними находилась еще башня, сломанная въ этомъ году.

47) Оригиналъ рисунка, помѣщеннаго въ VI Отд. Древн. Росс. Гос. и повтореннаго здѣсь, съ прибавленіемъ на немъ надворотной башни, [рис. II, № 3] приобрѣтенъ въ Москвѣ академикомъ Ѳ. Г. Солнцевымъ и сдѣланъ, по его мнѣнію, извѣстнымъ архитекторомъ М. Ѳ. Казаковымъ, которымъ сняты были и нѣкоторые другіе виды Московскихъ зданій и мѣстностей.

48) О постройкахъ на Печ. дворѣ при патр. Никонѣ и ц. Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ см. примѣч. 62.—96—98. Скульптурныя украшенія на воротахъ сдѣланы были еще въ 1644 г. О шатрѣ на башнѣ, объ орлѣ надъ нею и о львѣ и единорогѣ надъ воротами упоминается въ Расх. кн. 1647 г., л. 427 об.: «Изъ каменнаго приказу на книжный Печат. дворъ на ворота на шетровую починку извести 5 бочекъ» Л. 428: «Подвязику, что онъ подвязывалъ подвези къ орлу». Л. 428 об.: «Цѣловальникъ купилъ два клеписка каменщикомъ рѣзати каменя: левъ да инорогъ». Большая и малыя башни и стоявшіе на нихъ прапоры при ц. Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ были только исправлены и расписаны. См. примѣч. 98.

49) Расход. кн. 1647 г., л. 183 об.: «Дьяконъ Борисъ писалъ Спасовъ образъ на ворота». Расх. кн. 1650 г., л. 103. «Иконнику отъ кіота, гдѣ поставити Спасовъ образъ на воротахъ». Расх. кн. 1689 г., л. 102: «Стефану: на воротахъ иконы старыя разобралъ, а новыя поставилъ. — Отъ письма тябла, что подъ иконами надъ враты... За писмо св. иконъ: Спасовъ образъ да Пресв. Богородицы, да Іоанна Предтечи». Эти послѣднія иконы нынѣ стоятъ въ Типографской конторѣ.

50) На рисунокѣ видны только на пиластрахъ, подъ капителями, съ одной стороны левъ, съ другой—единорогъ. Прежнія ворота съ своими рѣзными украшеніями и иконами напоминали церковные иконостасы. По словамъ одного изъ типогр. старожиловъ, Я. И. Стогова, прохожіе весьма часто останавливались у этихъ воротъ и молились предъ стоявшими надъ ними иконами.

51) См. рисун. III. № 2.

52) Описатели древняго типогр. зданія передавали эту надпись различно. [См. Путевод. по Москв. 1792 г. и Рус. Старины 1848 г. тетр. V. стр. 37]. Она приводится здѣсь въ текстѣ, принятомъ К. Θ. Калайдовичемъ.

53) Русск. Стар. 1848 г. тетр. V. стр. 37.

54) Котошихина, о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, изд. 2. С.—П. 1859, стр. 73: «Да въ томъ же приказѣ [Большаго Дворца] вѣдома печать, ...а вырѣзано на той печати ирогъ звѣрь». Въ «Достопамятностяхъ Москвы» К. Тромонина приложенъ снимокъ съ ярлыка Моск. Печат. двора: на кожаномъ кружкѣ, въ діаметрѣ $1\frac{1}{8}$ вершка, вытиснуто на одной сторонѣ изображеніе льва и единорога съ короною надъ ними, на другой написано чернилами: «Ярлыкъ наборщику Арсентію Суханову 4. X. 3. г. Но совершенно новый пошибъ надписи, самое имя наборщика, которое въ то время произносилось и писалось—не Арсентій, а Арсений или Арсеній, и наконецъ лѣтосчисленіе отъ Р. X., тогда неупотребительное, мало говорятъ за подлинность этого ярлыка. Повидимому кружокъ этотъ вырѣзанъ изъ середины какого нибудь древняго типограф. переплета; а надпись на оборотѣ сдѣлана въ недавнее время.

55) См. въ Типогр. библиотекѣ: «Охтай» М. 1594 г., знач. по послѣд. каталогу подъ № 332.

56) Значеніе этой эмблемы непонятно, но восточное происхожденіе ея очевидно. На стѣнахъ Персеполиса было также изображеніе льва въ борьбѣ съ единорогомъ. [См. рис. III. № 1].

57) Опись Печат. двора 1649 г., л. 5: «Подъ Приказомъ въ нижней полатѣ отъ Никольскаго монастыря 4 стана». [л. 9.] «Подъ Правильнею въ нижней полатѣ отъ воротъ—также 4 стана»

58) Опись Печ. двора 1667 г., л. 2: «На столѣ же книга Правиль св. Апостоль въ переплетѣ, книга Уложенъ въ переплетѣ».

59) Образцовый станокъ, стоявшій по этой описи въ присутствіи Приказа, является потомъ въ типограф. библиотекѣ и записанъ въ ея старинныхъ каталогахъ. Эта модель первопечатныхъ нашихъ станковъ [по крайней мѣрѣ по возобновленіи книгопечатанія послѣ литовскаго разоренія], хранящаяся и доселѣ въ Типографіи, значитъ по послѣднему библиотечному каталогу под. № 30.

60) Опись Печ. двора 1649 г., л. 12 и 13: «Деревянные хоромы съ комнатою на подклѣтахъ, а въ нихъ четыре стана».

61) Расх. кн. 1650—51 г. См. статьи о выдачѣ жалованья, л. 92 [1 Февраля 1651 г]: «Справщикъ ключарь Иванъ Насѣдкинъ денги взялъ и руку приложилъ» [иногда расписывался: «Насѣдка»]. Л. 216 об.: «Юля въ 7 день къ

сѣнемъ на передѣлку, книжного справщика старца Іосифа Насѣдкина, брусъ» и проч. Л. 218, 222:....«въ избѣ, что противъ воротъ»

62) Расх. кн. 1657 г., л. 309: «По указу Велик. Госуд. Святѣйш. Никона Патріарха велѣно строить на книжномъ Печатномъ дворѣ промежь нѣмецкихъ полатъ и промежь воротъ сѣни». Расх. кн. 1657—8. г., л. 475: «Плотникомъ, которые клали брусъ въ нѣмецкой полатѣ для становъ, за работу 6 алт. 4 денги». Слич. примѣч. 19-е.

63) Расх. кн. 1651 г., л. 211 об.: «Кузнецу отъ старыя двери желѣзные, что была у погребного выхода: перебивалъ жиковины вновь и придѣлалъ къ казенной полатѣ, гдѣ лежатъ книги, отъ городской стѣны». См. Опись Печ. двора 1649 г., л. 45 об.: «Въ нижней полатѣ отъ городской стѣны шафъ деревяный», и проч. Л. 48: «Приказные всякіе дѣла», и проч.

64) Книжная справа или дѣло приготовленія къ изданію свят. книгъ производилась на самомъ Печат. дворѣ въ его Правильнѣ. Слич. выше прим. 14. Отъ второй половины XVII в. сохранилось нѣсколько документовъ типограф. Справ. палаты съ подробностями объ исправленіи текста Богослужбныхъ книгъ и о докладахъ о томъ патріарху и властямъ. См. книгу Справной палаты въ типограф. архивѣ съ 1678 г., л. 1: «7187 г. Ноемврія въ 18 день Велик. Господинъ Святѣйшій Киръ Іоакимъ Патріархъ. Моск. и всея Россіи указалъ книгъ печат. дѣла справщикамъ: монаху Іосифу, Никифору, Сильвестру съ товарищи чести книгу: Апостолъ съ древними Апостолами рукописанными и харатейными словенскими: съ кіевскими, кутеинскими, виленскими, съ Бесѣдами апостольскими и со иными преводами, и ту книгу Апостолъ въ нужныхъ мѣстѣхъ править и проч.».

65) Ак. Арх. эксп. III, № 329.

66) Тамъ же. Въ грамотѣ митрополита Ростовскаго Варлаама [Ак. Арх. эксп. III, № 302] также очевидно идетъ рѣчь о приисканіи старцевъ добрыхъ, которые «житіемъ воздержательны и крѣпко-жительны и грамотѣ горазды», въ типограф. Правильню: «И съ тѣми старцы явитись въ Приказъ Большаго Дворца Государеву боярину князю Алексѣю Михайловичу Львову», тогда завѣдывавшему Печат. дворомъ.

67) Въ Расх. книгахъ Печат. приказа сохранились росписки всѣхъ поименованныхъ лицъ [за исключеніемъ только Славеницкаго] въ полученіи ими жалованья изъ Типографіи по должности справщиковъ. Слич. Обзоръ русской духов. литературы, Филарета еп. Харьков. т. I, №№ 198, 203, 208, 213, 222, 223, 225, 235, 240, 247, 249, 255 и 259. и Слов. истор. о писат. М. Евг. Изъ вышеозначенныхъ Расх. книгъ Печ. приказа о выдачѣ жалованья всѣмъ служившимъ на Печ. дворѣ, между прочимъ, оказывается, что ни протопопъ Аввакумъ, ни Никита пустосвятъ, ни діаконъ Ѳедоръ и вообще никто изъ извѣстныхъ расколоучителей никогда не были справщиками на Печ. дворѣ. При патріар. Іосифѣ и въ началѣ патріаршества Никона, книжными справщиками были слѣдующіе лица: Андроньевскаго монастыря архимандритъ Сильвестръ, Александровскаго собора протопопъ Іоакимъ, Черниговскаго собора протопопъ Михаилъ. Слич.

фановъ Роговъ, бывшій Успен. собора ключарь Иванъ Васильевъ [въ монашествѣ Іосифъ] Насѣдка, старцы: Савватій, Евѳимій и Матѳей и трое свѣтскихъ: Шестой Мартемьяновъ, Захарій Аѳанасьевъ и Захарій Новиковъ.

68) Во всѣхъ дошедшихъ до насъ Расх. книгахъ Печат. приказа XVII в. встрѣчаются статьи о покупкѣ книгъ и рукописей для типографской Правильни; ими пользовалась для техническихъ надобностей и Типографія; см. Расх. кн. 1622 г., л. 14 об.: «Юля въ 31 день.—Попу Василью Иванову за Евангиле печатное старыя печати въ переплетѣ безъ поволочки въ доскахъ пять рублей дано. Деньги взялъ попъ Василей. Куплено Евангиле на переводъ. И Ноября въ 28 день то Евангиле взялъ мастеръ Кондратій для новыя азбуки вырѣзанья». На покупку книгъ Печат. Приказъ издерживалъ, въ особенности во 2-й половинѣ XVII вѣка, большія по тому времени суммы. Такъ, въ 1675 г. употреблено было на покупку для Правильни славянскихъ и иноязычныхъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ разнаго содержанія около 60-ти руб. [см. Расх. кн. 1675 г., лл. 14, 62, 67—69, 70 об. 152]; въ 1677 г.—болѣе 50 рублей [см. Расх. кн. 1677 г., лл. 197, 262—263, 327 об., 340 об., 345]; въ 1679 г. приобрѣтено одновременно [Юля 25] для типограф. книго-хранилища разныхъ харатейныхъ книгъ, присланныхъ отъ Арсенія, архіепископа Псковскаго, на 105 руб. [Расх. кн. л. 146—148]; всего въ этомъ году израсходовано на книжныя покупки болѣе 180 руб. [см. Расх. кн. 1679 г., лл. 1 об., 2 об., 3, 20, 135 об., 136, 146—148, 259 об., 260, 266 об., 273], а въ слѣдующемъ 1680 г. до 116 руб. [см. Расх. кн. 1680 г., лл. 287, 329, 331, 332, 334 об., 341, 352 об., 404 и об., 410, 416 об.].

69) О передачѣ Печ. двора въ завѣдываніе патриарха Никона см. Расх. кн. 1654 г., л. 92: «По Г. Ц. и В. К. Алексѣя Михайловича всеа Русіи указу велѣно книжной Печат. дворъ, со всемъ заводомъ описавъ, отдать Великому Госуд. Святѣйш. Никону Патриарху Московскому и всеа Русіи».

70) Ак. Арх. эксп. III, №№ 290, 296.

71) Ундольскаго, «Опись книгамъ, въ степенныхъ монастыряхъ находившимся, состав. въ XVII в.» М. 1848 г. Слич. Расх. кн. 1653 г., л. 137 об. и 138: «Того же дни переплетчику Ѳомѣ Оѳанасьеву за переплетъ: переплеталъ книгу писменую въ Правильню—переписную всѣхъ монастырей, что въ которомъ монастырѣ какихъ четьихъ книгъ, впредь для вѣдома, которые книги годятца въ переводъ, за дѣло гривна. Расх. кн. 1680 г., л. 399: «Переплетена книга записная описнымъ книгамъ изъ монастырей».

72) Расх. кн. 1680 г., л. 334 об.

73) Ундольскаго, «Библиограф. разысканія». М. 1846 г., стр. 7 и 8. Его же, «Библиотека Павла, митроп. Сарскаго и Подонскаго». См. «Временникъ Общ. истор. и древ.» кн. 5, стр. 65 и послѣд. Слич. примѣч. 68.

74) Кн. съ выписк. изъ дѣлъ и указ. съ 1667 г., л. 30—31. Копія съ челобитной царю Алексѣю Михайловичу арх. Діонисія: «Именованіе книгъ, ихъ же оставилъ у Газскаго митрополита азъ Архимандритъ Діонисій: книга въ десть печатная: Икуменій..» и проч. Въ концѣ: «Аще Божиимъ

изволеніемъ въ нашей странѣ укратится животъ мой, тѣ книги всѣ да будутъ у Твоего Государева дѣла на Печатномъ дворѣ въ присную память трудовъ моихъ».

75) Расх. кн. 1670 г., л. 114 об.: «Книжному четцу діакону Ивану Архипову къ прежнему ево окладу къ 10-ти рублемъ прибавить пять рублей за ево прибылую работу, что дѣлаеть всякіе о справкахъ книжныхъ выписки, да онъ же въ Правильнѣ учиненъ книгохранителемъ».

76) Древ. Рос. Вивліюэика, изд. 2, ч. XVI. М. 1791 г., стр. 295. Историч. извѣст. о Моск. Акад., соч. Θεодора Поликарпова.

77) См. тамъ же и Расх. кн. 1678 г., л. 78: «187 г. Октября въ 21 день В. Г. Ц. и В. К. Θεодоръ Алексѣевичъ вс. В. и М. и Б. Росіи Самодержецъ былъ на книжномъ Печ. дворѣ». Л. 85: «187 г. Декабря въ 18 день В. Г. Ц. и В. К. Θεодоръ Алексѣевичъ вс. В. и М. и Б. Росіи Самодержецъ изволилъ быть на книж. Печат. дворѣ въ Приказной и въ Правильной и мастерскихъ трехъ полатахъ». Л. 217: «187 г. Іюля въ 3 д. Вел. Госп. Святѣйш. Іоакимъ Патріар. Моск. и всеа Росіи изволилъ быть въ Приказѣ книгъ печатного дѣла и въ казенной полатѣ». Л. 264 об.: «188 г. Октяб. въ 27 д. В. Г. Ц. и В. К. Θεодоръ Алексѣевичъ изволилъ быть на Книжномъ Печат. дворѣ».

78) Расход. кн. 1679 г., л. 152: «Маія въ 30 день В. Г. Ц. и В. К. Θεодоръ Алексѣевичъ..... указалъ и Великій Господинъ Свят. Іоакимъ патріархъ.... благословилъ на книжномъ Печат. дворѣ старую кладовую полату, что среди двора, разобрать, а отъ городовые стѣны нижее житье съ погребомъ, что дѣлано особъ, оставить и вычинить подъ рудню». Л. 192 об.: «Дано отъ дѣла новой Книго-хранительной полаты, да отъ сѣней о двухъ житяхъ, да отъ надѣлки верхней полаты, что надъ руднею, на Правильную полату».

79) Тамъ же, л. 213: «Дано отъ задѣлки двенадцати окошекъ отъ засовныхъ диръ въ новой Правильной полатѣ».

80) Тамъ же, л. 199: «На новой Правильной полатѣ крыта кровля въ два теса съ скалами». Л. 202: «Дано точельщикамъ ото шти столбиковъ кровельныхъ на кровлю новой Правильни».

81) Тамъ же, л. 191: «Куплено на всходную лѣстницу и на рундукъ къ новопостроеннымъ полатамъ, что отъ городской стѣны, 145 каменей аршинныхъ». Л. 357 об.: «Дано отъ писма Распятія Господня съ лица, что въ кіотѣ каменномъ, межъ Правильною и Книго-хранительною надъ сходы лѣстницъ». Входъ съ полукруглымъ передъ нимъ рундукомъ и лѣстницами вверхъ значится посрединѣ между обѣими палатами и на планѣ. См. I. № 1.

82) Тамъ же, л. 142: «Имъ же подрядчикомъ дано за излишнюю работу... отъ сводцу и кіоту, что надъ входомъ Правильной же полаты». Л. 199 об.: «Да на Правильной же полатѣ для иконы сдѣлана бочка, покрыва мезуею». Л. 398: «Да ему жъ Леонтыю съ товарищи дано отъ прописки и за краски надъ образомъ Распятія Господня въ бочкѣ». Л. 398 об.: «Да въ новой же Правильнѣ надъ всходною лѣстницею поставленъ образъ Провѣдѣи Святыхъ Апостолъ».

83) Леонтіи Ивановъ, очевидно, Чулковъ. См. Снегирева, Памят. моск. древ. М. 1842—45, стр. LXVII. Расх. кн. 1680 г., л. 395: «Сентяб. въ 1 день куплено Правильной и Книго-хранительной полатѣ къ роспискѣ съ лица всякихъ красокъ: голубцу на 20 алт., зелени на 20, празелени на 13 алт. на 2 денги, скипидару на 11 алт., вохры на 10 алт. на 4 денги, бѣлилѣ на прописку кирпичу на 16 алт. на 4 ден., олифы масла льняного на 2 руб. на 3 алт. на 2 ден. Иконописцамъ Леонтыю Иванову съ товарищи за работу отъ прописки 2 руб. 25 алт.»

84) Расх. кн. 1680 г., л. 397 и об.: «Въ Книго-хранительной полатѣ къ стѣнному писму и къ чуланомъ куплено красокъ розныхъ: голубцу на 13 алт. на 2 ден., зелени на 13 алт. на 2 ден., сурику на 23 алт. на 2 ден., черни на 9 алт. на 2 ден., празелени на 14 алт. на 4 ден., желти на 5 алт., вохры на 20 алт., бокану турецкого и виницейскаго на 25 алт., олифы на 24 алт., масла льняного на 23 алт., скипидару на 6 алт. на 4 ден., всего—на 5 руб. на 6 алт. Да отъ подписки полаты Книгохранительной и чуланомъ дано иконописцамъ Леонтыю Иванову съ товарищи 2 руб. съ полтиною».

85) Тамъ же, л. 131: «Сдѣланъ рѣзной ящикъ, въ которомъ лежитъ Евангеліе Греческое въ четъ; отъ рѣзи и отъ дѣла того ящика дано 8 алт. 2 ден., да отъ позолоты и отъ обивки 12 алт. Сдѣланъ гладкой липовой ящикъ, въ которомъ лежитъ книга Лексиконъ большой; и того ящика дано за дѣло и отъ розцвѣтки красокъ 10 алт.»

86) Ундольск., Библиографич. разыск. М. 1846 г. стр. 7. Времен. Общ. истор. и древн. кн. XI. Смѣсь. Каталоги библиот. М. С. Типогр., стр. 5.

87) Расх. кн. 1680 г., л. 397 об.: «Да ему жъ Леонтыю съ товарищи отъ писма трехъ иконъ, что на холстѣ писаны въ той же полатѣ, дано за писмо 30 алт.»

88). Расх. кн. 1680 г., л. 395 об.: «Да къ роспискѣ Правильной же полаты внутрь сводовъ и стѣнъ и окошекъ куплено розныхъ красокъ и золота и серебра, олифы, масла и клею, гульфарбы и кистей: лазори на 2 руб., клею на 10 алт. на 4 ден., сусла въ клей на 3 алт. 2 ден., бѣлилѣ на 15 алт. на 4 ден., яри на 5 алт., бокану виницейскаго и нѣмецкаго на руб. на 10 алт., голубцу на 11 алт. на 4 ден., зелени на 11 алт. на 4 ден., празелени на 10 алт. на 4 ден., сурику на 15 алт., олифы на 17 алт., масла льняного на 15 алт. на 2 ден., скипидару на 8 алт., золота 150 лист. рубль, серебра 150 лист. 17 алт., гульфарбы на 26 алт., киноварю на 25 алт., кистей на 8 алт.; отъ писма той полаты дано иконописцамъ Леонтыю Иванову съ товарищи три рубли съ полтиною».

89) Тамъ же, л. 198 об.: «Куплено въ Правильную полату на печь образцовъ 141 образецъ большой руки, по 8 денегъ, да 142 образца малой руки, по 4 ден.» Л. 214: «Да отъ выстилки въ той же Правильнѣ, что выстилали муравленою черепицею». Л. 215: «Куплено 200 кирпичей ценинныхъ цвѣтныхъ въ новую Правильную полату къ выстилкѣ оконъ.... за 100 по рублю по 13 алт. по 2 ден., итого 2 руб. 26 алт. 4 денги».

90) Тамъ же, л. 396 об.: «Въ ту жъ полату сдѣланы двери столярскіе, дано отъ дѣла тѣхъ дверей 20 алт., да отъ розцвѣтки и отъ красокъ и отъ посеребренья тѣхъ дверей дано рубль 10 алт. Да въ той же полатѣ надъ переградю вырѣзана подъ своды рѣзь большая на обѣ стороны, и отъ той рѣзи дано столяромъ рубль 6 алт. 4 ден., да отъ розцвѣтки и за краски и отъ посеребренья рубль 25 алт.»

91) Тамъ же, л. 397: «Да въ Правильнѣ жъ прописаны оконничные пальцы и рамцы, и отъ той прописки за работу и отъ красокъ и за олифу дано иконописцу Леонтью Иванову рубль 6 алт. 4 ден». Л. 207: «Сдѣланы въ новую Правильную и въ Книго-хранительную полаты 6 окончинъ съ клеймами и съ писаными стеклы, по цѣнѣ за окончину по 2 руб. съ четью». Л. 396: «Да въ той же полатѣ въ окошки вырѣзаны 4 клейма, и отъ тѣхъ клеймъ за лѣсъ и отъ рѣзи дано рубль 26 алт. 2 ден. Да золота и серебра и красокъ на 2 рубл. на 25 алт. куплено къ тѣмъ же клеймамъ къ золоченью».

92) Тамъ же, л. 398: «Да въ новуюжъ Правильню написаны три иконы Деисусъ: Спасовъ и Богородицы и Предтечинъ образы въ рѣзномъ кіотѣ, и тѣхъ иконъ отъ писма и отъ рѣзи и отъ позолоты кіота дано иконописцемъ: Семену Михайлову да Леонтью Иванову 3 рубли 16 алт. 4 денги».

93) Тамъ же, л. 216: «Отъ косячетой переградки и отъ прибивки тесу къ стѣнамъ въ новой Правильнѣ..., да въ той же Правильнѣ отъ обивки сукномъ стѣнъ и лавокъ». Л. 265 об.: «Куплено въ новую Правильную полату на столъ и дверей на обивку и на лавки двѣ половинки сукна свѣтло-зеленого и свѣтлолазоревого, за половинку по 5 рублевъ по 20-ти по 5-ти алт.»

94) Тамъ же, л. 396 об.: «Сдѣланъ въ ту жъ полату постовъ съ рѣзными дверми, и отъ дѣла того поставца дано столяромъ рубль 6 алт., да отъ розцвѣтки дано 20 алт.»

95) Тамъ же, л. 400: «И того новоселья къ обѣду куплено: хлѣбовъ рѣшотныхъ и ситныхъ и колачей на рубль на 20 алт., рыбы свѣжей и соленой, и икоръ, и вязиги на 2 рубля на 5 алт., да красного питья ренского и церковнаго вина по 2 скляницы, куплено у Петра Григорьева, денегъ по цѣнѣ за ренское рубль 10 алт., за церковное 26 алт. 4 ден., да у него же куплено лимоновъ на 5 алт.»

96) Тамъ же, л. 152: «Указалъ Вел. Государь и Святѣйш. Патріархъ благословилъ построить вновь полату мастерскую, межъ Мурносицкою полатою и воротъ, такимъ же образцомъ, какъ дѣланы Спасская и Николаевская полаты, да по обѣ стороны воротъ, надъ словолитнею и надъ лавкою, сверхъ старыхъ сводовъ сдѣлать по житю, болши нижнихъ житей, да Мурносицкіе полаты надѣлать сверху вышиною противъ Спасской и Николаевской полатъ, и своды въ нихъ свестъ снова противъ тѣхъ же полатъ».

97) Тамъ же, л. 216: «Дано отъ крышки нового крыльца, что въ Воскресенской полатѣ». Слич. примѣч. 96.

98) Тамъ же, л. 212 об.: «Куплено къ полатному бѣленью старыхъ полатъ—къ люлькамъ, на чемъ бѣлятъ...» Л. 25: «Дано отъ передѣлки большой башни верха... да отъ передѣлки четырехъ башенъ глухихъ, что на воротахъ, и отъ постановки подъ прапоры тесаныхъ тунбовъ и отъ бѣленья всѣхъ башенъ и воротъ...» Л. 79: «Куплено къ роспискѣ башенного шатра разныхъ красокъ и отъ росписки иконникомъ и отъ кубышекъ подъ прапорцы отъ посеребренья и за серебро дано 2 руб. 8 алт. 2 ден. иконнику Леонтию Иванову съ товарищи». Л. 23: «Дано отъ позолоты креста, да трехъ коронъ и всего орла съ тюрникомъ и яблокомъ, Государеву Оружейной полаты иконописцу Семену Михайлову сыну Облазнину 15 рублевъ». Л. 24 об.: «Дано отъ починки 9-ти прапоровъ старыхъ 12 алтынъ».—«Дано отъ ознаменки 24 прапоровъ Государеву иконописцу Сем. Мих. сыну Облазнину 28 алт». Л. 342: «Куплено къ позолотѣ подписки титула Государева, что надъ ворота, золота 1,120 листовъ, денегъ по цѣнѣ 7 рублевъ 20 алт., да къ каймомъ 530 лис. серебра, денегъ по цѣнѣ рубль 20 алт.»

99) Тамъ же, л. 472: «Куплены въ старую Правильную полату ко учению греческого языка четыре стола дубовыхъ». Л. 475: «Марта въ 27 д., по указу Вел. Госп. Св. Іоакима Патріарха Моск. и всеа Росіи, велѣно строить на Печатномъ дворѣ въ полатѣ школьного греческого ученія старцу Тимоѣею Греку всякаго строенія».

100) Книги съ выписками изъ указовъ и дѣлъ съ 1644 по 1725 годъ. Л. 67 об.: «Въ нынѣшнемъ во 191 г. Іюня въ 30 день... Велик. Госп. Свят. Іоакимъ Патріар. Моск. и всеа Росіи указалъ въ дву верхнихъ полатахъ, что отъ двора боярина Кн. Ив. Алекс. Воротынского, учителю Іеромонаху Тимоѣею со ученики ево построить школы изъ Приказу книгъ печат. дѣла изъ расходовъ.... И по сему Свят. Патріар. указу и по росписи, въ обоихъ полатахъ и на дворѣ каменное и деревянное строенье все сдѣлано».

101) См. Пам. Моск. древн. стр. 98 и планъ.

102) Книга съ выпис. изъ указовъ и дѣлъ, л. 57 и об.: «Лѣта 7190 г. Сентяб. въ 3 д., по Г. Ц. и В. К. Ѳеодора Алексѣевича указу Преосв. Сумеону архіеп. Сибирск. и Тобольск. да діаку Ивану Арбенева: въ прошломъ во 189 г. В. Г. Ц. и В. К. Ѳеодоръ Алексѣевичъ указалъ, по своему Вел. Госуд. имянному указу, въ Китаѣ городѣ на Никольскомъ крестцѣ въ иконномъ ряду торговымъ людямъ святыхъ иконъ на промѣнѣ не держать, и иконному ряду впредь въ томъ мѣстѣ не быть, а вмѣсто того ряду тѣмъ торговымъ людемъ для промѣну святыхъ иконъ построить деревянные лавки въ Китаѣ городѣ, на Печат. дворѣ, подлѣ каменной ограды, что отъ Никольскаго монастыря, а по другую сторону подлѣ ограды жъ, что отъ двора боярина Кн. Алек. Иван. Воротынского жены его вдовы боярыни княг. Наст. Львовны, на порожномъ мѣстѣ.... чтобъ промѣна Св. иконъ и иконной рядъ были въ сокровенномъ мѣстѣ, а не на большой проѣзжей улицѣ. ... И противъ сего В. Г. указу на книжномъ Печат. дворѣ 10 лавокъ построены... И Генваря съ 1-го числа иконного ряду торговые люди изъ

старого иконного ряду перешли со св. иконами въ новопостроенные иконные лавки на книжной Печатной дворъ».

103) Ак. Арх. Экс. IV, № 200.

104) Синод. дѣло 1725 г. № 1. Синод. дѣло 1729 г. № 1.

105) Дѣло о постройкахъ и поправкахъ въ Типографіи съ 1744 по 1761 годъ; вязка 2.

106) Тамъ же.

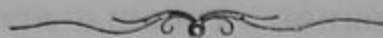
107) Дѣла о покупкѣ дома графа Шереметева и постройкѣ на мѣстѣ онаго, съ 1760 по 1781 г., вязка 3. Дѣла о постройкѣ дома на мѣстѣ купленного у графа Шереметева, съ 1781 по 1793 годъ, вязка 5, и о томъ же съ 1761 г. по 1794 г., вязка 4.

108) Вѣст. Европ. ч. LXXI. М. 1813 г., стр. 119.

109) Дѣло о покупкѣ дома у графа Шереметева съ 1766 по 1781 г. Здѣсь же—о разломкѣ башни надъ воротами, вязка 3.

110) Дѣло Кремлевской Экспедиціи, № 562, по предложенію Г. Управляющаго сей Экспедиціи о построеніи, по Высочайшему повелѣнію, на Никольской улицѣ вновь каменнаго дома Москов. Синодальной типографіи [рѣшено 3 Декаб. 1814].

111) И. Г. Р. IX., примѣч. 89 и Вѣст. Европ. 1813 г. № 12., стр. 118, пр. 4. Русск. Стар. изд. 1-е. М. 1848 г., стр. 38. Русск. Стар. изд. 2-е, г. 2-й. М. 1850 г., стр. 75, примѣч.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ И ИЗВѢСТІЯ.

НОВѢЙШІЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ РАСКОПКИ

НА ТАМАНСКОМЪ ПОЛУОСТРОВѢ.

(Письмо къ К. К. Герцу).

Вамъ угодно было обратиться ко мнѣ съ просьбою сообщить для „Трудовъ“ Московскаго Археологическаго Общества хотъ краткое извѣстіе о раскопкахъ, произведенныхъ въ прошломъ году на Таманскомъ полуостровѣ по распоряженію Императорской Археологической Коммисіи. Съ удовольствіемъ исполняю ваше желаніе, но считаю нужнымъ оговориться, что сообщеніе мое не болѣе, какъ очеркъ произведенныхъ работъ или отрывки изъ путевыхъ записокъ и официальныхъ донесеній. Подробную ученую и художественную оцѣнку и описаніе найденныхъ вещей въ свое время не замедлитъ представить академикъ Л. Э. Стефани въ одномъ изъ отчетовъ Археологической Коммисіи.

Начинаю съ моихъ собственныхъ раскопокъ, для которыхъ я выбралъ мѣстность около самой Тамани. Въ надеждѣ отыскать какіе нибудь памятники, которые могли бы послужить къ разъясненію вопроса, дѣйствительно ли здѣсь, какъ полагаютъ, находились древняя Страбонова Корокондама и позднѣйшая Тматоракань, я приступилъ къ разслѣдованію нѣкоторыхъ частей огромнаго городища, лежащаго возлѣ самой станицы, на берегу Таманскаго залива. Все однакоже, что мнѣ удалось найти, ограничилось фундаментами разрушенныхъ каменныхъ строеній и бассейновъ, сложенными изъ дикарнаго камня и обломковъ мраморовъ, въ томъ числѣ части мраморной колонны съ сильно поврежденною византійскою надписью, и древней надгробной плиты съ изображеніемъ женской фигуры, стоящей между двумя дѣтьми,—разбитымъ расписнымъ кратеромъ съ красными человѣческими

фигурами по черному полю, верхнею частию терракотовой гермы Пріапа, глиняной лампочкой, амфорною ручкою съ изображеніемъ всадника и именемъ Лезмедонта, нѣсколькими мѣдными, покрытыми густою окисью монетами, повидимому босфорскими, и наконецъ дюжиною серебряныхъ польскихъ монетъ Сигизмунда III. Городище это впрочемъ заслуживаетъ дальнѣйшаго разслѣдованія.

Удачнѣе была одна изъ курганныхъ раскопокъ моихъ въ двухъ верстахъ отъ Тамани, по дорогѣ къ Тузлѣ. Будучи сами знакомы съ положеніемъ, въ которомъ находится большая часть кургановъ Таманскаго полуострова, обшаренныхъ древнѣйшими и новѣйшими кладоискателями, Вы знаете, какъ плохи шансы на открытіе въ нихъ нетронутой гробницы и въ какое затрудненіе поставленъ разслѣдователь при выборѣ кургановъ для своихъ раскопокъ. На однихъ болѣе или менѣе значительныя впадины, заставляющія предполагать въ нихъ старинныя грабительскія мины, на другихъ явные слѣды недавнихъ боковыхъ раскопокъ. Но добрались ли прежніе искатели до гробницы, а если и дошли до нея, то не заслуживаетъ ли вниманія самая конструкція ея? Не сохранилась ли на стѣнахъ ея живопись, которою иногда украшены гробничные склепы? Не удастся ли, по крайней мѣрѣ, какъ это уже случалось, найти хотя нѣкоторыя, иногда весьма замѣчательныя, вещи, оброненныя и забытыя грабителями, или невозбудившія ихъ корыстолюбія? Не уцѣлѣла ли наконецъ въ курганѣ, особенно въ большомъ, какая-нибудь боковая могила?

Взвѣсивъ все это, я рѣшился приступить къ раскопкѣ кургана, наружность котораго ясно показывала, что его уже рыли въ прежнее время. Дѣйствительно, вскорѣ не замедлили оказаться въ немъ слѣды двухъ старинныхъ минъ, направлявшихся съ верхушки кургана къ центру его, но при дальнѣйшей раскопкѣ насыпи оказалось, что ни тою, ни другою миною кладоискателямъ не удалось дойти до гробницы. Между тѣмъ встрѣчавшіеся по подошвѣ „отески“ известковаго камня свидѣтельствовали, что въ курганѣ должна находиться такъ называемая каменная гробница, т. е. могильный склепъ, сложенный изъ тесаннаго камня. Направивъ свой раскопъ по отескамъ, я напалъ на боковую стѣну этого склепа и, сдѣлавъ въ ней небольшое отверстіе, имѣлъ удовольствіе убѣдиться, что онъ еще никѣмъ не былъ тронутъ. Удачею этою я обязанъ, кажется, единственно тому обстоятельству, что склепъ находился подъ сѣверною полою курганной насыпи, т. е. въ такой ея части, гдѣ прежніе искатели никакъ не предполагали найти его и гдѣ въ самомъ дѣлѣ очень рѣдко встрѣчаются могилы. Открытая мною гробница представляла четырехугольный, продолговатый каменный ящикъ, на половину опущенный въ материкъ, длиною въ 3, шириною $1\frac{1}{4}$, вышиною 2 аршина. Къ сожалѣнію три плиты, которыми онъ былъ покрытъ, надтреснуто и заставляли опасаться, что при снятіи лежавшей надъ ними насыпи онъ обрушется въ него и повредятъ находившіяся въ немъ вещи. Такимъ образомъ мнѣ пришлось вскрыть гробницу чрезъ небольшое боковое отверстіе. Жалюю объ этомъ въ особенности потому, что стоявшій въ ней каменный

деревянный саркофагъ, который, за исключеніемъ провалившейся крышки его, отличался рѣдкою сохранностію, пришлось вынимать по частямъ. Поперечная и продольныя стѣнки его состояли каждая изъ трехъ широкихъ досокъ, изъ которыхъ верхняя и нижняя съ наружной стороны украшены деревянными, разноцвѣтными и отчасти позолоченными розетками, а средняя покрыта красною полосою между точеными бордюрами, на которой симметрически расположены рельефныя прекраснаго стиля группы раскрашенныхъ и мѣстами позолоченныхъ грифоновъ, львовъ и барсовъ, нападающихъ на коней, ланей и оленей. Поперечныя стѣнки сверхъ того украшены изящными фронтонами съ цвѣтными акротерами и рѣзными арабесками.

На днѣ саркофага, подъ тонкими досками обвалившейся крышки, лежалъ почти совершенно ислѣвшій остовъ (судя по найденнымъ при немъ вещамъ, женскій), въ ногахъ котораго стояла небольшая росписная ваза съ весьма часто встрѣчающимся изображеніемъ грека, отбивающагося отъ варвара и амазонки, — нѣсколько маленькихъ точеныхъ кубковъ, ведерецъ и ящичковъ изъ очень тонкаго дерева, служившихъ покойной вѣроятно для храненія туалетныхъ ея принадлежностей, и большой деревянный ларецъ, на крышкѣ котораго водяными красками, среди чрезвычайно пестрой рамки, изображены были три пляшущія женщины. Вскорѣ однакоже, несмотря на принятыя мною мѣры предосторожности, деревянные вещицы эти, равно какъ рѣзныя украшенія саркофага, сильно начали портиться. Переходъ ихъ изъ сыраго воздуха подземелья въ 30-ти градусную атмосферу знойнаго лѣта долженъ былъ оказать на нихъ самое губительное дѣйствіе: дерево стало коробиться и крошиться, а краски и позолота лупиться и отваливаться. Но прежде, нежели онѣ подверглись окончательной порчѣ, нашъ талантливый Керченскій художникъ Гросъ успѣлъ снять съ нихъ отчетливые рисунки, дающіе полную возможность составить себѣ правильное понятіе о подлинникахъ.

На лѣвой рукѣ остова оказались два золотыхъ перстня и одинъ гладкій, другой съ вертящимся на оси сердоликовымъ скарабеемъ, на плоской нижней сторонѣ котораго вырѣзанъ идущій левъ. По правую руку лежало на деревянной, раскрашенной подставкѣ круглое бронзовое позолоченное зеркало, опирающееся нижнею дугою своею о распущенные крылья сидящаго эрота, фигура котораго такимъ образомъ составляла ручку зеркала.

На груди и вокругъ шеи покойницы мною найдены: ожерелье изъ дутыхъ золотыхъ, отчасти гладкихъ, отчасти филигранныхъ бусъ (срав. Древн. Босф. Киммер. табл. XII, 4), небольшія женскія маски изъ листоваго золота, круглыя золотыя пластинки съ рельефнымъ изображеніемъ красивой мужской головы (срав. тамъ же, табл. XXI, 9) и художественной отдѣлки женская головка изъ дутаго золота, въ стѣпанѣ, съ серьгами и ожерельемъ, украшеннымъ синею эмалью (срав. тамъ же, табл. VII, 10. 11). Головка эта, служившая, кажется, верхнею частію булавки, была уже сильно попорчена: вещество, которымъ она была наполнена, вѣроятно для сохраненія выпуклыхъ формъ ея, разбухло отъ сырости, прорвало тонкую золотую оболочку и обезобразило это изящное произведеніе.

По обѣимъ сторонамъ головы остова находилось по змѣеобразной изогнутой толстой бронзовой проволоцѣ, обтянутой листовымъ золотомъ, съ пирамидальными филигранными украшеніями по концамъ (срав. Древн. Босф. Кимм. табл. XXXII, 14).

Остается еще упомянуть о желѣзномъ стригилѣ и трехъ обыкновенныхъ алавастрахъ, лежавшихъ въ изголовьи остова, и небольшомъ кускѣ цвѣтной узорчатой матеріи, служившей вѣроятно одеждою или погребальнымъ покровомъ покойной.

Недѣли чрезъ двѣ послѣ моей находки, Директору Керченскаго Музея, неумолимому А. Е. Люценку, который верстахъ въ 20 отъ моихъ раскопокъ, продолжалъ разслѣдованіе извѣстной Стеблеевской Близницы, удалось сдѣлать въ ней несравненно лучшее и интересное открытіе. Изъ отчетовъ Археологической Коммисіи Вамъ уже извѣстно, что для устранения обваловъ насыпи этого громаднаго кургана, пришлось срѣзать верхнюю часть его на 3 саж. вышины. За тѣмъ нижняя его часть въ настоящее время представляетъ видъ усѣченного конуса, вышиною въ 4, а шириною въ нижнемъ поперечникѣ болѣе 50 саж. Не смотря на то, что въ ней уже открыты три склепа и не смотря на множество разрѣзовъ и минъ, проведенныхъ въ ней въ разныхъ направленіяхъ, все-таки очень значительная часть ея, преимущественно съ сѣверной стороны, остается еще неразслѣдованною. Желаніе избѣжать лишнихъ расходовъ на сплошную раскопку всего этого пространства побудило г. Люценка испытать новый способъ отысканія гробницъ посредствомъ буроваго снаряда. Въ настоящемъ случаѣ опытъ этотъ удался какъ нельзя лучше: одна изъ буровыхъ скважинъ обнаружила въ южной части курганной насыпи присутствіе каменной постройки на высотѣ 2-хъ саж. отъ поверхности материка. Раскопъ, сдѣланный за тѣмъ въ этомъ мѣстѣ, привелъ къ открытію каменной гробницы, которая, вслѣдствіе обвала сгнившей деревянной крыши ея, вся была наполнена землею. Кромѣ того при очисткѣ ея оказалось, что отъ сильной осадки каменныхъ стѣнъ гробницы выпучился земляной ея полъ и опрокинулся стоявшій на немъ деревянный саркофагъ, совершенно истлѣвшій отъ вліянія лежавшей на немъ сырой земли. Вслѣдствіе этого вещи, находившіяся при покойницѣ, скатились въ разныя стороны и также отчасти подверглись порчѣ. Я говорю покойницѣ (хотя отъ остова сохранилось только нѣсколько зубовъ), потому что найденныя въ гробницѣ погребальныя украшенія ясно показываютъ, что тутъ была схоронена женщина. У Васъ, имѣвшаго случай видѣть эти украшенія, конечно еще въ свѣжей памяти необыкновенное изящество, богатство и разнообразіе мотивовъ, которыми отличается большая ихъ часть.

По художественному исполненію и новизнѣ формы первое мѣсто между ними безспорно принадлежитъ роскошному золотому ожерелью, представляющему въ высоко-рельефныхъ фигурахъ стадо отдыхающихъ, пасущихся и бодающихся козловъ и барановъ, размѣщенное дугою среди небольшихъ кустовъ и заканчивающееся съ обѣихъ сторонъ зайцемъ, за которыми гоня-

ся собака. Мастерская группировка всѣхъ фигуръ этой идиллической сцены, естественность и граціозность каждой отдѣльной фигуры и наконецъ прекрасная отдѣлка деталей ставятъ это ожерелье въ число замѣчательнѣйшихъ произведеній древняго искусства.

Другія два ожерелья, найденныя въ этой же гробницѣ, состоятъ—одно изъ золотыхъ шариковъ и розетокъ, къ которымъ прикрѣплены золотыя же продолговатыя подвѣски, похожія на буковые жолуди, а другое—изъ небольшихъ золотыхъ амулетовъ въ видѣ лягушекъ, пчелъ, виноградныхъ кистей, астрагалей и головокъ барана, негра, сатира и медузы.

Къ головнымъ украшеніямъ принадлежатъ: золотая, чрезвычайно тонкой и изящной работы, серьга въ родѣ тѣхъ, которыя найдены были уже прежде въ одномъ изъ склеповъ этого кургана И. Е. Забѣлинымъ (см. отчетъ Археол. Комм. за 1865 годъ, табл. II, 3), и золотой начельникъ или стленикъ, отличающійся отъ найденнаго въ Павловскомъ курганѣ, близъ Керчи (см. отчетъ Археол. Комм. за 1859 годъ; табл. III, 2), тѣмъ, что волнообразныя изгибы волосъ замѣнены мелкими кудрями. Въ такомъ же видѣ сдѣланы двѣ золотыя треугольныя подвѣски къ этому начельнику, состоящія изъ шести постепенно суживающихся книзу рядовъ подобныхъ кудрей.

Вы помните, конечно, также необыкновенно бойко исполненныя золотыя тисненныя изображенія молодыхъ пляшущихъ сатировъ (два изъ нихъ держатъ въ рукѣ по тимпану или зеркалу) и изступленныхъ менадъ, изъ которыхъ одна вооружена ножомъ и держитъ заколотое имъ животное, кажется лань, а двѣ другія потрясаютъ тирсами; кромѣ того одна менада скачетъ верхомъ на барсѣ, другая на грифонѣ. По всей вѣроятности фигуры эти составляли цѣлую вакхическую группу, которая, судя по просверленнымъ въ нихъ дырочкамъ и сохранившимся кое-гдѣ золотымъ гвоздикамъ, была прикрѣплена къ плотному, можетъ быть кожаному, предмету, отъ котораго, къ сожалѣнію, не осталось никакихъ слѣдовъ. Не служили ли онѣ украшеніемъ головного убора покойной, похожаго на калатосъ, найденный И. Е. Забѣлинымъ (см. Отчетъ Археол. Комм., за 1865 годъ, табл. I, 1—3)? На эту мысль наводятъ найденныя въ одномъ мѣстѣ съ начельникомъ узенькія, мѣстами также просверленныя, золотыя пластинки, съ вытиснутыми, на нихъ овами, составлявшія, можетъ быть, какъ на упомянутомъ калатосѣ, кайму предполагаемаго мною убора.

Остальное туалетное убранство покойной составляли: 1) массивный золотой браслетъ въ видѣ спирально вьющейся ленты (срав. Древ. Босф. Киммер. табл. XII, а, 7), украшенной по концамъ слегка-рельефнымъ изображеніемъ лежащаго льва; 2) два кольца изъ толстой, согнутой спиралью, золотой проволоки, оканчивающіяся змѣиными головками (срав. тамъ же, табл. XVIII, 10); 3) золотой перстень съ вертящеюся на оси сердоликовою рельефною фигурою лежащаго льва или барса; 4) другой золотой перстень съ небольшимъ халцедономъ, на которомъ, въ древнеперсидскомъ стилѣ, вырѣзана стоящая мужская, по видимому царская, фигура, мечемъ поражающая льва; 5) золотыя пуговицы въ видѣ распу-

стившагося махроваго цвѣтка; 6) круглыя и четырехугольныя пуговицы изъ листоваго золота, на которыхъ выбиты изображенія nereиды, вѣдущей на морскомъ конѣ, передней части пегаса и головы Аѳины (срав. Отчетъ Археол. Коммис. за 1865 годъ, табл. III, 14, 16); 7) золотыя тисненныя изображенія крылатой женской фигуры (срав. тотъ же Отчетъ, табл. III, 4 и 5), летящихъ птицъ, кажется голубей, и очень маленькихъ извѣстныхъ треугольниковъ, въ видѣ пирамидально сложенныхъ шариковъ. Судя по небольшимъ, просверленнымъ въ нихъ дырочкамъ, онѣ вѣроятно были нашиты на платье.

По части туалетныхъ принадлежностей заслуживаетъ еще особеннаго вниманія небольшое складное бронзовое зеркало, на крышкѣ котораго находится прекрасное рельефное, къ сожалѣнiю нѣсколько поврежденное, изображеніе двухъ борющихся эротовъ.

Что касается до девяти золотыхъ грифонныхъ головокъ, отличающихся необыкновенною выразительностію и бойкостью стили, то онѣ, по всей вѣроятности, были прикрѣплены къ стѣнкамъ саркофага, служа, по народному вѣрованію, охраною могильнаго покоя усопшей (см. Отчетъ Археол. Комм. за 1864 годъ, стр. 139).

Такое изобиліе изящныхъ металлическихъ произведеній позволяло думать, что въ гробницѣ найдутся также богатые расписные сосуды; на дѣлѣ однакоже въ ней оказались только весьма обыкновенная, и притомъ сильно поврежденная, ваза съ изображеніемъ на одной сторонѣ Скиа, скачущаго на бѣломъ грифонѣ, а на другой двухъ палестрическихъ фигуръ, небольшой флаконъ изъ пестрой композиціи и нѣсколько маленькихъ глиняныхъ (безъ поливы) сосудовъ въ видѣ урнъ, чашекъ, блюдецъ, алавастровъ и проч.

Но никогда еще, сколько мнѣ извѣстно, въ одномъ мѣстѣ не встрѣчалось такого множества разнообразныхъ терракотовыхъ статуэтокъ, какое открыто въ этой гробницѣ: ихъ было болѣе 30. Большую ихъ часть составляютъ чрезвычайно оригинальныя мужскія и женскія каррикатуры вакхически-эротическаго характера. На многихъ изъ нихъ сохранились слѣды пестрыхъ красокъ, которыми онѣ первоначально были раскрашены.

Наконецъ не могу не упомянуть еще о большомъ амулетѣ изъ голубовато-зеленой смальты, изображающемъ голову какого-то египетскаго божества, украшенную высокимъ головнымъ уборомъ въ видѣ страусовыхъ перьевъ.

За тѣмъ обращаюсь къ дальнѣйшимъ нашимъ раскопкамъ. Не стану впрочемъ утомлять вниманіе Ваше подробностями о неудачахъ моихъ при разрытіи двухъ другихъ кургановъ около Тамани и четырехъ кургановъ къ западу отъ Цукурскаго лимана, а перейду прямо къ разслѣдованію такъ называемаго Васюринскаго кургана, по правую сторону почтовой дороги, ведущей изъ Тамани на станцію Сѣвную, верстахъ въ двухъ отъ упомянутой выше большой Близицы. Пятисаженная высота этого кургана и видное положеніе его на одной изъ значительнѣйшихъ возвышенностей Таманскаго полуострова съ одной стороны позволяли предполагать

въ немъ гробницу какого-нибудь знатнаго лица, а слѣдовательно и соотвѣтственную тому роскошную погребальную обстановку, съ другой же стороны заставляли опасаться, что по этой-то именно причинѣ онъ едва ли избѣгнулъ грабительскихъ поисковъ кладоискателей. Высказанныя мною уже выше соображенія заставили однакоже и въ этомъ случаѣ положиться на пресловутое «авось», тѣмъ болѣе что, за исключеніемъ едва-замѣтной впадинки, курганъ по наружности своей принадлежалъ къ числу благонадежныхъ. На первой же недѣлѣ съ юго-западной стороны работы обнаружили въ немъ «отески», которые по направленію къ центру стали все болѣе и болѣе увеличиваться, суля открытіе значительнаго склепа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ стали показываться и слѣды прежнихъ ходовъ, наводившіе на неприятыя размышленія. Для сокращенія расходовъ я рѣшился искать гробницу посредствомъ минъ, которыя однакоже не привели меня къ цѣли: склепъ, какъ зарочный кладъ, «не давался». Пришлось оставить работы на самомъ интересномъ пунктѣ, потому что отпущенныя въ мое распоряженіе денежныя средства не позволяли болѣе продолжать раскопку; притомъ другія занятія требовали возвращенія моего въ Петербургъ. По просьбѣ моей, дальнѣйшее разслѣдованіе весьма обязательно принялъ на себя А. Е. Люценко, изъ донесенія котораго я и заимствую нижеслѣдующія извѣстія. Въ теченіи трехъ недѣль, опять при помощи буроваго снаряда, ему удалось наконецъ открыть въ юго-восточной части кургана большой, каменный, четырехугольный склепъ, покрытый цилиндрическимъ сводомъ и состоящій изъ двухъ отдѣленій: узкаго корридора, оштукатуренныя стѣны котораго покрыты разноцвѣтными карнизами съ изображеніемъ урнъ, ласточекъ и львиныхъ головокъ, и большой погребальной комнаты съ тремя четырехугольными нишами, и съ подобною же живописью не только на стѣнахъ, но и на сводѣ, который украшенъ чѣмъ-то въ родѣ балдахина съ кистями и бахромою. Къ сожалѣнію склепъ уже былъ посѣщенъ и ограбленъ кладоискателями, которые проникли въ него чрезъ проломъ, сдѣланный подъ самымъ сводомъ погребальной комнаты. На полу его нашлись только нѣсколько человѣческихъ костей, рѣзныя украшенія отъ деревяннаго саркофага, на которыхъ замѣтны слѣды инкрустаціи, черепки отъ разныхъ глиняныхъ сосудовъ и двухъ большихъ расписныхъ крестовъ съ позолоченными гирляндами, столъ изъ бѣлаго мрамора, ножки котораго сдѣланы въ видѣ львиныхъ лапъ, небольшая мраморная скамейка двѣ клейменныя амфорныя ручки и нѣсколько обломковъ отъ желѣзныхъ копій.

Окончательную раскопку этого кургана предполагается произвести въ нынѣшнемъ году. По мнѣнію г. Люценка особенно интересно разслѣдовать мѣсто въ юго-западной части насыпи, гдѣ буравъ достаетъ глину, смѣшанную съ углемъ и жженымъ прахомъ, т. е. указываетъ на присутствіе погребальнаго костра.

Кромѣ работъ на Васюринскомъ курганѣ, г. Люценко, послѣ отъѣзда моего, занялся еще раскопкою одного изъ пепелищъ, прилегающихъ къ

стѣнамъ древней Фанагоріи, близъ нынѣшняго хутора Боровика, по лѣвую сторону дороги, ведущей на станцію Сѣнную. Раскопка эта привела къ открытію въ материкѣ довольно широкой, водосточной канавы и четырехугольнаго колодезя, обложеннаго крупнымъ булыжнымъ камнемъ, и заваленнаго землею, костями и черепками битой посуды, а въ лежавшей надъ ними насыпи, имѣющей не менѣе 3-хъ саж. толщины, найдены клейменныя амфорныя ручки, обломки отъ терракотовыхъ статуэтокъ, покрытыя густою окисью мѣдныя монеты, бронзовый съ поврежденнымъ изображеніемъ, кажется, быка и небольшой овальный корналинъ, на которомъ вырѣзанъ рогъ изобилія.

В. ТИЗЕНГАУЗЕНЬ.

14 Января,
1869 года.

ЛУКА ЕВАНГЕЛИСТЪ, КАКЪ ИКОНОПИСЕЦЪ.

Вопросъ объ иконахъ, писанныхъ Евангелистомъ Лукою, не можетъ быть обойденъ въ Археологіи уже потому, что это есть преданіе общее церкви Греческой, Римской и Русской, гдѣ многія чтимыя иконы называются писанными Евангелистомъ Лукою.

Съ истинными требованіями науки равно несообразно какъ принятіе, такъ и отрицаніе преданія безъ должнаго его разсмотрѣнія. Кто знаетъ, что исторія не только въ первыхъ начаткахъ своихъ, но и всегда есть большею частію преданіе ранѣе или позднѣе записанное, официальными актами и памятниками или частнымъ разговоромъ переданное; кто знаетъ, что прошедшая исторія начертывается не на однихъ хартіяхъ и монументахъ, но и во всей жизни народовъ и что многое долго хранится въ живой памяти людей, прежде нежели предано будетъ письменамъ,—и это чаще случается съ самыми обыденными явленіями жизни: тотъ не рѣшится пренебрегать преданіемъ, пока основательная критика не докажетъ рѣшительной его несостоятельности. Легкомысленное отрицаніе преданія даже болѣе вредитъ наукѣ, нежели довѣрчивое уваженіе къ нему; ибо въ основаніи всякаго преданія, хотя бы оно по изслѣдованію и оказалось невѣрнымъ, лежитъ истина—это поводъ, по которому оно возникло. Если изслѣдованіе преданія приведетъ только къ открытію повода происхожденія его, и то не потеря для науки. Но пренебреженіе преданіемъ часто можетъ закрыть пути къ истинѣ.

При изслѣдованіи преданія объ иконахъ, писанныхъ Евангелистомъ Лукою, мы покажемъ: 1) Рано ли встрѣчается письменное извѣстіе о семъ преданіи; 2) Достоверно ли оно? 3) Въ какой степени оно можетъ быть оправдано относительно иконъ, находящихся въ Россіи?

I.

Первое извѣстіе объ иконѣ Богоматери, писанной Евангелистомъ Лукою, встрѣчаемъ мы у Θεодора, чтеца Великой Константинопольской церкви, писателя первой половины шестаго вѣка. Въ первой книгѣ своей исторіи, онъ пишетъ ¹⁾, что Евдокія (жена Θεодосія II-го) изъ Іерусалима прислала Пульхеріи икону Богоматери, написанную Евангелистомъ Лукою. Это извѣстіе показываетъ, что преданіе существовало въ первой половинѣ пятаго вѣка ²⁾. Но исторія Θεодора чтеца, по словамъ Свиды обнимавшая время отъ Константина до Юстиніана, дошла до насъ только въ извлеченіи, сдѣланномъ Никифоромъ Каллистомъ, писателемъ XIV-го вѣка. Ранѣе Никифора Каллиста до сихъ поръ неизвѣстно, чтобы кто либо приводилъ это свидѣтельство съ именемъ Θεодора чтеца. Ни Іоаннъ Дамаскинъ въ своихъ словахъ объ иконахъ, ни седьмой Вселенскій Соборъ не приводятъ этого свидѣтельства Θεодора чтеца. Эти обстоятельства могутъ подать поводъ думать, что приводимыя Никифоромъ слова Θεодора чтеца не позднѣйшее ли сочиненіе. Но 1) Никифоръ Каллистъ—историкъ добросовѣстный, котораго въ подлогѣ подозревать нѣтъ основанія, и въ XIV в. для него не было основанія выдумывать это свидѣтельство. 2) Исторія Θεодора чтеца, независимо отъ извлеченія изъ нея, сдѣланнаго Никифоромъ, встрѣчается въ древнихъ рукописяхъ. ³⁾ 3) Изъ Исторіи Θεодора чтеца два раза дѣлаются выписки Іоаннъ Дамаскинъ въ третьемъ словѣ объ иконахъ. ⁴⁾ Седьмой Вселенскій Соборъ въ первомъ и пятомъ дѣяніи также приводитъ свидѣтельства Θεодора чтеца ⁵⁾. Отсюда видно, что исторія Θεодора чтеца была извѣстна въ началѣ VIII в. Свидѣтельство его объ иконѣ Богоматери, писанной Евангелистомъ Лукою, не приводилось вѣроятно потому, съ одной стороны, что слишкомъ извѣстно всѣмъ въ Константинополь, гдѣ была самая икона; а съ другой потому, что въ немъ говорилось только о существованіи иконы, а не о почитаніи. Существованія же иконъ не отвергали иконоборцы. Въ выпискахъ, какія приводимы были на седьмомъ Вселенскомъ Соборѣ, преимущественно имѣлось въ виду доказать, что святые иконы должно почитать, что почитаніе ихъ признавалось и поучительнымъ и дѣломъ благочестивымъ и сообразнымъ съ духомъ христіанской вѣры. Можетъ быть и невозможность подтвердить это преданіе была причиною, что оно умолчано. Такое объясненіе причины умолчанія свидѣтельства Θεодора чтеца въ дѣяніяхъ седьмаго Вселенскаго Собора представляется тѣмъ вѣроятнѣйшимъ, что въ частныхъ бесѣдахъ съ иконоборствующими императорами, защитники церковнаго ученія не разъ указывали на икону Богоматери, писанную Евангелистомъ Лукою.

1) Curs. Patr. Graecae compl. Edit. 1860 T. Migne T. 86. p. 166.

2) Пульхерія умерла въ 454 г., Евдокія въ 460. г.

3) Leonis allatii Diatriba de Theodor. apud Ang. Mai Biblioth. novat. VI. p. 132. Fabricii Biblioth. Graec. ed. Harles. T. VI p. 127.

4) Op. Joan Damasc. edit. Lequien p. 380, 381.

5) Binii t. III. p. 494. 609.

Въ житіи Стефана Новаго, скончавшагося мученически за святые иконы въ 757 г. говорится, что патриархъ Германъ еще въ то время какъ Левъ Исавръ въ первый разъ высказалъ свое намѣреніе преслѣдовать почитаніе св. иконъ, указывалъ ему между прочимъ на то, что икона Богоматери писана Евангелистомъ Лукою и прислана изъ Іерусалима въ Константинополь. ¹⁾ Св. Іоаннъ Дамаскинъ, въ письмѣ къ Константину Ковалину (Копрониму) указываетъ на икону Богоматери, писанную Евангелистомъ Лукою и посланную имъ къ Теофилу». *βλέπε μοι, пишеть онъ, καὶ τὸν εὐαγγελιστὴν καὶ Ἀπόστολον Λυχάν· ἕχι τῆ παναχράντη καὶ ἀειπαρθένῃ Μαρίας τὴν τημίαν εἰκόνα ἀνεστόρησε καὶ πρὸς Θεόφιλον ἔπεμψε.* ²⁾

Въ посланіи къ Теофилу (829—842), которое встрѣчается также съ именемъ Іоанна Дамаскина, но принадлежитъ, по предположенію Комбефизія, тремъ патриархамъ: Іову Александрійскому, Христофору Антиохійскому и Василию Іерусалимскому, пишется: Святый Апостоль и Евангелистъ Лука, тогда какъ Пресвятая Матерь Божія Марія жила еще во Іерусалимѣ и обитала на Сіонѣ, написалъ живописными составами Ея божественный и честный образъ на дскѣ, дабы какъ въ зеркалѣ созерцали Ее и послѣдующіе роды. Когда Лука представилъ Ей сіе изображеніе. Она сказала: благодать Моя съ нею да будетъ. ³⁾

Симеонъ Метафрастъ, въ началѣ X-го вѣка, въ своемъ жизнеописаніи Евангелиста Луки пишеть: «особенно отрадно то, что Лука человѣческой видѣ Христа моего и образъ Той, Которая родила Его и дала Ему человѣческое естество—первый, изобразивъ воскомъ и красками, передалъ, чтобы чтити ихъ даже до сего времени, почитая недостаточнымъ для любви своей, если онъ любимыхъ не будетъ созерцать въ изображеніяхъ и иконахъ,—что свидѣтельствуеть о силѣ его любви. И это сдѣлалъ не для себя только, но и для всѣхъ вѣрныхъ и любящихъ Христа. ⁴⁾

Въ Менологіи Императора Василія II (976—1025) Лука Евангелистъ названъ врачомъ и живописцемъ (*ζωγράφος*).

Теофанъ Керамей Архіепископъ Тавроменійскій (1130—1150) въ бесѣдѣ о возстановленіи иконъ говоритъ: «и Лука, краснорѣчивѣйшій оный Евангелистъ, изображеніе Богоматери воскомъ и красками сдѣлалъ, изобразивъ Ее держащею на Своихъ рукахъ Господа, которое изображеніе и доселѣ сохраняется въ Константинополѣ». ⁵⁾ Никифоръ Каллистъ пишеть: «второй храмъ выстроен-

1) Surii Vit. ss. Noembr. 28. p. 635. Житіе Стефана Новаго писано спустя 24 года послѣ кончины его.

2) Въ изданіи сочиненій Дамаскина Лекъень это письмо (Tom. 1. p. 618) затрудняется приписать Дамаскину, но письмо Дамаскина Копрониму извѣстно было жизнеописателю его Стефану (Coteller Monum. 4, 451). Хотя бы оно и не принадлежало Дамаскину, но писано прежде седьмаго Вселенскаго Собора; ибо направлено противъ Копронима (754—755) и сылается только на шестой Вселен. Соборъ.

3) Oper. Damasc. Ed. Lequien. T. 1 p. 631.

4) Simeon Metaphr. in vita Lucae, 18 Octobr.

5) Κήρυξ καὶ Χρῶματι ἐζωγράφησεν. Patrolog. Graecae, Cursus Compl. Ed. Migne. 1864. T. 132 Col. 439. 440.

ный Пульхеріею, былъ Одигитріевскій [τῶν ὀδιγγῶν] т. е. путеводителей,“ куда Пульхерія поставила икону Матери Слова, присланную изъ Антиохіи, которую божественный Апостоль Лука написалъ своими руками еще при жизни Богоматери. Она видѣла сію картину и дала благодать Своему изображенію. Эта икона сначала была на мѣстѣ, которое называется трибуналь, гдѣ совершались чудеса, какія и нынѣ бываютъ. Потомъ Пульхерія озаботилась, чтобы въ семь храмъ въ третій день седмицы совершилось всеобщее бдѣніе и молитвословіе, что и доселѣ сохраняется.“¹⁾

Изъ приведенныхъ нами свидѣтельствъ видно: 1, что не ранѣе половины пятаго вѣка дѣлается общеизвѣстнымъ преданіе объ иконѣ Богоматери, написанной Евангелистомъ Лукою; 2, что записаннымъ его находимъ только въ первой половинѣ шестаго вѣка; 3, что преданіе знаетъ только одну икону Богоматери, писанную Евангелистомъ Лукою, именно ту, которая прислана Евдокіею Пульхеріи и находилась въ храмѣ Одигитріевскомъ. Только въ одномъ мѣстѣ Никифоръ говоритъ, что она прислана Евдокіею не изъ Иерусалима, но изъ Антиохіи.²⁾

II.

Достовѣрно ли это преданіе, можетъ быть не безъ намѣренія обойденное въ дѣяніяхъ седьмаго Вселенскаго Собора, дабы оно оставалось частнымъ преданіемъ, а не подтвержденнымъ общимъ голосомъ церкви?

Положительное что либо сказать въ пользу достовѣрности сего преданія мы не можемъ; развѣ только указавъ на то, что священныя изображенія допускались христіанскою церковію съ самыхъ первыхъ временъ христіанства. Евсевій, описывая видѣнное имъ самимъ изваянное изображеніе Спасителя, сдѣланное исцѣленною отъ Спасителя женою кровоточивою, прибавляетъ: „и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что вдревле нѣкоторые изъ язычниковъ, облагодѣтельствованныхъ Спасителемъ, дѣлали это, когда мы сами видѣли, изображенія на картинахъ Апостоловъ Петра и Павла и самаго Христа.“³⁾ Открытыя въ катакомбахъ изображенія несомнѣнно восходятъ до втораго вѣка. Но прямаго свидѣтельства о существованіи изображеній Богоматери въ первые вѣка христіанства мы не находимъ; напротивъ много

¹⁾ Hist. Eccl. L. XV. c. 14; Lib. XIV. c. 2. Кодинъ De aedif. С. Р. р. 80. Edit. Bon. 1843) приписываетъ построение храма Одигитріи Михаилу Метистѣ, умерщвленному Василиемъ Македоняниномъ. Но о построеніи храма Одигитріи Пульхеріею говоритъ Феодоръ чтець. Метиста вѣроятно возстановилъ его. Дюканъ признаетъ построение его Пульхеріею (С. Р. Christ. р. 92). Названіе ὀδιγγῶν Кодинъ производитъ отъ того, что слѣпые, умываясь въ находящемся тутъ источникѣ, прозрѣвали и безъ вожаковъ уходили домой. Но вѣроятнѣе храмъ назывался такъ потому, что цари, отправляясь въ путь и возвращаясь, приносили здѣсь молитвы о благополучномъ путешествіи.

²⁾ Къ нашему вопросу не относится разрѣшеніе того недоумѣнія, что по однимъ свидѣтельствамъ икона писана на декѣ, по другимъ изображеніе сдѣлано воскомъ и красками.

³⁾ Hist. Eccl. L. VII. c. 18.

выставляют отрицательныхъ свидѣтельствъ. Мы разберемъ какую степень силы имѣютъ эти свидѣтельства. Августинъ пишетъ: ¹⁾ „Мы не знаемъ лица Дѣвы Маріи, отъ которой безмужно и нетлѣнно, чудеснымъ образомъ родился Христосъ. Мы не видѣли очертанія внѣшняго вида Лазаря, ни Виагніи, ни гроба, ни того камня, который Христосъ велѣлъ отвалить, когда воскрешалъ Лазаря, ни новаго памятника, изсѣченнаго въ скалѣ, откуда Онъ Самъ воскресъ, ни горы масличной, откуда вознесся Онъ на небо: и не видѣвъ мы не знаемъ, такъ ли все, какъ мы представляемъ, вѣроятно же, что совсѣмъ не такъ. Вѣримъ, что Господь Иисусъ Христосъ родился отъ Дѣвы, имя которой Марія. Но такое ли лице имѣла Марія, какое представляется въ умѣ нашемъ, когда мы бесѣдуемъ съ Нею или вспоминаемъ Ее, мы не знаемъ этого и не убѣждены въ этомъ. Можно сказать, сохраняя вѣру, можетъ быть имѣла такое лице, а можетъ быть не такое. Вѣра требуетъ только признавать, что Христосъ родился отъ Дѣвы.“ Въ этихъ словахъ Августина хотятъ видѣть доказательство, что изображеній Богоматери во время Августина не было. Но Августинъ говоритъ здѣсь только о томъ, что онъ не видалъ лица (faciem) Богоматери, неутверждая, чтобы изображеній Ея лица не было; также какъ не видалъ и новаго памятника, изсѣченнаго въ скалѣ, изъ которой воскресъ Христосъ, не отрицая существованія этого памятника.

Мюнтеръ противъ преданія о написаніи Евангелистомъ Лукою изображенія Богоматери говорилъ, что восточныя женщины, если и выходили изъ своихъ комнатъ, то всегда съ покрытымъ лицомъ, а потому ни при жизни, ни послѣ смерти ихъ не могло быть списано ихъ лице. ²⁾ Но самъ же онъ уничтожаетъ силу своего возраженія, признавая существованіе изображеній Богоматери на картинахъ встрѣчи Ея съ Елисаветою, рождества Христова, поклоненія волхвовъ. Отношеніе учениковъ Господа Иисуса Христа къ Его Пречистой Матери—были отношенія дѣтей къ матери, предъ которыми не было Ей нужды и по восточному обычаю скрывать лице свое покрываломъ. Есть другое условіе жизни Евреевъ, которое препятствуетъ признать Евангелиста Луку иконописцемъ. Евангелистъ Лука считается однимъ изъ 70-ти Апостоловъ и слѣдовательно Иудеемъ по своему происхожденію. Но извѣстно, что живопись была искусствомъ, незнакомымъ для Иудеевъ по силѣ заповѣди, данной Моисеемъ, не дѣлать подобія чего либо небеснаго или земнаго; потому и Луку считать знавшимъ это искусство нѣтъ основанія. Но есть мнѣніе, что Лука Евангелистъ былъ изъ язычниковъ.—Этого мнѣнія держатся Тертуллианъ, ³⁾ Иеронимъ, ⁴⁾ Августинъ ⁵⁾ и Евсевій не ставятъ Луку въ числѣ видѣвшихъ Господа, ⁶⁾ основываясь на томъ, что Лука въ началѣ своего Евангелія говоритъ, что онъ передаетъ слышанное, а не видѣнное

1) Aug. Op. T. VII. Col. 870. Ed. Par. 1694.

2) Sinnbilder von Münter, Altona 1825 Heft. II. p. 26.

3) Lib. IV. Contr. Marc. C. 2.

4) Tom. IV. Part. 2, Col. 104.

5) De Consensu Apost. Lib. 1. c. 1.

6) Hist. Eccl. L. III. c. IV.

имъ. Апостоль Павелъ въ посланіи къ Колоссаемъ (IV, 14), повидимому отдѣляетъ его отъ тѣхъ, иже отъ обрѣзанія, называя при этомъ Луку врачомъ возлюбленнымъ. ¹⁾ Будучи врачомъ, Лука могъ знать и живописное искусство.

Представляется здѣсь новое недоумѣніе, если Лука Евангелистъ не жилъ въ Иудеѣ во время земной жизни Спасителя, то онъ могъ видѣть Богоматерь только тогда, какъ она была уже въ лѣтахъ преклонныхъ. Между тѣмъ на той иконѣ, которая приписывается Евангелисту Лукѣ, Богоматерь изображена держащею на рукахъ Младенца Иисуса. Въ разрѣшеніе этого недоумѣнія, можно сказать, что Пресвятая Дѣва могла и до старости, при Своей чуждой земныхъ страстей жизни, сохранить свѣжесть лица и художникъ могъ воспроизвести Ея подобіе. Такимъ образомъ остается еще нѣкоторая степень вѣроятности за преданіемъ о написаніи Евангелистомъ Лукою иконы Богоматери.

III.

Въ Россіи нѣсколько иконъ называются писанными Евангелистомъ Лукою, какъ-то: Владимірская, Иерусалимская (пропавшая 1812 г.), Смоленская, Курсунская. Но мы видѣли, что Греческое преданіе знало только одну икону Богоматери, писанную Евангелистомъ Лукою. Не сохранилось никакого современнаго извѣстія объ которой либо изъ сихъ иконъ при перевезеніи ихъ изъ Греціи въ Россію, которое говорило бы, что это именно та икона, которую чтили въ Греціи, какъ писанную Лукою. Нельзя даже думать, чтобы Греки добровольно разстались съ столь высоко чтимою ими иконою. Много спустя послѣ того времени, къ которому относится перенесеніе изъ Греціи въ Россію упомянутыхъ иконъ, икона Богоматери, по Греческому преданію писанная Евангелистомъ Лукою, по ясному свидѣтельству Никифора Каллиста, находилась въ Константинополѣ.

II. КАЗАНСКІЙ.

1) Нѣкоторые впрочемъ думаютъ, что Лука врачъ, упоминаемый въ Посланіи къ Колоссаемъ, не одно лице съ Лукою Евангелистомъ, спутникомъ Ап. Павла, о которомъ говоритъ онъ въ посланіи къ Тимоѳею. Лука одинъ со мною (2 Тим. 4, 11), и для того наименованъ врачомъ, чтобы отличить его отъ Луки, сопутствовавшего Павлу.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ ТРЕХЪ НЕИЗВѢСТНЫХЪ РУССКИХЪ ДЕНЕГЪ

въ собраніи князя Л. Н. Гагарина.

1.

Д.

Л. Всадникъ на лѣво, въ рукѣ сѣкира, надъ конемъ четыре точки, соединенныя черточками, и сзади всадника тамга. Вокругъ всего изображенія кругъ; за нимъ слѣды надписи.

Об. Арабская надпись. Вѣсъ 17 долей или 12 грань. Эта монета, вѣроятно, чеканена В. Кн. Василиемъ Дмитриевичемъ 1389—1425.

2.

Д.

Л. Четвероногое направо; надъ нимъ крыса. Изображеніе въ кругѣ, съ круглою надписью: ПѢЛІТЬ КИЛЖАФІА ОРОМ

Об. Птица (лебедь) на лѣво; надъ нею буквы: ЛЕЛУ Изображеніе въ кружкѣ, съ круговою надписью: ПОЛУБАСКО НГДА М/... Вѣсъ: 14 долей или 10 грань.

Судя по имени и по чеканкѣ, должна быть Князя Θεодора Михайловича Микулинскаго 1399.

3.

Д.

Л. Человѣкъ стоящій, правая рука поднята, лѣвая—опущена. Изображеніе въ кружкѣ, съ круглою надписью: ПСВѢТЛОДНО+

Об. Изображеніе стерто; вокругъ него кругъ и надпись: ... А Ч О В И Н Н О П О * Вѣсъ: 10 долей или 7 грань.

Вѣроятно Кн. Бориса Александровича 1426—1461, или другаго изъ Тверскихъ Князей.

Кн. Л. Гагаринъ.

АНТИМИНСЪ ВУЙНИЦКАГО МОНАСТЫРЯ ЛИТОВСКОЙ РУСИ, НАХОДЯЩІЙСЯ ВЪ УФѢ.

Въ ризницѣ Уфимскаго Воскресенскаго каѳ. Собора хранится, неизвѣстно съ котораго времени, откуда и по какому случаю туда доставленный, антиминсѣ Литовскаго Буйницкаго монастыря (XVII в.). Антиминсѣ на ревендюкѣ, длиною и шириною около 1 арш., священныя изображенія напечатаны на немъ—неизвѣстно въ какой типографіи. На верхней части плато поясное изображеніе Христа Спасителя, источающаго кровь въ ротъ, а подъ изображеніемъ рукописная надпись чернилами: „Божественъ и освя-

„щенъ олтарь Господа и Бога Спаса нашего Ісуса Христа, а освященъ „благодатию всесвятаго и животворящаго духа, руководѣственъ же и благо- „словенъ господиномъ отцемъ Сильвестромъ Косовомъ, православномъ епи- „скопомъ мстиславскимъ и оршанскимъ и могилевскимъ, при державѣ вели- „каго Короля Польскаго Владислава Четвертаго влѣто бытія міра $\neq$ зр^{ме}. а „отъ Рождества Христова отъ $\neq$ а^хиз мѣсяца апріліа дня $\neq$ е воеже священ- „нодѣйствовати и съвершити божественную литургію въ храмъ оупенія „Пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приено дѣвы Маріи въ оби- „тели Буйницкой, въ маестности его мосци пана подкоморея мстиславскаго „пана Богдана Граецкаго“. Послѣ этого уже собственноручно преосвящен- нымъ Сильвестромъ подписано: „Сильвестръ Косовъ епископъ Мстиславскій Оршанскій и Могилевскій“^(*). По угламъ плата въ кругахъ изображеніе 4 евангелистовъ и въ 2-хъ полуквадратахъ—херувимы: одинъ держащій копіе, другой — губу и трость, эмблемы страданія и крестной смерти І. Х.

Для разрѣшенія вопроса о томъ, какъ антиминосъ попалъ въ Уфу, я обратился, благодаря просвѣщенному содѣйствію губернскаго Статистическаго Комитета, къ архивамъ Уфимской Духовной Консисторіи, гдѣ дѣла съ 1800 года, т. е. съ открытія епархіи, и къ архиву Воскресенскаго собора, гдѣ дѣла съ 1785 года, но всѣ поиски мои остались напрасны.

Остается предположеніе.

Въ Уфу въ XVII вѣкѣ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, были посланы на службу Смоленскіе и Полоцкіе дворяне, ими основаны здѣсь нѣкоторыя церкви, въ томъ числѣ Соборъ Смоленской Божіей матери, въ честь принесенной ими копіи съ чудотворной иконы Смоленской, но впрочемъ—ни одной церкви во имя Успенія Б. М., для которой могъ бы пригоденъ быть, по уставу церковному, и настоящій антиминосъ, освященный во имя успенія Божія матери. Къ тому же—люди воинскіе едва ли могли принести антиминосъ: для этого необходимо лице духовное, но неизвѣстно, было ли таковое вмѣстѣ съ Смолянами и Полочанами, воинскими служилыми людьми, пришедшими въ Уфу. Въ Уфѣ былъ Успенскій мужескій монастырь, основанный въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, на мѣстѣ его теперь женскій во имя Благовѣщенія Богородицы; первая церковь Успенія построена въ Уфѣ въ 1798 году деревянная на кладбищѣ, и антиминосъ ея освященъ Амвросіемъ Архіепископомъ Казанскимъ и Свіяжскимъ. Уфа, со временъ Грознаго до 1800 года, или открытія Оренбургской и Уфимской епархіи, принадлежала къ епархіи Казанской, кромѣ того была нѣсколько лѣтъ завѣдываема преосвященными Вятскими и Великопермскими, но въ духовномъ отношеніи, кромѣ этихъ, ни съ кѣмъ изъ другихъ архіереевъ, тѣмъ менѣе Литовскими, окрайная Уфа не имѣла никакихъ отношеній.

Въ архивѣ Уфимской гражданской палаты хранятся дѣла бывшей приказной избы и воеводской канцеляріи XVII вѣка, между ними есть поимен-

^{*)} За трудностью удержать въ печати особенности и сокращенія надписи, приводимъ ее въ полномъ чтеніи. Ред.

ные списки дворянамъ шляхтѣ и дворянамъ выходцамъ Смоленскимъ и Полоцкимъ, въ томъ числѣ есть въ архивѣ и книги дворянскіе десятиные; въ спискахъ 1686 и 1690 годовъ встрѣчаемъ оршанцевъ Вышинскихъ Ивана и Андрея, Степана Заборскаго Мстиславца и Ивана Граецкаго. Можетъ быть это указаніе—современемъ—поможетъ разрѣшенію любопытнаго вопроса, какъ въ полу-сибирскую Уфу попалъ антиминсъ литовской Руси XVII в., памятникъ, во всякомъ случаѣ, небезполезный для отечественной археологіи.

Р. ИГНАТЬЕВЪ.

РАСКОПКИ ВЪ КУРГАНАХЪ, НАХОДЯЩИХСЯ НА ПРЕДПОЛАГАЕМОЙ МѢСТНОСТИ ДРЕВНЕЙ НИМФЕИ.

Въ концѣ прошлаго года, два частныя лица, вступивъ въ соглашеніе съ владѣлицею села Эльтигенъ, въ Θεодосійскомъ уѣздѣ, приступили къ изслѣдованію кургановъ, находящихся въ этой мѣстности, принимаемой за древнюю Нимфею. Поводомъ къ этимъ раскопкамъ послужило открытіе золотыхъ серегъ, описанныхъ въ Археологическомъ Вѣстникѣ за 1867, стр. 93. Несмотря на значительный морозъ, препятствовавшій производству раскопокъ, въ продолженіи одной недѣли, искатели древностей успѣли открыть въ тѣхъ курганахъ, съ помощію бурава, на глубинѣ около 2-хъ саж. отъ поверхности ихъ, двѣ гробницы, хотя небогатыя, но тѣмъ не менѣе заслуживающія вниманія въ археологическомъ отношеніи. Въ первой изъ нихъ, обыкновенной конструкціи—каменной, заключался, по словамъ вышеозначенныхъ лицъ, простой деревянный гробъ, съ двумя почти совершенно истлѣвшими остовами, изъ которыхъ при одномъ найдено: значительное число хорошо сохранившихся бронзовыхъ наконечниковъ отъ стрѣлъ; одинъ такой же костяной наконечникъ съ обломками желѣзнаго меча, при другомъ—пара золотыхъ, улиткообразной формы серегъ, украшенныхъ мелкими шариками и оканчивающихся головками грифона; восемь гладкихъ, квадратной формы, пустотѣлыхъ коробочекъ изъ листового золота, съ привѣшенными къ нимъ украшеніями въ видѣ буковыхъ желудей; одно небольшое гладкое кольцо изъ электрума; болѣе 60 маленькихъ, почернѣвшихъ бляшекъ, изъ листового золота, съ грубымъ изображеніемъ на нихъ въ оттискѣ зайца и дырочками по краямъ; обломки круглаго, металлическаго зеркала; одинъ мотокъ, чрезвычайно хорошо сохранившихся нитокъ, остатки какой-то ткани, нѣсколько орѣховъ и три глиняные лепешки, съ рисунками, значительно поврежденными сыростію земли, какъ объяснили находчики. Въ другой же, земляной гробницѣ, съ деревяннымъ, сплюснутымъ тяжестью земли гробомъ, оказался одинъ остовъ, лежавшій головою на востокъ.

На шеѣ этого остова найдено кольцо, въ видѣ совершенно гладкаго согнутаго въ кружокъ прута, изъ электрума вѣсомъ въ $38\frac{1}{2}$ золот.; на груди панцырь (въ обломкахъ) изъ бронзовыхъ чешуекъ, прикрѣпленныхъ къ желѣзной кольчугѣ и одна бронзовая, хорошо сохранившаяся бляха, длиною и шириною отъ 3-хъ до 2-хъ вершковъ, съ ушкомъ на оборотѣ и съ рельефнымъ изображеніемъ на лицевой сторонѣ ея головы, похожей на лошадиную; на ногахъ бронзовыя, позолоченныя кнемиды или наголенники, безъ украшеній, и по сторонамъ обломки желѣзнаго меча; одинъ бронзовый, съ отломленною ручкою, кіатось или симпуломъ (черпало), подобный изображенному на XXX листѣ „Древностей Босфора Киммерійскаго“. Эрмитажное изданіе (рис. 1 и 2.), и три глиняные, покрытые блестящею черною краскою и весьма хорошо сохранившіеся, но безъ рисунковъ, сосуды, изъ которыхъ два имѣютъ форму патеры (безъ крышки), а третій—небольшой чаши, съ высокимъ подножіемъ. Вотъ все, что по завѣреніямъ открывателей, найдено въ означенныхъ гробницахъ, къ вскрытію которыхъ г. Директоръ Керченскаго Музея приглашаемъ не былъ. Вещи эти, не заключающія въ себѣ ничего новаго или изящнаго, за исключеніемъ, быть можетъ, однихъ серегъ, имѣющихъ довольно замѣчательную форму, хранятся у находчиковъ.

А. Л.

ВЯТСКИЙ КЛАДЪ КУФИЧЕСКИХЪ МОНЕТЪ.

Эта интересная находка есть, сколько мнѣ извѣстно, первая въ этомъ родѣ, дошедшая до насъ изъ Вятской губерніи. Кладъ былъ найденъ въ концѣ 1867 года крестьяниномъ—вотякомъ близъ Глазова, въ Кестымской волости и состоитъ изъ большаго серебрянаго тяжеловѣснаго кувшина (безъ всякихъ украшеній и надписей), въ которомъ оказались: серебряный 18-ти золотниковый слитокъ и до 1500 серебряныхъ монетъ. Послѣднія, за исключеніемъ 180 совершенно потертыхъ экземпляровъ, большею частію превосходно сохранились. Изъ нихъ, двѣ древнѣйшія принадлежатъ къ числу сассанидскихъ монетъ (одна Гормизда IV-го 587 года по Р. Х.; другая—Хозроя II 619 г.), двѣ къ отдѣлу табаристанскихъ испегбедіевъ, Хуршида и Омара; двѣсти чеканены умейядскими, и болѣе 800 аббасидскими халифами, а остальные, въ томъ числѣ и новѣйшая во всемъ кладѣ (843—844 г.),—государями тагеридской династіи. Между халифскими монетами находится много отчасти неизданныхъ, отчасти весьма рѣдкихъ экземпляровъ.

Сохраненіемъ этого клада наука обязана усердію и расторопности мѣстнаго исправника, г. Ребиндера, и помощника его, г. Юраго, которые тотчасъ же пріобрѣли всю находку на собственныя деньги и представили ее

Начальнику губерніи. Во вниманіе къ такой заботливости этихъ лицъ о сохраненіи археологической находки, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изволилъ пожаловать каждому изъ нихъ по подарку. Находчику же, сверхъ 228 руб., полученныхъ имъ отъ гг. Ребиндера и Юраго, добавлено еще 372 руб., сообразно дѣйствительной стоимости открытаго имъ клада.

Вл. Тизенгаузенъ.

Спб. 31 Декбаря 1867 года.

Письмо къ редактору

ТРУДОВЪ МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Позволяю себѣ обратить Ваше вниманіе на небольшую неточность, вкрапшуюся въ статью архим. Амфилохія о древностяхъ, найденныхъ близъ Миулинской станицы, напечатанную во второмъ выпускѣ I-го тома Трудовъ Московскаго Археологическаго Общества. На стр. 199 сказано, что вскорѣ послѣ этого открытія, когда слухъ объ немъ дошелъ до Петербурга, я немедленно поспѣшилъ въ Новочеркасскъ и успѣлъ тамъ скупить нѣкоторыя вещи этой находки. Почтенный авторъ замѣтки очевидно смѣшалъ двѣ находки, почти одновременно сдѣланныя въ 1864 году въ Землѣ Войска Донскаго—одну близъ Новочеркасска, подробно описанную проф. Борисякомъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за тотъ годъ, и другую близъ хутора Батальщикова, о которой сообщено было извѣстіе г. Х. Поповымъ въ Донскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ за 1864 годъ, N 44. Сохраненіемъ первой находки, поступившей въ Императорскій Эрмитажъ, наука обязана Комитету о постройкѣ Грушевской желѣзной дороги и Новочеркасскаго водопровода. За достовѣрность ходившаго въ то время слуха, что часть этой находки все-таки разошлась по частнымъ рукамъ, не ручаюсь. Я пріѣхалъ въ Новочеркасскъ съ академикомъ И. П. Вольскимъ случайно, проѣздомъ въ Керчь, недѣли двѣ спустя послѣ сдѣланнаго открытія, и занялся только дослѣдованіемъ кургана, въ которомъ найдены были вещи, равно какъ раскопкою другаго кургана въ той-же мѣстности. Результаты моихъ изслѣдованій изложены въ Отчетѣ Археологической Комисіи за 1864 годъ. О находкѣ древностей близъ хутора Батальщикова (въ юрту Мигулинской станицы) я узналъ лишь по возвращеніи въ Петербургъ, изъ упомянутой выше статьи Х. Попова, и тотчасъ же принялъ мѣры къ розысканію ихъ, но, не смотря

на всѣ поиски, до сихъ поръ, къ сожалѣнію моему, не успѣлъ узнать, куда дѣлись остальные вещи, найденныя тамъ вмѣстѣ съ золотымъ сосудомъ, доставшимся гр. Уварову.

Покорнѣйше прося Васъ дать мѣсто этому заявленію въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ „Трудовъ“, имѣю честь быть и проч.

Вл. ТИЗЕНГАУЗЕНЪ.

С.-Петербургъ.

31-го Декабря 1867 года.

БИБЛИОГРАФІЯ.

НУМИЗМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. Berliner Blätter für Münz-, Siegel- und Wappenkunde. Vierter Band. Mit Tafeln XL—XLII und XLV—LI, dem Porträt Sestinis und andern Abbildungen. Berlin. Ferdinand Schneider. 1868 8-^o. 380 стр.

Въ послѣдніе годы нумизматика, одна изъ важнѣйшихъ вѣтвей археологіи, сдѣлала огромные успѣхи. Литература этой науки обогатилась нѣсколькими капитальными сочиненіями, разъясняющими вопросы о происхожденіи монеты вообще и различныхъ монетныхъ системъ. Таковъ необыкновенно замѣчательный трудъ Брандиса: *Das Münz-,—Maas- und Gewichtswesen in Vorderasien bis auf Alexander den Grossen*. Berlin. 1866. 8; такова книга гениальнаго Моммсена о римскомъ монетномъ дѣлѣ: *Geschichte des Römischen Münzwesens*. 1860. Наряду съ давно уже основанными въ Англии, Франціи и Бельгіи нумизматическими обществами, упрочившими свою извѣстность длиннымъ рядомъ весьма уважаемыхъ публикацій, непрерывно въ Западной Европѣ основываются нумизматическія общества, начинающія свою дѣятельность весьма замѣчательными періодическими изданіями. Нумизматическое общество въ Лондонѣ издало уже семь томовъ новой серіи своего журнала: *The Numismatic Chronicle and Journal of the Numismatic Society*; Королевское Нумизматическое общество въ Брюсселѣ выпустило въ свѣтъ пять томовъ четвертой серіи журнала: *Revue de la Numismatique belge*; наконецъ извѣстные нумизматы де Виттъ и Адриенъ де Лонперье въ Парижѣ недавно окончили тринадцатый томъ новой серіи своего превосходнаго журнала: *Revue Numismatique*. Къ этимъ изданіямъ, пользующимся давно заслуженною славою, слѣдуетъ присоединить еще нѣсколько новыхъ нумизматическихъ изданій, появившихся въ послѣднее время. Именно, въ Италіи начаты два періодическія изданія: первое изъ нихъ, издаваемое г. Оливьери подъ заглавіемъ: *Rivista della Numismatica antica et moderna*, посвящено нумизматикѣ древнихъ и новыхъ народовъ; второе, *Bulletino di Numismatica italiana*, выходящее во Флоренціи, занимаетъ исключительно нумизматикою италіанскою. Въ Парижѣ, въ началѣ

1865 года, образовалось новое нумизматическое общество, подъ названіемъ: *Société française de Numismatique et d' Archéologie*, уже издавшее два великолѣпные тома своихъ трудовъ, и наконецъ въ Берлинѣ нѣсколько отличныхъ знатоковъ какъ древней, такъ и средневѣковой нумизматики, предприняли изданіе, котораго заглавіе стоитъ во главѣ этой статьи. Четвертый томъ этого журнала, недавно вышедшій въ свѣтъ, лежитъ передъ нами. Мы позволимъ себѣ указать нашимъ читателямъ на характеръ этого изданія и статьи, имѣющія интересъ для отечественныхъ нумизматовъ.

Уже одни имена главныхъ сотрудниковъ этого періодическаго изданія служатъ ручательствомъ серьезнаго и научнаго направленія помѣщаемыхъ въ немъ статей. Во главѣ ихъ стоитъ хранитель нумизматическаго кабинета Берлинскаго Музея, Д-ръ Ю. Фридендеръ. Четвертый томъ разбираемаго нами журнала начинается написаною имъ біографіею извѣстнаго италіанскаго нумизмата Доменико Сестини, (+ 8 Іюня 1832), къ которой приложенъ литографированный портретъ этого ученаго. Авторъ начертилъ не только весьма привлекательную картину его жизни, но и представилъ весьма тонкую и безпристрастную оцѣнку нумизматическихъ трудовъ Сестини. Онъ воспользовался также этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать нѣсколько поправокъ къ VI и VIII частямъ извѣстнаго сочиненія Сестини: *Lettere Numismatiche*, касающихся древне-греческой нумизматики. Эти поправки доказываютъ, что Сестини въ самомъ дѣлѣ весьма поверхностно описывалъ и читалъ надписи на древне-греческихъ монетахъ. Авторъ, признавая ученые заслуги Сестини, совѣтуетъ пользоваться его трудами съ большою осторожностью. За этою статьею біографо-нумизматическаго содержанія слѣдуетъ цѣлый рядъ статей, посвященныхъ древне-греческой и римской нумизматикѣ, принадлежащій перу того же ученаго автора. Онъ или описываетъ монеты, чеканенныя въ различныхъ номахъ Египта при Императорѣ Домиціанѣ, или точнѣе опредѣляетъ принадлежность уже извѣстныхъ монетъ, которыхъ экземпляры поступили въ Берлинскій Мюнцъ-Кабинетъ или находятся въ собраніяхъ извѣстныхъ любителей. Для исторіи искусства весьма важна статья Д-ра Фридендера: *Eine Tochter der Niobe, auf einer böotischen Münze* (стр. 141—144). Въ собраніи Кузинери, позднѣе перешедшемъ въ Мюнхенъ, находилась бронзовая монета, на лицевой сторонѣ которой изображена Діана съ ланью, стоящая на одномъ колѣнѣ, которая только-что спустила съ лука смертоносную стрѣлу. Такъ какъ экземпляръ этой монеты былъ плохо сохраненъ, то на оборотной сторонѣ Сестини полагалъ, что изображенъ Актеонъ, цѣпями прикованный къ скалѣ. Многіе ученые повторяли его слова, въ томъ числѣ извѣстный Мюннэ, а неточное изображеніе перешло даже въ атласъ къ археологическому учебнику К. Отфрида Мюллера. Недавно лучше сохранившійся экземпляръ той же монеты позволилъ Д-ру Фридендеру точнѣе описать и изобразить этотъ любопытный памятникъ античнаго искусства, относящійся къ огромному циклу античныхъ художественныхъ произведеній, представляющихъ трагическую судьбу дѣтей Ніобы, которой посвящено превосходное сочиненіе Проф. Штарка въ Гей-

дельбергъ: *Niobe und die Niobiden*. Leipzig. 1863. Если на лицевой сторонѣ изображена Артемида, взирающая на дѣйствіе своего гибельнаго оружія, то на оборотной сторонѣ Берлинскій экземпляръ показываетъ ясное изображеніе смерти одной изъ дочерей Ніобы. Смертельно пораженная стрѣлою, пронзившею ея грудь, она падаетъ навзничь. Младшій братъ ищетъ защиты и убѣжища отъ грозящей ему гибели въ складкахъ широкой одежды сестры. Классическая древность была весьма богата разнообразными художественными произведеніями, изображавшими трагическую судьбу Ніобы и ея дѣтей. Въ Римѣ находилась знаменитая группа, вѣроятно перевезенная изъ Малой Азіи, о которой древніе знатоки спорили, не зная, которому изъ двухъ великихъ художниковъ современниковъ, Скопасу или Праксителю, ее приписать. Античная копія этой группы нынѣ составляетъ одно изъ главныхъ украшеній Музея Уффиций во Флоренціи. Но возводить къ этой группѣ все античныя изображенія судьбы Ніобы и ея дѣтей, вовсе не слѣдуетъ. На античныхъ саркофагахъ, вазахъ и терракотахъ лица этого мифа являются изображенными въ совершенно иныхъ положеніяхъ, чѣмъ въ знаменитой флорентійской группѣ. Недавно въ гробницахъ Керчи были найдены два ряда статуэтокъ, одни изъ гипса, другія изъ терракоты, изображающія смерть дѣтей Ніобы, которыя совершенно различествуютъ другъ отъ друга. Первыя изъ этихъ статуэтокъ по времени открытія были изданы въ Древностяхъ Босфора Киммерійскаго, изданіе Имп. Эрмитажа, 1854, табл. 79—81; вторыя въ атласѣ Отчета Императорской Археологической Комиссіи за 1863 годъ. На экземплярѣ древне-греческой монеты, нынѣ изданной г. Фридендеромъ, композиція пораженной стрѣлою дочери Ніобы не сходствуетъ ни съ одною изъ статуй Флорентійскаго музея и ни съ какимъ либо другимъ античнымъ воспроизведеніемъ этого мифа. Этотъ фактъ доказываетъ, что античные художники, не только второстепенные, но даже третьестепенные, хотя часто и заимствовали мотивы для своихъ произведеній у болѣе творческихъ геніевъ, но никогда не подражали рабски, а безконечно варьировали созданныя творческими геніями темы. Такъ и граверь описываемой нами монеты, съ необыкновеннымъ тактомъ, умѣлъ заключить свою композицію въ маломъ объемѣ, имѣвшемъ круглую форму монеты. Сюжетъ оборотной стороны монеты объясняетъ выжидающее положеніе Артемиды, находящейся на лицевой сторонѣ, превосходно выраженное. Авторъ приписываетъ эту монету городу Орхомонесу, въ Беотіи. На отношеніе Ніобы и ея дочери Хлориды къ Орхомонесу указалъ Штаркъ въ своемъ вышеупомянутомъ сочиненіи, на стр. 354. По этому одному примѣру можно судить, какое важное значеніе имѣетъ изученіе древне-греческой нумизматики для пониманія религіи, поэзіи и искусства самаго геніальнаго изъ народовъ древняго міра. Античная нумизматика имѣетъ высокій интересъ не только для специалистовъ, но и для вѣждато истинно-образованнаго человѣка. Вотъ почему мы считаемъ долгомъ постоянно обращать на этотъ отдѣлъ нумизматическихъ изданій вниманіе нашихъ читателей.

Исслѣдованію и описанію средневѣковыхъ и новѣйшихъ монетъ и медалей посвящены статьи гг. Данненбергера, Фоссберга, Дюйсбурга, Трахселя, Бергмана и Барона Б. В. фонъ-Кёне и двѣ постоянныя рубрики подъ заглавіями: *Neueste Currentmünzen und neueste Schaumünzen*. Въ нашемъ отечествѣ средневѣковая нумизматика народовъ Западной Европы имѣетъ преимущественно интересъ тогда, когда монеты этихъ народовъ встрѣчаются у насъ въ кладахъ или въ могилахъ. Тогда они указываютъ или на торговые пути въ древней Россіи, или служатъ для болѣе точнаго опредѣленія хронологіи гробницъ разныхъ мѣстностей. Изученіе этой вѣтви нумизматики можетъ быть также важно для исслѣдованія вліянія, которое могли имѣть типы этихъ монетъ на древне-русское монетное дѣло. Но, сколько намъ извѣстно, вопросъ этотъ еще вовсе не былъ поднятъ въ отечественной археологіи.

Болѣе непосредственный интересъ для русской науки имѣютъ статьи, касающіяся нумизматики византійской, славянскихъ народовъ и отечественной. Благодаря дѣятельному сотрудничеству извѣстнаго нашего нумизмата, Барона Б. В. фонъ-Кёне, Берлинскій журналъ очень богатъ статьями, относящимися къ двумъ послѣднимъ вѣтвямъ нумизматики. Ему принадлежатъ статьи объ монетахъ Рагузы (стр. 52), о сербскихъ гербахъ (стр. 57), о боснійскихъ и сербскихъ печатяхъ (стр. 67) и наконецъ—самое любопытное изъ всѣхъ исслѣдованій—описание медалей, жалованныхъ Петромъ Великимъ (стр. 260). Мы не входимъ въ разборъ этой статьи, потому что надѣемся представить ее читателямъ на страницахъ нашего изданія. Византійская нумизматика тѣсно связана съ древне-русскою и поэтому особый интересъ представляетъ статья г. Блау, который въ теченіе пяти лѣтъ жилъ въ званіи консула въ Трапезунтѣ. Она посвящена монетамъ, чеканеннымъ въ этомъ городѣ Комнинами (стр. 151—182). Трапезунтъ—мѣсто, куда нынѣ стекается еще много древнихъ монетъ и гдѣ поэтому собиратель въ нѣсколько лѣтъ можетъ себѣ составить весьма любопытную коллекцію. Авторъ говоритъ, что ему попадались въ руки древне-греческія монеты во множествѣ. Въ особенности замѣчательны были кладъ южно-италійскихъ монетъ (Кротона, Тарента и т. д.), привезенный съ черкесскаго берега Кавказа и завезенный на Кавказъ, вѣроятно, вслѣдствіе древне-колхидскихъ торговыхъ сношеній. Постоянно съ Кавказа же получаютъ варварскія подражанія монетамъ Александра Великаго, тоже чеканенныя изъ золота. Не менѣе часто встрѣчаются монеты понтійскихъ и босфорскихъ царей, особенно послѣднихъ временъ босфорскаго царства. Римскихъ монетъ множество; много и восточныхъ. Но пребываніемъ своимъ въ Трапезунтѣ авторъ воспользовался для составленія коллекціи, имѣющей чисто—мѣстный характеръ: онъ собралъ 57 монетъ, чеканенныхъ Комнинами въ Трапезунтѣ и это собраніе дало ему матеріалъ для настоящаго труда, во многомъ пополняющаго труды предыдущихъ исслѣдователей, каковы: Маршалъ, Пфафенгофенъ, Бартоломеи и Баронъ Б. В. фонъ-Кёне. Сверхъ того это собраніе составляетъ цѣлое, которое едва ли можно встрѣтить и въ большихъ мюнцъ-кабинетахъ Запад-

ной Европы. Сознвая его важность, генеральный директоръ Берлинскаго Музея, фонъ-Ольферсъ, приобрѣлъ его для подвѣдомственнаго ему учрежденія. Такимъ образомъ нынѣ Берлинскій Мюнцъ-Кабинетъ имѣетъ 118 серебряныхъ и 2 мѣдныхъ трапезунтскихъ монеты. Статья г. Блау есть капитальное приобретение для византійской нумизматики и нынѣ нельзя будетъ опредѣлить ни одного экземпляра монеты Комниновъ, чеканенныхъ въ Трапезунтѣ, не прибѣгая къ ея помощи.

Отдѣленіе Смѣси (Miscellen, стр. 81—97 и 285—300) посвящено описанію разныхъ новостей, каковы медали, ордена и флагъ недавно исчезнувшей Мексиканской монархіи, кладамъ монетъ, знаменитымъ коллекціямъ, новымъ нумизматическимъ обществамъ, ново-выходящимъ журналамъ и т. д. Здѣсь узнаемъ мы слѣдующій любопытный фактъ. Точно такъ, какъ существуетъ царица вазъ—знаменитая аѳинская ваза, украшенная рельефными фигурами, расписанными красками и мѣстами позолоченными, ваза изъ собранія Маркиза Кампаны въ Римѣ недавно перешедшая въ Императорскій Эрмитажъ, такъ точно нынѣ появилась и царица монетъ. Эта пьеса, единственная въ мірѣ, есть золотой статеръ, цѣнностью въ 20 статеровъ, Эвкратида, Царя Бактріи. На лицевой сторонѣ изображена его голова въ шлемѣ, на оборотной—Диоскуры на коняхъ. Говорятъ, что эта великолѣпная и прекрасно сохранившаяся монета найдена была какимъ-то крестьяниномъ на Востокѣ. Она приобретена для Парижскаго нумизматическаго Кабинета за 30,000 франковъ, цѣна, которую до сихъ поръ еще не платили ни за одну монету.

Послѣдній отдѣлъ Берлинскаго журнала составляетъ обзоръ новѣйшей литературы нумизматики (стр. 109—128 и 323—372). Онъ составленъ съ большою полнотою и представляетъ не одни заглавія замѣчательнѣйшихъ статей и сочиненій, появившихся на главнѣйшихъ европейскихъ языкахъ въ послѣднее время, но иногда и подробно и всегда весьма дѣльно мотивированныя объ нихъ мнѣнія. Большая часть этихъ рецензій написана Барономъ Б. В. фонъ-Кёне. Томъ украшенъ 12 хорошо литографированными таблицами монетъ и медалей.

2) *Annuaire de la Société française de Numismatique et d'Archéologie. Première année—1866.* Paris, au siège de la Société, 30, rue de Lille. 1866. большой in 8-о. 432 стр.

3) *Le même. Deuxième année—1867.* Paris. Au siège de la Société, 58, rue de l'Université. 1867. большой 8-о. 558 стр.

Французское Общество Нумизматики и Археологій (*Société française de Numismatique et d'Archéologie*) основано было въ Парижѣ только въ 1865 году, но идея основать подобное общество возникла во Франціи уже нѣсколько разъ. Еще въ 1836 г. Изамберъ въ печати заглавалъ о пользѣ подобнаго учрежденія. Странно, что эта мысль не получила немедленнаго осуществленія въ странѣ, воспримчивой въ дѣлѣ нововведеній. Въ то вре-

мя, какъ нумизматическія общества основывались въ Англіи, Бельгіи, Пруссіи, Австріи и даже Россіи, Франція не имѣла центра, соединяющаго любителей этой науки. Только въ 1864 году А. Виконтъ де Понтоиъ д' Америкуръ, Кольсонъ и Романъ дѣятельно принялись за осуществленіе этой мысли и, съ содѣйствіемъ многихъ лицъ, въ Апрѣлѣ слѣдующаго года положили основаніе тому прекрасному ученому обществу, котораго труды лежатъ теперь передъ нами, великолѣпно изданные въ двухъ томахъ, въ большую 8-ю долю листа, съ превосходными гравюрами и полиטיפажами. Общество рѣшилось издавать труды своихъ сочленовъ не въ формѣ журнала, но въ одномъ большомъ томѣ, выходящемъ однажды въ годъ, подъ заглавіемъ Ежегодника (Annuaire). Общество поставило себѣ цѣлью изучать преимущественно отечественную нумизматику. Поэтому неудивительно, если большинство статей, находящихся въ двухъ томахъ трудовъ Французскаго Нумизматическаго Общества, посвящено почти исключительно монетамъ галльскимъ и меровингскимъ, средневѣковымъ и новѣйшимъ французскимъ монетамъ. Ясно, что интересъ статей ученаго отдѣла этого изданія—чисто мѣстный и мы, указавъ на этотъ характеръ новаго органа французскихъ нумизматовъ, могли бы удовольствоваться общеою его характеристикой. Но сверхъ отдѣла ученыхъ изслѣдованій, въ этомъ изданіи есть два другихъ отдѣла, показывающихъ, что новое французское общество организовано столь превосходно, что эта организація можетъ послужить для насъ образцомъ при устройствѣ новыхъ специальныхъ ученыхъ обществъ или содѣйствовать къ болѣе успѣшной организаціи уже существующихъ. Вотъ почему мы укажемъ не только на интересныя для каждаго нумизмата статьи въ двухъ томахъ этого сборника, но и на составъ двухъ другихъ его отдѣленій.

Начало новаго Общества было весьма скромное. Оно помѣщалось въ тѣсной квартирѣ, но сочувствіе, которое оно встрѣчало, дало тотчасъ возможность перемѣстить Общество въ болѣе обширное помѣщеніе. Оно поставило себѣ цѣлью содѣйствовать развитію любви къ нумизматикѣ и археологіи не въ одномъ Парижѣ, но преимущественно въ многочисленныхъ департаментахъ Франціи. Лучшимъ для того средствомъ Общество сочло поощреніе собирателей мѣстныхъ монетъ во Франціи и сообщеніе всѣмъ любителямъ извѣстій обо всѣхъ открытіяхъ. Эти усилія вызвали на свѣтъ уже нѣсколько новыхъ собирателей, которыхъ розыски начали обогащать науку новыми фактами. Такимъ образомъ провинціальныя любители явились не только полезными сотрудниками, но и спасателями многихъ памятниковъ древности отъ разрушенія, вслѣдствіе невѣжества или корыстолюбія мѣстныхъ жителей. Такихъ сотрудниковъ Общество вознаграждаетъ преміями. Одною изъ главныхъ задачъ, которую поставило себѣ новое Общество, является составленіе нумизматической карты Франціи и на этой картѣ должны быть обозначены имена монетныхъ дворовъ галльскихъ, римскихъ, меровингскихъ, феодальныхъ и королевскихъ. Задача эта начинается частями уже осуществляться Обществомъ. Члены-корреспонденты и ученые общества, какъ въ провинціяхъ, такъ и

за границую, доставляютъ ему свѣдѣнія обовсѣхъ открытіяхъ. Центромъ сношеній и ученыхъ занятій сочленовъ является библіотека Общества, чисто спеціальная. Въ короткое время она получила значительные размѣры. Особо любопытною составною ея частью является собраніе 1200 портретовъ нумизматовъ. Къ этимъ портретамъ приложено множество рукописныхъ замѣтокъ, содержащихъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о поколѣніяхъ предшествовавшихъ намъ тружениковъ науки. Вокругъ этого центра, которому и новое помѣщеніе оказывается уже слишкомъ тѣснымъ, возникли самыя тѣсныя и дружественныя сношенія между нумизматами и археологами Франціи. Эту дѣятельность Общества еще болѣе оживило устройство чтеній (conférences), которыя начали уже появляться въ свѣтъ, какъ въ трудахъ Общества, такъ и отдѣльными книгами. На второй годъ существованія, въ Обществѣ родилась мысль—вызвать членовъ на выставку замѣчательнѣйшихъ предметовъ ихъ частныхъ собраній въ музеѣ Общества. Эти выставки познакомили ученыхъ съ множествомъ рѣдкихъ древностей, находящихся въ частныхъ рукахъ, въ коллекціяхъ малоизвѣстныхъ или малодоступныхъ. Обзоръ и отчету этой-то дѣятельности Общества посвященъ первый отдѣлъ сборника: Составъ и организація Общества. Вотъ оглавленіе статей въ немъ помѣщенныхъ. Въ первомъ Ежегодникѣ: Составъ правленія Общества; уставъ Общества, состоящій только изъ 12 §§; списки дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-корреспондентовъ; списокъ ученыхъ учреждений, съ которыми Общество находится въ корреспонденціи; мѣстопробываніе и дни засѣданій Общества (два въ мѣсяць); программы конкурсовъ, объявленныхъ Обществомъ; отчетъ Секретаря, читанный въ засѣданіи 5-го Января 1866 года и, наконецъ, списокъ сотрудниковъ, помѣстившихъ свои статьи въ первомъ томѣ. Во второмъ повторены, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, по мѣрѣ развитія дѣятельности Общества, всѣ названныя статьи этого отдѣла, но къ нимъ сдѣланы еще слѣдующія прибавленія. Къ общему отчету Секретаря присоединены отчеты хранителей медалей, эстамповъ и библіотеки о приращеніяхъ находящихся подъ ихъ завѣдываніемъ коллекцій. Присоединенъ даже полный списокъ книгъ, принесенныхъ въ даръ Обществу. Къ списку членовъ въ провинціяхъ присоединены имена собирателей, живущихъ въ разныхъ департаментахъ Франціи. Къ списку сотрудниковъ прибавлены списки именъ художниковъ и мастеровыхъ, участвовавшихъ своими трудами въ изданіи втораго тома. Научный интересъ имѣетъ оглавленіе чтеній (conférences), происходившихъ въ теченіи втораго года существованія Общества, и отчетъ объ нихъ, потому что эти двѣ статьи знакомятъ насъ съ новыми трудами французскихъ ученыхъ, которые должны вскорѣ появиться въ свѣтъ. Предметомъ чтеній были какъ нумизматика, такъ и археологія. Такъ извѣстный у насъ знатокъ византійской нумизматики Сабатье читалъ объ римскомъ асѣ и статью о различныхъ племенахъ, обитающихъ въ Кавказской губерніи: Татаряхъ, Башкирахъ, Черемисахъ, Вотякахъ, Чувакахъ и Мордвинахъ. Жакъ де-Руже читалъ объ исторіи искусства въ Египтѣ. Одно изъ чтеній вызвало горячія пренія о древности обработки желѣза и повело къ

г-ну де Руже заявить слѣдующій интересный фактъ для исторіи металлургіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ каменныхъ блоковъ египетскихъ пирамидъ найденъ былъ вбитый, но сломанный желѣзный клинъ. Вѣроятно, онъ былъ изготовленъ за 3000 лѣтъ до Р. Х. Г. Піо читалъ объ употребленіи руническихъ письменъ во Франціи до XVI вѣка. Это разнообразіе чтеній побудило Общество раздѣлиться на нѣсколько отдѣленій, имѣющихъ каждое своего предсѣдателя, вице-президента и секретаря. Эти новыя секціи суть: сигиллографія и геральдика, этнографія, филологія, историческая географія, эпиграфія, исторія искусства, керамика и библиографія. Образование различныхъ отдѣленій весьма понятно въ Обществѣ, имѣющемъ 156 действительныхъ и 288 членовъ-корреспондентовъ.

Въ отдѣлѣ Исслѣдованій перваго тома для русскихъ ученыхъ особый интересъ представляютъ слѣдующія статьи: Г. Мюрэ описалъ характеристическія черты, различающія монеты греческихъ городовъ, носящихъ тождественныя имена (E. Muret, *Villes grecques homonymes; caractères distinctifs de leurs monnaies. Vol. I. pag. 34—60*). Это описаніе имѣетъ преимущественную важность въ практикѣ, при классификаціи греческихъ монетъ. Въ древнемъ мірѣ существовало много городовъ, носившихъ одно и то же имя. Такъ напр. городовъ съ именемъ Аполлонія существовало 10, Аргоса—5, Кесарей—8, Гераклея—11, Гіераполиса—5 и т. д. Городовъ, носившихъ имя Антиохіи, считаютъ даже 13. Существовали Антиохіи на Меандрѣ, на Ефратѣ, на Оронтѣ, Антиохіи въ Пизидіѣ и Киликіи, въ Птолемаидѣ и Коммагенѣ и т. д. Встрѣчая монеты съ тождественными именами городовъ, становится, благодаря труду Г. Мюрэ, легко отнести ихъ тому или другому городу. По поводу нѣсколькихъ неизданныхъ римскихъ медалей, г. Сабатье, въ прекрасной статьѣ (томъ I, стр. 61—99) сообщилъ три интересныхъ ученыхъ экскурса: первый—о разнообразномъ назначеніи или употребленіи тессеръ у Римлянъ, которыхъ существовало 11 родовъ; второй—по поводу бронзовой медали Антиноя, на которой изображена пантера—о травлѣ звѣрей въ циркахъ и третій—обзоръ золотыхъ монетъ, находящихся въ разныхъ собраніяхъ. Тотъ же ученый нумизматъ напечаталъ въ II томѣ (стр. 127) статью о римскихъ бронзовыхъ монетахъ, очень небольшихъ размѣровъ и съ весьма разнообразными типами, появившихся со временъ Константина Великаго. Наконецъ одна изъ лучшихъ статей этого отдѣла принадлежитъ перу Ж. Романа. Она излагаетъ военную организацію Римской Имперіи. Въ ней исчислены легіоны римской арміи по историкамъ и монетамъ.

Прочія многочисленныя статьи втораго отдѣла, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ томѣ, посвящены, почти исключительно, отечественной нумизматикѣ, въ томъ объемѣ, какъ это указано выше. Онѣ принадлежатъ писателямъ, изъ которыхъ иные пользуются большою извѣстностью въ этой области, какъ напр. Г. Де Сольси въ дѣлѣ Галльской нумизматики; другіе сотрудники, повидимому, впервые выступаютъ съ своими литературными трудами. Изъ статей, посвященныхъ французской нумизматикѣ, достойна

замѣчанія статья председателя Общества Виконта де Понтонъ д' Амекура (томъ I, стр. 110). Онъ показываетъ, что Бургундскіе Короли чеканили монеты по типу византійскихъ монетъ и даже съ портретами современныхъ имъ византійскихъ Императоровъ. Такъ на монетахъ Гондебо находится портретъ современнаго ему византійскаго Императора Анастасія, монограммы самага Гондебо и начальныя буквы города Ліона, ему принадлежавшаго. Любопытно было бы сдѣлать предметомъ особой монографіи вліяніе византійскихъ монетъ на древне-русскую нумизматику. Къ этому же отдѣлу во второмъ томѣ прибавлена весьма обширная корреспонденція, относящаяся преимущественно къ французской нумизматикѣ.

Въ тѣсной связи съ первымъ отдѣломъ этого изданія находится третій, носящій заглавіе: Хроника, потому что онъ есть результатъ замѣчательной дѣятельности общества, основанной на непрерывныхъ сношеніяхъ не только съ различными собирателями древностей, но и съ множествомъ ученыхъ обществъ и музеевъ Франціи. Въ извѣстномъ смыслѣ этотъ отдѣлъ указываетъ на то, къ чему должна стремиться дѣятельность нашихъ археологическихъ обществъ. Въ этомъ отдѣлѣ перваго тома помѣщены слѣдующія статьи, которыхъ заглавіе указываетъ на ихъ содержаніе: Хроника нумизматическихъ и археологическихъ открытій въ 1865 году, по департаментамъ Франціи расположенная, къ которой присоединены извѣстія и о заграничныхъ находкахъ, впрочемъ не отличающіяся особо полнотою; продажи монетъ и цѣлыхъ собраній, съ указаніемъ на рѣдкіе экземпляры и цѣны, за нихъ уплаченныя; статистика археологическихъ и нумизматическихъ музеевъ Франціи, съ обозначеніемъ имени хранителя, исторіи каждаго учрежденія, съ характеристикой замѣчательнѣйшихъ предметовъ, обозначеніемъ числа монетъ, составныхъ частей каждаго музея и т. д. Это одна изъ любопытнѣйшихъ статей этого изданія, которая сама современемъ можетъ принять размѣры огромнаго труда. За тѣмъ слѣдуютъ: взглядъ на положеніе, развитіе и стремленіе частныхъ коллекцій; списокъ иностранныхъ археологическихъ и нумизматическихъ обществъ, торговля древними монетами въ Парижѣ, о которой авторъ отзывается съ величайшею похвалою относительно честности продавцевъ; списки выходящихъ періодическихъ изданій и сочиненій, или заявленныхъ и издаваемыхъ въ настоящее время, но еще неоконченныхъ; конкурсы, объявленные во Франціи; программа исторіи труда на Парижской выставкѣ 1867 года; некрологи нумизматовъ, въ числѣ которыхъ главное мѣсто занимаетъ біографія извѣстнаго Герцога де Блакаса; общая бібліографія за 1864 и 1865 года и бібліографія меровингскихъ монетъ. Заключительную статью составляетъ бібліографическій списокъ сочиненій членовъ Общества.

Эти же статьи отдѣла Хроники продолжаются подъ тѣми же заглавіями, и во второмъ томѣ Трудовъ Общества. Но къ нимъ присоединены еще слѣдующія статьи: французскія монеты и медали въ 1866 году; приращенія разныхъ коллекцій и музеевъ, гдѣ подробно описаны приращенія Лувра и коллекція

Герцога Блакаса; нумизматика на Парижской выставкѣ 1867 года; описаніе новаго музея Парана и статья о граверѣ Баррѣ.

Каждый томъ этого превосходнаго изданія, съ которымъ мы старались познакомить нашихъ читателей, оканчивается очень подробно составленнымъ индексомъ собственныхъ именъ. Наконецъ къ первому тому приложенъ портретъ Герцога де Блакаса и XI гравированныхъ таблицъ съ монетами, а ко второму—медальонный портретъ гравера Баррѣ, исполненный по превосходному рисунку знаменитаго живописца Поля Делароша и XIX таблицъ. Сверхъ того въ текстѣ много политипажей. Нечего прибавлять, что всѣ эти художественныя приложенія отлично исполнены. Относительно формата, бумаги и печати изданіе безукоризненно хорошо.

4. *Revue numismatique, publiée par I. de Witte et Adrien de Longpérier. Nouvelle série. Tome onzième. Paris. 1866. 8-^o, 483 стр.*

5. *Le même ouvrage. Nouvelle série. Tome douzième. Paris. 1867. 8-^o 503 стр.*

Если предыдущее изданіе почти исключительно посвящено было французской нумизматикѣ, то превосходный журналъ, издаваемый гг. Лонперье и де-Витте, равно посвященъ изслѣдованіямъ какъ нумизматики древне-греческой, римской и византійской, такъ и монетамъ средневѣковымъ и народовъ новѣйшихъ временъ. Съ безпристрастіемъ истинныхъ ученыхъ даютъ они мѣсто въ своемъ изданіи каждой вѣтви нумизматической науки и только статьи спорятъ между собой о преимуществѣ въ научныхъ достоинствахъ. Въ двухъ нынѣ вполне оконченныхъ томахъ этого изданія за 1866 и 1867 годы для русскихъ читателей въ особенности достойны замѣчанія слѣдующія статьи, по большей части принадлежащія перу извѣстныхъ ученыхъ. Начнемъ нашъ обзоръ съ греческой нумизматики. Древніе писатели и надписи иногда упоминаютъ о нѣкоторыхъ монетахъ, извѣстныхъ подъ особымъ названіемъ: Александровы статеры, совы, цистофоры, креиды, кизикены, дарики; филологи и эпиграфисты, встрѣчая подобныя выраженія, какъ: *γλαῦκες*, *κιστοφόροι*, *κρηικηνοὶ στατήρες*, могутъ найти подробныя объясненія этихъ наименованій въ прекрасной по изложенію статьѣ Ленормана: *De quelques espèces de monnaies grecques, mentionnées dans les auteurs anciens et dans les inscriptions* (1867, стр. 179—188, 343—363). Для занимающихся нашими босфорскими древностями специальный интересъ имѣетъ все то, что говоритъ авторъ о золотыхъ статерахъ города Кизика. Кизикенскіе купцы покупали золото въ Пантикапееѣ, куда стекались продукты Уральскихъ рудниковъ. При этихъ оборотахъ они достигли богатства, котораго слѣды видны были въ городѣ статеровъ еще во времена Римлянъ, нѣсколько столѣтій послѣ того, какъ Кизикъ пересталъ чеканить свою золотую монету. Превосходство гиперборейскаго золота доставило необыкновенно обширную циркуляцію золотымъ статерамъ Кизика и авторъ подробно и весьма ясно излагаетъ въ чемъ состояли выгоды этой монетной операци. Еще большій интересъ для нашихъ ученыхъ, занимающихся ну-

мизматикою, имѣетъ статья извѣстнаго ученаго академика Г. Ваддингтона: *Sur la chronologie des rois du Pont et du Bosphore et des princes d'Olba* (1866, стр. 417—441). Статья эта возникла по слѣдующему поводу. Въ 1865 году молодой нѣмецкій ученый, Альфредъ фонъ-Саллетъ, ученикъ знаменитаго Моммсена, защищалъ въ Берлинскомъ Университетѣ диссертацию на степень доктора философіи подъ заглавіемъ: *De Asandro et Polemone, Cimmerii Bosphori regibus quaestiones chronologicae et numismaticae* (Berolini. Schade). Такъ какъ этотъ трудъ, къ которому не безучастно отнесся славный историкъ Римскаго монетнаго дѣла, обратилъ на себя вниманіе ученаго міра, то авторъ въ слѣдующемъ году издалъ его въ болѣе обширномъ объемѣ на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Beiträge zur Geschichte und Numismatik der Könige des Cimmerischen Bosphorus und des Pontus von der Schlacht bei Zela bis zur Abdankung Polemo II.* Berlin. Weidmann. Изслѣдованіе г. Саллета было вызвано хронологическими и нумизматическими неточностями, встрѣчающимися при описаніи монетъ босфорскихъ царей Асандра и Полемона въ большомъ сочиненіи Барона Б. В. фонъ-Кёне: *Description du musée de feu le prince Kotchoubey.* Баронъ Б. В. фонъ-Кёне, въ защиту написалъ замѣтку, напечатанную въ 9 выпускѣ журнала: *Berliner Blätter für Münzkunde.* Г. фонъ-Саллетъ отвѣчалъ ему въ 10-мъ выпускѣ того же журнала, стр. 95. (Berlin. 1867. X Heft oder vierten Bandes erstes Heft). Французскій ученый, отдавая полную справедливость точности изслѣдованій критическому методу молодаго нѣмецкаго писателя и раздѣляя почти всѣ его воззрѣнія на спорные пункты хронологіи вышеозначенныхъ царей, въ другихъ вопросахъ тѣмъ не менѣе отдаетъ предпочтеніе системѣ г. фонъ-Кёне. Но и его собственныя воззрѣнія на спорные пункты этого вопроса суть новое обогащеніе для науки нашего Босфора Киммерійскаго. Нельзя не радоваться, что нумизматика этой страны, послѣ славныхъ трудовъ Кёлера, находитъ столь замѣчательныхъ дѣятелей, каковы выше названные ученые. Въ кабинетахъ нѣкоторыхъ любителей, живущихъ въ Южной Россіи, говорятъ, въ послѣднее время появились новыя босфорскія монеты, которыя прольютъ новый свѣтъ на исторію греческихъ колоній Босфора Киммерійскаго, если будутъ описаны учеными нумизматами.

Прочія статьи, касающіяся древне-греческой нумизматики, или описываютъ новооткрытыя монеты, или исправляютъ разныя ошибки, вкравшіяся при неточномъ образѣ опредѣленія монетъ. Такъ директоръ нумизматическаго кабинета при Императорской публичной библіотекѣ въ Парижѣ, Шабульэ, описываетъ золотой медальонъ бактрійскаго царя Евкратида, о которомъ мы упоминали выше (1867. стр. 382—415); Антонио Салинасъ — кладъ серебряныхъ монетъ очень малаго размѣра, открытый въ Сициліи (1867, стр. 335—342); Фр. Ленорманъ говоритъ о монетахъ Коринры и Коринноа (1866, стр. 149, стр. 73); Г. Бонпуа подробно занимается монетами, на которыхъ изображенъ такъ наз. македонскій щитъ. Къ числу замѣчательныхъ приобрѣтеній науки принадлежитъ наконецъ статья г. Ваддингтона: *Numismatique et chronologie des rois de la Characène* (1866, стр. 303—323).

Два изслѣдованія посвящены финикійской и карфагенской нумизматикѣ. Первое изъ нихъ написано знатокомъ финикійской и еврейской древности и палеографіи, Графомъ де Вогюэ: *Monnaies des rois phéniciens de Citium* (1867, стр. 364—381); второе г. Жюдасъ: *Sur divers médaillons d'argent, attribués soit à Carthage, soit à Panorme ou aux armées puniques en Sicile* (1866, стр. 21—32).

Въ отдѣлѣ римской нумизматики, мы, неговоря о статьяхъ небольшого размѣра, встрѣчаемъ два важныя изслѣдованія. Г. Лонперье обратилъ вниманіе на монетные дворы при Діоклитіанѣ (1866, стр. 156—164); г. Ваддингтонъ на портреты проконсуловъ Азіи и Африки на монетахъ (1867, стр. 102—126).

Послѣ древне-греческой и римской нумизматики, вторымъ важнымъ отдѣломъ для нашихъ читателей составляютъ статьи, посвященныя нумизматикѣ древне-христіанскихъ временъ и византійской Имперіи. Когда начали появляться знаки Христіанства на монетахъ, т. е. изображенія креста или другихъ символовъ новаго ученія? Этотъ вопросъ поднять былъ знаменитымъ италіанскимъ ученымъ Каведони въ его *Richerche critiche alle Medaglie di Constantino Magno e di suoi figliuoli insignite di tipi e di simboli cristiani*. Модена, 1858 г. Ему возражалъ въ обширномъ изслѣдованіи, подъ заглавіемъ: *Numismatica Constantiniana* ученый Римскій іезуитъ Падре Гаруччи, которое составляетъ приложеніе къ его извѣстному труду: *Vetri ornati di figure in oro*. Во второмъ изданіи этого сочиненія, Гаруччи возобновилъ еще съ большею силою свои нападенія (*edizione seconda. Roma. 1864 4-o, con atlante in folio*). Это побудило скромнаго и миролюбиваго моденскаго аббата подвергнуть мнѣнія Гаруччи строгой критикѣ, къ чему его побуждалъ и знаменитый археологъ Д. Б. де Росси, тоже неоставленный безъ замѣчаній ученымъ іезуитомъ. Каведони напечаталъ свою критику въ журналѣ профессора Оливіери: *Rivista della Numismatica antica e moderna. Fasc. II Asti. 1864*. Дальнѣйшія разысканія по этому вопросу дозволили Каведони пополнить свои воззрѣнія еще въ двухъ статьяхъ, которыя, подъ заглавіями: „*Nuove ricerche critiche intorno alle medaglie Constantiniane insignite dell' effigie della croce*“ и „*Appendice alle ricerche critiche etc*“ были напечатаны въ IV и V томахъ выходящаго въ Моденѣ журнала: *Opuscoli Religiosi, Letterari e Morali*. Вѣроятно, чтобы познакомить съ этимъ вопросомъ французскихъ ученыхъ и перенести ученое преніе на почву Франціи, Гаруччи рѣшился изложить свое воззрѣніе въ статьѣ, напечатанной въ журналѣ Ад. де Лонперье и де Витте, подъ заглавіемъ: *Des signes du christianisme qui se trouvent sur les monnaies de Constantin et de ses fils, avant et après la mort de Licinius* (1866, стр. 78—110). Мы нарочно собрали литературу этого вопроса для желающихъ съ нимъ познакомиться.

Нѣсколько прекрасныхъ изслѣдованій посвящены византійской нумизматикѣ. Таковы: замѣтка о буквахъ ОВ., встрѣчающаяся на византійскихъ монетахъ, переведенная съ нѣмецкаго оригинала Д-ра Фридендера (1866, стр. 33—42); Э. Миллера—описаніе византійскихъ печатей, находящихся

въ собраніи Барона Б. В. фонъ Кёне и другихъ коллекціяхъ (1867 стр. 516—434). Къ интереснѣйшимъ статьямъ этого отдѣла принадлежитъ описаніе одной неизданной серебряной монеты, которую воспитанникъ французской школы въ Аѣинахъ, Альберъ Дюмонъ открылъ въ собраніи турецкаго посланника въ Греціи, Фотіадесъ Бея (1867, стр. 195—200). На одной сторонѣ ея изображена Пресвятая Богородица, на другой Спаситель, во весь ростъ, правою рукою благословляющій, а въ лѣвой держащій Евангеліе. По обѣимъ сторонамъ Спасителя находится слѣдующая надпись, расположенная столбцомъ $\overline{\Gamma\Xi}$ $\overline{\chi\sigma}$ $\overline{\omicron}$ $\overline{\chi\alpha\lambda\kappa\eta\tau\eta\varsigma}$.

Основываясь на византійскихъ писателяхъ, авторъ доказываетъ, что изображеніе этой монеты передаетъ намъ знаменитую въ византійской исторіи мозаичную икону, находившуюся надъ воротами того зданія императорскихъ двор-

цовъ въ Византіи, которое носило названіе ХАЛКН, отъ бронзовой крыши, его покрывавшей. Исключая иконы Влахернской Божіей Матери, изображенной на одной прекрасной серебряной монетѣ Константина Мономаха, хранящейся въ Кабинетѣ медалей въ Парижѣ, новооткрытая монета есть единственная, воспроизводящая византійскую икону, высоко чтимую. Въ противоположность Римлянамъ, Византійцы весьма рѣдко изображали на своихъ монетахъ зданія или знаменитые памятники искусства. Такъ какъ икона Халкейскаго Спасителя была разрушена иконоборцами, то тѣмъ интереснѣе монета, передающая намъ память объ этой святынѣ. Правда, это изображеніе носитъ на себѣ характеръ глубокаго упадка искусства, но оно важно, какъ воспоминаніе объ иконѣ высокочтимой въ Константинополѣ, съ основанія города до XIII вѣка. Такъ изученіе нумизматики проливаетъ неожиданный свѣтъ на всѣ вѣтви наукъ.

Мы не станемъ исчислять статей по другимъ вѣтвямъ нумизматической науки, хотя въ нихъ встрѣчается много отличныхъ изслѣдованій, каковы напр. письма г. Сольси о галльской нумизматикѣ (въ обоихъ томахъ) или введеніе въ науку о жетонахъ, г-на д' Аффри де ла Моннэ (1867, стр. 61—75, 145,—154, 275—289). Особые отдѣлы посвящены нумизматической библиографіи, хроникѣ и некрологіи извѣстныхъ нумизматовъ. Сверхъ того каждый томъ украшенъ хорошими полиטיפажами и таблицами съ изображеніями монетъ, хотя изданіе и не отличается внѣшнею типографскою роскошью.

К. ГѢРЦЪ.

Церковное пѣніе въ Россіи. Опытъ историко-техническаго изложенія профессора консерваторіи Д. Разумовскаго, М. 1867—68, 2 выпуска.

Изъ всѣхъ отраслей науки о древности, музыкальная археологія является на Руси младшею по времени научнаго упроченія. Лишь весьма недавно обращено было серьезное вниманіе на разъясненіе и описаніе остатковъ древняго церковнаго пѣнія нашего, на отысканіе ключа къ крюковой теоріи и сравненіе ея съ основами новѣйшей техники и терминологіи, на разъясненіе взаимодѣйствія церковно-народной пѣсни различныхъ славянскихъ народовъ и кореннаго русскаго распѣва, на изученіе замѣчательныхъ со многихъ сторонъ теоретическихъ руководствъ, сбереженныхъ нѣкоторыми книгохранилищами, частными собраніями, монастырскими библіотеками. Несмотря на скромное количество произведенныхъ доселѣ работъ, уже теперь, въ общихъ очертаніяхъ, обрисовываются результаты, которыхъ русская музыка вправе ожидать отъ изученія ея старины. Кромѣ чисто-археологическаго матеріала, обнаруживается постепенно масса данныхъ, разъясняющихъ [благодаря связи, соединявшей встарину церковное искусство съ безыскусственнымъ пѣсеннымъ творчествомъ народа] многіе спорные вопросы относительно искомаго еще установленія техники національной школы русской музыки, обнаруживаются начала, требующія искусстваго приложенія къ новѣйшей музыкѣ, къ новѣйшей теоріи; наконецъ возстаетъ стройная и оригинальная русская терминологія, несправедливо забытая и во многихъ частностяхъ достойная возрожденія.

Какъ духовный, набожный элементъ, въ слѣдствіе ряда историческихъ условій, служилъ въ теченіи вѣковъ преобладающимъ мотивомъ старой нашей литературы, такъ въ сферѣ музыки, вплоть до второй четверти минувшаго столѣтія музыка церковная, и именно, по самому уставу православной церкви, лишь церковное пѣніе, возникшее частью на народной пѣсенной основѣ, частью воспитавшееся на заимствованіяхъ изъ чуждыхъ источниковъ, служило на Руси единственнымъ представителемъ музыки искусственной. Эта-то своеобразная амальгама родныхъ и пришлыхъ пѣсенныхъ началъ, укоренившаяся въ народѣ и усвоенная имъ послѣ много-вѣковаго употребленія въ храмѣ, естественно образуетъ исходную точку, отъ которой расходятся всѣ работы по русской музыкальной археологіи.— Какъ повсюду въ нашей молодой наукѣ, первыя изслѣдованія въ разсматриваемой области были производимы людьми мало подготовленными, часто дилетантами, у которыхъ любовь къ предмету искупала отсутствіе точныхъ знаній; духовныя лица при этомъ нерѣдко углублялись въ распознаваніе и классификацію напѣвовъ, исключительно съ литургической точки зрѣнія; люди свѣтской науки, но не-музыканты, нерѣдко останавливались на се-меіографическихъ особенностяхъ нотныхъ рукописей или на обрисовкѣ біографій и характеристикъ пѣвцовъ и „мастеровъ“ стараго времени, опускаая изъ

виду вопросы теоретическіе. Тѣмъ не менѣе, помимо подобныхъ недосмотровъ и односторонности, каждый усиленно содѣйствовалъ разъясненію спорныхъ вопросовъ, въ трудахъ каждаго изслѣдователя старой музыки разсыяны порой важныя указанія, догадки, соображенія, отмѣчены замѣчательные факты.—Теперь, когда пришла пора смѣны дилетантскаго направленія направленіемъ строго-ученымъ, первымъ дѣломъ новой школы долженъ быть добросовѣстный сводъ всѣхъ результатовъ, данныхъ по сю пору предшествующими трудами, всѣхъ фактовъ и указаній, безсвязно разбросанныхъ въ нихъ и потому оставшихся безъ всякаго вліянія на развитіе науки. Во всѣхъ отрасляхъ человѣческихъ знаній полезны подобныя періодическіе обзоры, подобныя отчеты о всѣмъ, сдѣланномъ наукой за извѣстное время. Въ изслѣдованіи же русской музыкальной старины такой сводъ является положительною необходимостью.

Такой полезной цѣли посвящено сочиненіе, заглавіе коего выписано выше. Съ рѣдкой добросовѣстностью авторъ прямо указываетъ на эту цѣль, скромную, но богатую послѣдствіями. Въ предисловіи къ труду своему онъ говоритъ: „отъ изданія: Церковное пѣніе въ Россіи нельзя ожидать: 1) окончательныхъ сужденій о церковномъ пѣніи и 2) многихъ подробностей, относящихся къ исторіи его.“ Дѣйствительно, невозможно еще и думать объ окончательныхъ выводахъ въ наукѣ, еще не сложившейся, гдѣ матеріалъ лишь подготавливается, собирается. Нужно пока искусно собирать его, группировать, обобщать разрозненное.—Описываемый трудъ имѣетъ кромѣ того и педагогическое значеніе, какъ руководство для учениковъ Московской Консерваторіи при изученіи исторіи церковнаго пѣнія. Эта особенность наложила на автора новыя, обязательныя условія; на ряду съ научными положеніями, приходилось дѣлать отступленія въ видахъ общедоступнаго разъясненія предмета для слушателей, заботиться о популярности изложенія. Послѣднее условіе не всегда выполнено авторомъ, слогъ котораго нерѣдко тяжелъ и выраженія не вполне ясны; но въ общемъ сочиненіе его представляетъ учащемуся полный обзоръ судебъ церковнаго пѣнія изстари и до новѣйшей школы современныхъ намъ композиторовъ. Знакомя первоначально съ богослужбнымъ пѣніемъ древне-христіанской церкви, авторъ переходитъ къ началу церковной музыки на Руси и, отмѣтивъ главнѣйшія составныя стихіи его, пѣніе греческое, славянское [сербское, болгарское] и коренное русское, народное, характеризуетъ главнѣйшіе моменты его исторіи, главнѣйшихъ его дѣятелей, очерчиваетъ господствовавшую въ немъ нотную систему и, дойдя до борьбы крюковой теоріи съ пѣніемъ партеснымъ, линейнымъ, заканчиваетъ трудъ свой сравнительно болѣе бѣглымъ обзоромъ исторіи партеснаго пѣнія вплоть до нашихъ дней. Фактическое изложеніе сопровождается многочисленными примѣрами, которые, по рѣдкости и неизвѣстности многихъ рукописей и затрудненію въ печатаніи крюковыхъ знаковъ, дѣлаютъ съ этой стороны изданіе роскошнымъ. Въ отдѣлѣ, посвященномъ новому искусству, изданы впервые нѣкоторые любопытныя произведенія, какъ напр. тріо: Да исправится М. И. Глинки.

Въ своемъ трудѣ,—первомъ опытѣ систематическаго изложенія крюковой теоріи и гармоническихъ началъ народно-церковной музыки, авторъ неминуемо долженъ былъ встрѣтить затрудненіе въ отношеніи къ терминологіи, которую ему предстояло избрать. Къ сожалѣнію, слишкомъ извѣстно, что терминологія, употребляемая въ русскомъ музыкальномъ мірѣ, есть чудовищное смѣшеніе немногихъ русскихъ названій съ нѣмецкими и итальянскими, къ которымъ нерѣдко придѣланы не съ особеннымъ умѣньемъ русскія окончанія. Археологическое изученіе церковнаго пѣнія поставило изслѣдователей лицомъ къ лицу съ особой исключительно-русской номенклатурой; по этому естественно, что нашъ авторъ прибѣгнулъ при изложеніи теоретической части своего труда къ воскрешенію забытыхъ терминовъ, извлеченныхъ изъ древнихъ музыкальныхъ руководствъ. Какъ ни похвально это смѣлое нововведеніе, оно совмѣщаетъ въ себѣ на первое время съ очевидной пользой и многія неудобства; слова: распѣвъ, напѣвъ, запѣвъ, трезвучіе, тріестествогласіе, гласъ, гласица, погласица и т. д. могутъ быть съ пользой возрождены, но не усиліями отдѣльнаго лица, устанавливающаго по своему усмотрѣнію соотвѣтствіе стараго термина съ новѣйшимъ техническимъ правиломъ, а совокупнымъ рѣшеніемъ экспертовъ, по общему и строго обдуманному соглашенію. Неудобства, возбуждаемая разрозненностью отдѣльныхъ усилій и неясно сознанию классификаціею понятій обнаружены были недавно появившимся популярнымъ руководствомъ къ музыкѣ, гдѣ авторъ, прибѣгая также къ помощи старой терминологіи, на нѣсколькихъ послѣдовательныхъ страницахъ прилагаетъ различныя названія однимъ и тѣмъ же предметамъ или придаетъ одно наименованіе явленіямъ разнороднымъ. Подобныя недосмотры неизбежны, доколѣ не будутъ устранены точнымъ разсмотрѣніемъ всего наличнаго аппарата терминологіи, сличеніемъ и выборкой всего пригоднаго, отбросомъ всего отжившаго и дополненіемъ новыми словами, сообразно коренымъ законамъ живаго русскаго языка. Предстоящему археологическому съѣзду было бы легко дать по крайней мѣрѣ толчокъ дѣятельной работѣ въ этомъ направленіи.

Возвращаясь къ труду о. Разумовскаго, мы укажемъ на нѣкоторые пробѣлы или недосмотры въ немъ.—Остается еще спорнымъ вопросомъ, дѣйствительно ли древнее пѣніе христіанской церкви въ Палестинѣ было основано на началахъ греческой музыкальной теоріи. Не вѣрнѣе-ли предположить, что въ первоначальной церкви, управляемой апостолами, людьми изъ народа, слышались простые, безыскусственные народные еврейскіе напѣвы?—Догадкѣ объ изобрѣтеніи русскими пѣвцами пятилинейной нотной системы врядъ ли можно дать много вѣры; страсть приписывать себѣ изобрѣтеніе чудеснаго способа графически изображать безтѣлесные звуки, мотивъ, общій во всѣ времена музыкантамъ разныхъ странъ; стоитъ при-слушаться къ разнообразнымъ свидѣтельствамъ касательно начала крюковой теоріи, честь введенія которой присвоивается одновременно различными странами; стоитъ сравнить съ этимъ убѣжденіе, нѣкогда господствовавшее,

будто бы и столповой роспѣвъ былъ „изложенъ нѣкоими премудрыми русскими риторами.“—Несмотря на собранныя авторомъ доказательства, впрочемъ болѣе гадательныя, чѣмъ фактическія, о томъ, что слова лѣтописца о „трисоставномъ сладкогласованіи“ въ пѣніи, занесенномъ въ древнюю Русь тремя греческими пѣвцами при Ярославѣ Первомъ, означаютъ, что пѣніе это опиралось на три различныя мелодическія системы,—мы предпочитаемъ остаться при убѣжденіи, что трисоставность пѣнія имѣетъ нѣчто общее съ числомъ трехъ пѣвцовъ греческихъ, что отрицается авторомъ (стр. 103).—Разъясненію вліянія славянскаго церковнаго пѣнія на наше русское, вліянія, безспорно громаднаго и недостаточно оцѣненнаго, посвящено слишкомъ мало мѣста. Болгарскій роспѣвъ, водворившійся въ Россіи съ незапамятныхъ временъ, имѣлъ право на большее вниманіе. Впрочемъ, малочисленность работъ по этой части и недоступность матеріаловъ оправдываютъ отчасти это упущеніе. Отъ музыкальнаго движенія, возбужденнаго въ Сербіи безвременно умершимъ Корнелиемъ Станковичемъ, наука вправдѣ ожидать обнаруженія многихъ драгоценностей стараго славянскаго церковнаго искусства, скрывающихся и забытыхъ въ дремлющемъ строѣ сербской жизни.—Неточность и сбивчивость выраженія, замѣченная уже нами, можетъ нерѣдко привести къ заблужденію; такъ напр. не совсѣмъ понятно, о какомъ „хроматическомъ родѣ“ говорится на стр. 9, употреблявшемся христіанами Александрійской церкви до временъ Климента?—Фраза о „благоустроеніи чинопослѣдованія церкви“ можетъ быть отнесена къ тому же разряду недосмотровъ.—Переходя къ историческому обзору партеснаго пѣнія, хотя выходящему уже изъ предѣловъ археологическаго изученія, посѣтуемъ на сравнительную бѣглость его, на нѣсколько штриховъ, брошенныхъ для обрисовки примѣчательнаго періода въ исторіи русскаго церковнаго пѣнія, когда на него возымѣла вліяніе цѣлая фаланга иностранныхъ первоклассныхъ композиторовъ, привлеченныхъ въ Россію петербургскимъ дворомъ, композиторовъ, создавшихъ множество произведеній, предназначенныхъ для исполненія въ православныхъ храмахъ.

Несмотря на немногіе подобныя пропуски или недомолвки, трудъ о. Разумовскаго остается явленіемъ почтеннымъ и полезнымъ для едва складывающейся музыкальной археологіи нашей. Появленіе этого руководства, какъ равно и основаніе первой въ Россіи кафедры исторіи церковнаго пѣнія, занимаемой трудолюбивымъ авторомъ, будутъ помянуты добромъ въ лѣтописи отечественной археологіи.

А. ВЕСЕЛОВСКІЙ.

ПРОТОКОЛЫ

ЗАСѢДАНІЙ

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

№ 17-й. 1865 года, Августа 19 дня. Протоколь седьмаго экстреннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предѣдательствомъ графа Уварова, въ присутствіи гг. членовъ Общества: А. Н. Андреева, А. Н. Афанасьева, А. Е. Викторова, А. А. Гатцука, Н. В. Калачева, А. А. Котляревскаго, М. П. Погодина, Г. Д. Филимонова и Секретаря Общества К. К. Гѣрца.

Г. Предѣдатель увѣдомилъ гг. членовъ, что онъ, отъ имени Общества, просилъ Ихъ Императорскія Высочества, Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича и Великаго Князя Владиміра Александровича принять Московское Археологическое Общество подъ высокое Ихъ покровительство, и сообщилъ при этомъ письмо, отъ 18 Августа 1865 года, полученное имъ отъ графа Б. А. Перовскаго, въ которомъ графъ извѣщаетъ Предѣдателя, что Ихъ Высочества, Великій Князь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ, сознавая пользу изученія отечественныхъ древностей, соизволили, съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества разрѣшенія, изъявить согласіе: Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ—на принятіе Московскаго Археологическаго Общества подъ свое покровительство, а Великій Князь Владиміръ Александровичъ—на принятіе званія Почетнаго Члена того же Общества.

Общество, принося глубочайшую благодарность Ихъ Императорскимъ Высочествамъ за милостивое Ихъ вниманіе къ трудамъ Общества, постановило: поднести Высокому своему Покровителю письменное выраженіе этихъ чувствъ, а Великому Князю Владиміру Александровичу—дипломъ на званіе Почетнаго Члена.

№ 18. 1865 года, Октября 12 дня. Протоколъ одиннадцатаго обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ председательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи членовъ: Архимандрита Амфилохія, А. Н. Андреева, А. Н. Аѳанасьева, Н. П. Бочарова, А. В. Брыкина, А. А. Гатцука, А. А. Котляревскаго, К. А. Попова, С. М. Соловьева и Секретаря Общества К. К. Гѣрца.

1. Читаны и подписаны протоколы предыдущихъ двухъ засѣданій.

2. Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующихъ бумагъ:

а) Отъ Г-жи Фелиси д'Айзакъ и гг. Гергардта, Герцога де Льюина, Эйтельберга, Макса Мюллера, Фердинанда Келлера, Каведони, Бурсіана, Лиша, Генцена, Буркхардта, Лонперье, Лабарта, Адальберта Куна, Линденшмидта, Рачкаго, Эрбена, Дж. Б. Росси, Шварца, Минервини, И. К. Купріанова и К. В. Запа—письма, въ которыхъ они благодарятъ за избраніе въ члены Общества.

б) Отъ Рижскаго Общества Исторіи и Древностей Остзейскихъ провинцій, Археографической Коммисіи, Казанскаго и Дерптскаго Университетовъ, Нарвскаго Археологическаго Общества, Императорской Академіи Наукъ, Казанской Духовной Академіи, Виленской Археологической Коммисіи, Кіевской Духовной Академіи, Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, Туринской Академіи Наукъ и гг. членовъ: Саввы, епископа можайскаго, П. С. Казанскаго, А. К. Киркора, А. С. Норова, Л. Э. Стефани, Э. И. Эйхвальда, Г. С. Дестуниса, Графа К. П. Тышкевича, Графа Е. П. Тышкевича, М. О. Круповича, А. П. Клачкова, В. А. Прохорова, Я. И. Гануша—увѣдомленія о полученіи перваго выпуска Трудовъ Общества.

в) Отношеніе Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 22 Іюля, 1865 года, за № 215, которымъ онъ разрѣшаетъ Обществу дѣлать фотолитографическіе снимки для его изданій.

г) Отношеніе Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, отъ 26 Іюля 1865 года, за N 678, о празднованіи столѣтняго юбилея этого Общества.

3. Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующихъ приношеній:

книгами и рукописями:

I. Отъ А. М. Раевской—журналъ на 1865 годъ, издаваемый Г. Мортилье въ Парижѣ подъ заглавемъ: *Materiaux pour l'histoire positive et philosophique de l'homme*.

II. Отъ дѣйст. чл. Г. С. Дестуниса—разныя изданныя имъ сочиненія, именно:

1) Прокосій Кессарійскій. Исторія войнъ Римлянъ съ Персами изд. пер. Дестуниса. Спб. 1862. 1 т. 2) Византійскіе историки: Девотиль, Эвнаний, Олимпіодоръ и т. д. Спб. 1861. 3) Очерки Константинополя. Спб. 1857. 1 т. 4) О переводѣ Одиссеи Жуковскаго, бр. безъ загл. и года. 5) Открытіе греческаго ученаго Мавромати въ древне-эллинской славности, бр. безъ загл. и года. 6) Послѣднія археологическія раскопки въ Афинахъ, бр.

безъ загл. и года. 7) Замѣтки на Ватопедскій списокъ географіи Стравона, бр. б. з. и г. 8) Объясненіе стиховъ, вырѣзанныхъ на византійскомъ складѣ, бр. б. з. и года. 9) *Les annales byzantines confirment—elles le contenu de l'inscription runique, gravée sur le lion du Pirée.* br. s. t. anq.

III. Отъ Казанскаго Университета: 1) рѣчь Фалькова о всероссійской выставкѣ произведеній сельскаго хозяйства и сельской промышленности въ Москвѣ и 2) Ученыя Записки и Извѣстія Университета за 1863, 1864 и 1865 годы.

IV. Отъ дѣйст. чл. П. И. Лерха—особые оттиски его статей, напечатанныхъ въ разныхъ журналахъ, именно:

1) Орудія каменнаго и бронзоваго вѣковъ въ Европѣ. 3 ст. безъ загл. и года. 2) Разборъ „Сѣверныхъ древностей“ Ворсо, бр. безъ загл. и года. 3) Разборъ сочиненій Патканьяна и Шегрена. бр. in 4° безъ загл. и года. 4) *Ein Beitrag zu den Localsagen über Drachenkämpfe*, б. s. t. anq. 5) *Ueber eine armenische Bearbeitung der sieben weisen Meister*, бр. s. t. anq. 6) *Bericht über: Résumé de l'ouvrage Kourde d'Ahmed Effendi Khani, fait et traduit par A. Jaba*, бр. s. t. anq. 7) *Lerch, Brosset et Kunik—Notice sur deux inscriptions cunéiformes, decouv. p. M. Kästner dans l'Arménie russe*, бр. s. t. anq.

V. Отъ дѣйст. чл. К. Н. Тихонравова—ксилографическій снимокъ космографіи, напечатанный на склеенныхъ листахъ и изданный въ 1830 году.

VI. Отъ Императорской Археологической Коммиссіи—Отчетъ Коммиссіи за 1863 годъ.

VII. Отъ Рижскаго Общества Исторіи и Древностей Остзейскихъ провинцій—три выпуска его Трудовъ. 1860.

VIII. Отъ Чл. кор. А. М. Сементовскаго-Курилло: а) № 20 и 25 Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, б) Памятная книжка Витебской губерніи на 1865 годъ и с) Опись актовыхъ книгъ судебныхъ мѣстъ Витебской губерніи.

IX. Отъ дѣйст. чл. Жюля Лабарта—изданное имъ сочиненіе: *Le palais imperial de Constantinople.* Paris. 1861. 4°.

X. Отъ дѣйст. чл. П. С. Казанскаго — разныя имъ изданныя сочиненія и статьи, именно:

1) Свидѣтельства памятниковъ Египетской исторіи о пребываніи Евреевъ въ Египтѣ. М. 1854. 2) О времени основанія Печерской обители. бр. s. t. стр. 3) Историческое описаніе троїцаго козловскаго монастыря М. 1849. 4) Критическій разборъ свидѣтельствъ Патерика печерскаго о лѣтописи Нестора. s. t. anq. 5) Исторія православнаго монашества на востокъ ч. 1 и 2. М. 1854—7 г.,

XI. Отъ Секретаря Общества К. К. Гёрца—*Mémoires de l'Académie des Inscriptions et belles-lettres.* Tome XIII. Partie 1-ere.

XII. Отъ А. А. Хованскаго въ Воронежѣ—издаваемыя имъ Филологическія Записки за 1864 и 1865 годы.

XIII. Отъ дѣйст. чл. Дж. де-Росси—издаваемый имъ журналъ: *Bulletino di archeologia cristiana*, за 1863, 64 и 65 и слѣдующія брошюры:

- 1) *J fasti municipali di Venosa, restituti alla sincera lezione. Roma 1855. 8°.*
- 2) *Le stazioni delle sette coorti dei vigili nella citta di Roma. 1859. 8°.*
- 3) *Delle sillogi epigrafiche dello Smezio e del Panvinio. Roma. 1862. 8°.*
- 4) *Dell' arco Fabiano nel Foro. Roma. 1859. 8°.*
- 5) *L'ara Massima ed il tempio d'Ercole nel foro Boario. Roma. 1854. 8°.*
- 6) *Antichi mulini in Roma e nel Lazio. S. l. anq.*
- 7) *Sopra il Cosmographo Ravennate e gli antichi geografi citati da lui. Roma. 1852. 8°.*
- 8) *Vicende negli atti dei fratelli Arvali ed un nuovo frammento di essi. Roma. 1858. 8°.*
- 9) *De la determination chronologique des insriptions chretiennes. Paris. 1862.*

XIV. Отъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества—второй выпускъ XII тома Записокъ Общества. Спб. 1865.

XV. Отъ дѣйст. чл. Графа К. П. Тышкевича—изданное имъ сочинение: *Ислѣдованія о курганахъ въ Литвѣ и Западной Руси. Вильна. 1865.*

XVI. Отъ дѣйст. чл. Э. Гергардта—изданные имъ три выпуска сочиненія: *Ueber den Eleusinischen Bilderkreis. Berlin. 1861.*

XVII. Отъ Чешскаго Музея—изданія его: *Pamatky archaeoloicke a mi-stopisne* и *Pamatky Časopis Musea kral. Českeho pro dejepis hlavne Čekys. Pr. 1854—1863. 4°*; 2) *Časopis Musea kralov. Českeho. Pr. 1863, 1864. 8°.*

XVIII. Отъ дѣйст. чл. К. В. Запа—изданное имъ сочинение: *Kronica Česko-Moravska. P. 1862 г. 1 т.*

XIX. Отъ Императорской Академіи Наукъ—издаваемыя ею Записки т. 1—8 Сбп. 1862. 8. и *Mélanges russes. SPb. 1849—1865.*

XX. Отъ Директора Антропологическаго Отдѣленія Общества Любителей Естествознанія, д. чл. Д. П. Сонцева—изданный имъ первый томъ Извѣстій Антропологическаго Общества. Москва. 1865. 4°

XXI. Отъ П. И. Ревякина—собраніе рукописныхъ и печатныхъ проповѣдей и рѣчей XVIII столѣтія—одинъ томъ.

в е щ а м и:

I. Отъ чл. кор. А. М. Сементовскаго-Курилло—бронзовый наушникъ рыцарскаго шлема, открытый въ Динабургѣ, въ 1862 году.

II. Отъ Священника В. Антонова, въ селѣ Макіевкѣ, Кіевской губерніи—100 мѣдныхъ монетъ и двѣ серебряныхъ.

III. Отъ дѣйст. чл. Герцога де Льюина—собраніе фотографическихъ видовъ Палестины, снятыхъ во время его экспедиціи въ эту страну въ 1864 году.

IV. Отъ Витебскаго губернскаго Статистическаго Комитета слѣдующія, найденныя въ г. Динабургѣ, древности: два бронзовыхъ кольца, буфическая монета и топоръ, вырытый въ одномъ изъ Курсовскыхъ кургановъ Модинскаго уѣзда.

V. Отъ Ст. сов. Л. И. Кюна—фотографическій снимокъ съ человѣческаго черепа, ротъ котораго залитъ свинцомъ.

Постановили: изъявить жертвователямъ признательность Общества.

рукописными статьями:

а) Отъ дѣйст. чл. Э. И. Эйхвальда статья: о древностяхъ Заволочской Чуди Печорскаго края.

б) Отъ дѣйст. чл. П. С. Казанскаго: Замѣтка по поводу статьи о церковномъ диптихѣ V вѣка, напечатанной въ 1 вып. Трудовъ Московскаго Археологическаго Общества.

в) Отъ него же: Замѣчанія на статью: *потиръ*, напечатанную тамъ же.

г) Отъ чл. кор. Р. Г. Игнатьева: Описаніе антиминса XVII в. Буйницкаго Монастыря, найденнаго имъ въ г. Уфѣ (Извѣстіе объ этомъ антиминсѣ напечатано при настоящемъ протоколѣ).

е) Отъ бібліотекаря Воронежской Публичной Библіотеки А. И. Селиванова—Описаніе кольчуги и снимокъ съ печати, находящихся въ Воронежской Публичной Библіотекѣ.

4. Секретарь Общества прочелъ слѣдующее письмо Г. Кюна отъ 17 Сентября, 1865 г: „Имѣю честь представить при семъ фотографическій снимокъ съ человѣческаго черепа, ротъ котораго залитъ свинцомъ. Черепъ этотъ найденъ въ 1861 году, въ Тамбовѣ, при копани фундамента подъ зданіе тамбовской почтовой станціи, близъ собора, на томъ мѣстѣ, гдѣ, во время татарскихъ набѣговъ, было укрѣпленіе „съ подлазы“; лежалъ онъ между множествомъ костей на значительной глубинѣ. Подлинный черепъ остался у проживающаго въ Тамбовѣ строителя зданія Ивана Ивановича Бранта (онъ же и аптекаръ). Цѣль моей послышки—не пригодится ли этотъ черепъ Обществу для какихъ либо археологическихъ соображеній.“

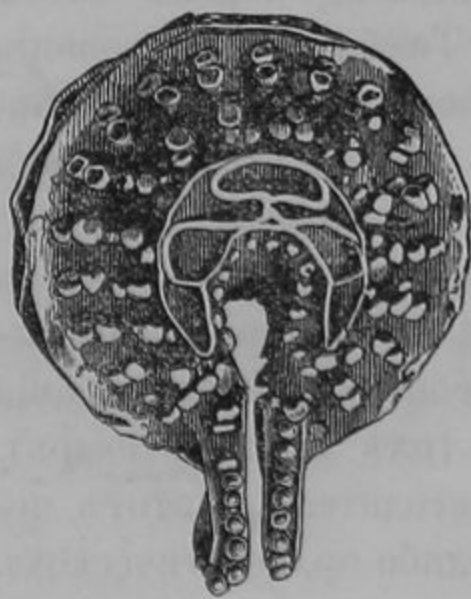
При разсмотрѣннн отчетливо сдѣланнаго фотографическаго снимка, сообщеннаго Обществу Г. Кюномъ, присутствовавшіе члены пришли къ заключенію, что черепъ вѣроятно принадлежалъ одному изъ фальшивыхъ монетчиковъ, потому что этотъ способъ наказанія (заливаніе рта свинцомъ), имѣлъ дѣйствующую силу въ XVI и XVII вѣкахъ русской исторіи.

5. Секретарь Общества доложилъ о письмѣ члена—корреспондента А. М. Сементовскаго-Курилло, отъ 30 Мая, 1865 г. за № 566. Въ 1862 году въ городѣ Динабургѣ, недалеко отъ предохранительной плотины, при рытіи канавъ подъ постройку одного частнаго дома, на глубинѣ около трехъ аршинъ, были найдены два бронзовыя украшенія, принимаемыя авторомъ за наушники отъ древняго шлема, и, какъ говорятъ одни, два желѣзныхъ коль-

сохранившася и любопытнаго, предмета, г. Предсѣдатель заявилъ, что разсматриваемый предметъ—бронзовая пряжка, а не наушникъ. При раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ Суздальскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, онъ имѣлъ случай найти нѣсколько сотенъ подобныхъ украшеній, которыя всегда встрѣчаются по бокамъ женскаго костяка, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ даже сохранились кожаные ремни; внутри самаго украшенія остатки пряжки (fibula), для укрѣпленія пояса. Мнѣніе г. Предсѣдателя подтвердилъ чл. кор. о. Амфилохій, присутствовавшій при означенныхъ раскопкахъ.

6. Членъ-основатель А. В. Брыкинъ предложилъ на разсмотрѣніе круглую привѣску изъ чистаго золота. Въ нее были вставлены стекла или драгоценныя камни, замѣняющіе финифтяную мусію (émail cloisonné). Отдѣлка

этой привѣски напоминаетъ рукоятку меча Теодорика, сосуды VI в., найденные близъ Гурдона и вообще, по мнѣнію графа Уварова, эта привѣска можетъ быть отнесена къ VI или VII вѣку. Надо только сожалѣть, что самое мѣсто ея происхожденія остается неизвѣстнымъ. Г. Предсѣдатель высказалъ мнѣніе, что это украшеніе есть произведеніе византійскаго искусства.

7. Онъ же представилъ Обществу статью о русскихъ княжескихъ монетахъ своего собранія, еще нигдѣ неописанныхъ. Статья передана въ редакціонный Комитетъ.

8. Чл. кор. о. Амфилохій представилъ въ даръ Обществу отъ Архимандрита Покровскаго Монастыря о. Паисія серебряную татарскую монету. Опредѣлили: благодарить о. Архимандрита Паисія.

9. Г. Предсѣдатель Общества сообщилъ письмо д. чл. А. Киркора, отъ 6-го Октября 1865 г., въ которомъ онъ увѣдомляетъ, что надѣется представить Обществу статью о древне-литовскихъ монетахъ.

10. Д. чл. А. А. Ботларевскій прочелъ: воспоминаніе о С. В. Ешевскомъ (напечатано при настоящемъ протоколѣ).

11. Читана присланная Обществу статья д. чл. П. С. Казанскаго: замѣчанія на статью о церковномъ диптихѣ V вѣка, напечатанную въ выпускѣ Трудовъ Общества.

12. Г. Предсѣдатель Общества прочелъ отвѣтъ свой на замѣчанія С. Казанскаго. Статьи будутъ напечатаны во 2-мъ выпускѣ Трудовъ Общества.

13. Г. Предсѣдатель обратился къ Членамъ и высказалъ необходимость съѣзда всѣхъ нашихъ Археологическихъ Обществъ для успѣха отечественной археологіи. Много уже существуетъ у насъ арх. Обществъ, (напр. въ С. Петербургѣ два, въ Москвѣ три, въ Вильнѣ одно, въ Кіевѣ одно, въ Одессѣ также одно); но всѣмъ этимъ обществамъ надо дружно соединиться, чтобы въ одинаковомъ направленіи и съ одною цѣлью изслѣдовать отечественныя древности—въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сосредоточиваются ихъ занятія. Имъ также предстоитъ, послѣ многолѣтней дѣятельности, установить извѣстныя аксіомы, которыя послужатъ первыми основаніями для русской археологіи. Эти аксіомы, выработанныя въ каждомъ Обществѣ отдѣльно, при общемъ създѣ, должны быть подвергнуты всестороннему разсмотрѣнію для опредѣненія или ихъ только мѣстнаго характера, или ихъ примѣненія вообще къ русскимъ древностямъ. При этомъ, подтверждая такія аксіомы существующими памятниками, мы получимъ первыя научныя основанія для отечественной археологіи. Второю задачею ученаго създа должно быть самое сохраненіе нашихъ памятниковъ и пріисканіе мѣръ для защиты ихъ отъ всякаго поврежденія. Представляя эти мѣры на утверженіе Правительства, можно надѣяться спасти ихъ навсегда отъ разрушенія и остановить наконецъ уничтоженіе остатковъ нашей старины. Кромѣ такихъ общихъ вопросовъ, ученый създъ обязанъ еще не выпускать изъ виду и частные вопросы, весьма важные для успѣха русской археологіи.

А. Н. Андреевъ заявилъ, что было бы полезно устроить такіе създы періодически.

С. М. Соловьевъ высказалъ мнѣніе, что эта мысль, сама по себѣ полезная, но не легко осуществима и потому предложилъ, какъ болѣе практическую мѣру, формулировать предложенные Обществомъ вопросы и разослать ихъ во всѣ Общества, съ просьбою обсудить ихъ въ засѣданіяхъ, результатъ же преній сообщить Московскому Обществу.

А. А. Котляревскій, не отвергая возможности създа, находилъ полезнымъ предложить на обсужденіе, кромѣ общихъ вопросовъ, и нѣкоторые вопросы о частныхъ памятникахъ. Далѣе онъ предложилъ, какъ для формулированія вопросовъ, такъ и для уясненія и разрѣшенія предложенія о създѣ археологовъ—составить Коммисію.

Предложеніе А. А. Котляревскаго было принято Обществомъ и въ члены Коммисіи избраны: С. М. Соловьевъ, А. Н. Афанасьевъ и А. А. Котляревскій.

14. Г. Предсѣдатель нашелъ необходимымъ предварительно заявлять о тѣхъ вопросахъ, обсужденіе которыхъ должно войти въ предметъ занятій ближайшихъ засѣданій Общества.

На первый разъ были предложены слѣдующіе вопросы:

1. Когда на русскихъ вещественныхъ памятникахъ являются первые слѣды западнаго вліянія? (Предложилъ Гр. А. С. Уваровъ).

древности II.

2. Какими путями можно достигъ, чтобы Московскому Археологическому Обществу доставлялись свѣдѣнія о разныхъ археологическихъ находкахъ, кладахъ и т. д., дѣлаемыхъ частными лицами въ Россіи? (Предложилъ К. К. Гѣрцъ).

3. Можно ли указать какіе нибудь отличительные признаки славянскихъ могилъ? (Предложилъ А. А. Котляревскій).

№ 19. 1865 года, Октября 12 дня. По окончаніи обыкновеннаго засѣданія, въ присутствіи тѣхъ же членовъ, въ восьмомъ экстренномъ собраніи Общества избраны:

а) въ Члены редакціоннаго Комитета Трудовъ Общества:
Дѣйствительный Членъ, Николай Васильевичъ Калачевъ.

б) въ Дѣйствительные Члены по § 7 Устава Общества:
Николай Никифоровичъ Мурзакевичъ, въ Одессѣ.
Протоіерей Дмитрій Васильевичъ Разумовскій, въ Москвѣ.
Александръ Аѳанасьевичъ Потебня, въ Харьковѣ.
Николай Васильевичъ Закревскій, въ Москвѣ.

с) въ Дѣйствительные Члены:
Никифоръ Дмитріевичъ Борисякъ, въ Харьковѣ.

д) въ Члены-Корреспонденты:
Алексѣй Ивановичъ Селивановъ, въ Воронежѣ.
Священникъ Алексѣй Ивановъ Свирѣлинъ, въ Переславлѣ-Залѣскомъ.
Протоіерей Николай Оглоблинъ, въ Кіевѣ.
Протоіерей Петръ Лебединцевъ, въ Кіевѣ.
Священникъ Павелъ Троцкій, въ Кіевѣ.
Алексѣй Андреевичъ Хованскій, въ Воронежѣ.
Петръ Ивановичъ Ревякинъ, въ Кіевской губерніи.

ПОМИНКА О С. В. ЕШЕВСКОМЪ.

(Читана въ засѣданіи Октября 13-го дня, 1865 года).

Почти годъ тому назадъ происходило первое обыкновенное засѣданіе нашего Общества. Каждый изъ присутствовавшихъ въ немъ вынесъ грустное впечатлѣніе, каждый невольно подумалъ, что Общество скоро должно лишиться одного изъ дѣятельнѣйшихъ и полезнѣйшихъ членовъ своихъ, что чтеніе С. В. Ешевскаго „о свайныхъ постройкахъ“ будетъ первымъ и вмѣстѣ послѣднимъ его чтеніемъ. Вскорѣ за тѣмъ онъ слегъ въ постель, съ которой ученики, друзья и товарищи подняли его, чтобы снести на мѣсто вѣчнаго покоя [1865 г. Мая 30 дня]. Всего два-три раза присутствовалъ Ешевскій въ засѣданіяхъ Общества, но не этою мѣркою должно мѣрить его участіе въ нашихъ трудахъ, его доброе нравственное значеніе для Общества; нельзя отрицать этого значенія: оно было—и имѣетъ полное право на добрую память и признаніе съ нашей стороны. Вотъ почему, я думаю, не неумѣстно будетъ сегодня, при открытіи 2-го года нашей дѣятельности, отдать должную справедливость заслугамъ этого честнаго товарища по наукѣ, во имя которой мы соединяемся здѣсь для общаго труда. Пусть тяжелое чувство нашей утраты хотя отчасти вознаградится доброю и правдивою о немъ поминкою.

Въ Ешевскомъ мы встрѣчаемъ рѣдкій примѣръ душевной энергіи и высокой любви къ наукѣ, уцѣлѣвшихъ среди полнаго разстройства организма и упадка физическихъ силъ: интересы знанія и науки были для него всѣмъ, онъ ими жилъ и согрѣвалъ свою недолговѣчную жизнь, ими воодушевлялся до крайней минуты послѣдняго разчета съ жизнью. Среди общественнаго равнодушія къ наукѣ—зачѣмъ скрывать его—такой человѣкъ былъ не изъ ряда обыкновенныхъ: и теперь мы имѣемъ право говорить о его почтенной дѣятельности, но не то сказали бы мы, если бы судьба не обидѣла его физическими силами. Немного ученыхъ трудовъ оставилъ послѣ себя Ешевскій, но каждый изъ нихъ въ нѣкоторомъ смыслѣ можетъ быть названъ приобрѣтеніемъ науки; археологъ и историкъ съ благодарностью помянетъ его Этнографическое введеніе въ курсъ Всеобщей исторіи, его описаніе Пермскихъ древностей, его Аполлинарія Сидонія, его труды по исторіи русскаго массонства, которое составляло предметъ его любимѣйшихъ занятій въ послѣдніе годы; но грубо поступитъ тотъ, кто скажетъ, что въ этомъ немногомъ заключался весь подвигъ его дѣятельности по наукѣ: при оцѣнкѣ нравственной дѣятельности человѣка не должно забывать и того, что желалъ онъ сдѣлать и къ чему стремился: когда—за нѣсколько дней до его кончины—я посѣтилъ его, онъ былъ далекъ отъ мысли о смерти, съ одушевленіемъ говорилъ о близкой своей поѣздкѣ за границу (какая

безсознательная, горькая иронія судьбы звучала въ этихъ словахъ!) и прибавлялъ „жалко, что едва ли буду въ состояніи окончить ко 2-й книгѣ „Древностей“ мою статью о свайныхъ постройкахъ, но за то критическихъ разборовъ книгъ я пришлю вамъ множество, множество. Можно ли будетъ удѣлить мнѣ для нихъ около 3-хъ печатныхъ листовъ?“ Это говорилъ онъ наканунѣ смерти, и послѣ этого можно ли судить о немъ только потому, что онъ написалъ или издалъ; притомъ какъ знать, что сдѣлано имъ въ тишинѣ, что можетъ быть было извѣстно только его близкимъ друзьямъ и знакомымъ, что незримо для глаза посѣяно имъ въ его слушателяхъ и что—быть можетъ—взростетъ добрымъ плодомъ! * Въ характерѣ Ешевскаго была еще черта, которую нельзя не цѣнить и не уважать: воспитанный въ одной изъ русскихъ гимназій, онъ вынесъ изъ нея ограниченныя познанія въ классическихъ и новоевропейскихъ языкахъ, въ Университетѣ онъ усиленнымъ трудомъ познакомился съ языками латинскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ, но греческій и другіе европейскіе языки остались для него закрытою книгою: захваченный болѣзью, онъ не успѣлъ осилить ихъ. Этотъ недостатокъ знанія много затруднялъ его историческія занятія — и какъ нравственно тяготился онъ этимъ, какъ свято бывалъ недоволенъ своими знаніями, какъ искренно и усердно—въ ущербъ своему, и безъ того хилому, здоровью—искалъ большаго, стремился пополнить роковые пробѣлы первоначальнаго обученія... Никогда я не слыхалъ отъ Ешевскаго гордаго самодовольства или похвальбы знаніями, еще менѣе щегольства тѣмъ, что было ему извѣстно по слухамъ, и въ этомъ отношеніи, какъ ни странно можетъ показаться нѣкоторымъ, я не затрудняюсь назвать его скромнымъ ученымъ. Видѣть и сознавать недостаточность своихъ знаній, чувствовать тяжесть этого—признакъ обширнаго ума и искренней, честной любви къ наукѣ. Не часто приходится встрѣчать такую честность —и тѣмъ болѣе должно цѣнить и уважать ее. Общество считало Ешевскаго въ числѣ своихъ Членовъ-основателей: вмѣстѣ съ Предсѣдателемъ и Секретаремъ ему принадлежить честь первыхъ начинаній. Всею душою отдался онъ мысли соединить разрозненныя силы для взаимной помощи и труда: когда Общество, еще до своего официальнаго открытія, собиралось на квартирѣ у графа Алексѣя Сергѣевича, Ешевскій уже былъ въ полномъ смыслѣ слова дѣйствительнымъ его членомъ: не проходило ни одного вопроса, къ которому онъ относился бы равнодушно: его серьезное обсу-

* Поздн. приписка. Укажу здѣсь одинъ интересный фактъ изъ ученой дѣятельности Ешевскаго. Какъ-то разъ, оставаясь одинъ въ его рабочей комнатѣ, случайно я взялъ одну книгу съ полки. Это была пѣснь о Роландѣ въ изданіи Génin'a: всѣ поля мелко исписаны карандашемъ, каждая страница содержала много исправленій текста. На мой вопросъ о причинахъ, Ешевскій отвѣчалъ, что онъ провѣрилъ и сличилъ все изданіе съ лучшими рукописями парижской публичной библіотеки. Быть можетъ найдутся и другіе такіе труды его, невидны и незамѣтны для общей пользы пройдутъ они, но при оцѣнкѣ личности Ешевскаго непростительно забывать ихъ.

жденіе вопросовъ науки, его подъ часъ игривая, остроумная бесѣда постоянно оживляла тѣсный кружокъ присутствовавшихъ и увлекала ихъ къ дальнѣйшему продолженію начатаго дѣла. Въ одну изъ такихъ бесѣдъ Ешевскій прочелъ лекцію о швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ и новѣйшихъ открытіяхъ по части такъ называемыхъ кельтскихъ древностей. Въ сжатомъ извлеченіи эта статья напечатана въ 1 т. „Древностей“. По открытіи Общества—тотъ же самый предметъ послужилъ ему темою для чтенія въ 1-мъ обыкновенномъ засѣданіи, и многіе изъ васъ, Мм. Гг., конечно помнятъ эти интересныя сообщенія, подтвержденныя объясненіемъ вещественныхъ памятниковъ изъ значительнаго собранія древностей, принадлежавшихъ покойному. Болѣзнь не остановила участія Ешевскаго въ трудахъ Общества: по званію члена редакціонной Комиссіи, онъ съ постели посылалъ намъ добрые совѣты и указанія и дѣятельно старался примирить противорѣчія, если они возникали. Можно положительно сказать, что мысль о „Трудахъ“ Общества занимала послѣднія минуты его существованія. Мѣсяца за два до его кончины я принесъ ему первые отпечатанные листы—онъ обрадовался имъ, какъ ребенокъ, и просилъ присылать далѣе по мѣрѣ выхода. Не смотря на запрещенія докторовъ читать что нубудь серьезное, онъ жадно читалъ эти листы, они возвратились потомъ ко мнѣ, и каждая страница носитъ слѣды его внимательнаго осмотра, отмѣтокъ карандашомъ его руки, уже едва повиновавшейся движенію воли. Еще когда Ешевскій былъ на ногахъ, я просилъ у него согласія напечатать въ „Трудахъ“ Общества его короткій, сжатый экстрактъ изъ чтенія о швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ, онъ мимоходомъ согласился на это, но потомъ забылъ; когда же получилъ первый листъ библиографическаго отдѣла и увидѣлъ свое имя, онъ былъ глубоко тронутъ и утѣшенъ этимъ: „покрайней мѣрѣ, говорилъ онъ, въ 1-й книжкѣ есть и моя капля, ко второй я приготовлю вамъ много мелкихъ статей, къ третьей же обширную статью...“ По увѣренію людей, бывшихъ при немъ до самой его кончины— послѣднею книгою, пробудившею въ немъ гаснущую силу мысли—былъ только-что вышедшій въ свѣтъ первый выпускъ изданія нашего Общества!

Такого честнаго дѣятеля лишилась наука, такого преданнаго, усерднаго члена лишилось наше Общество въ лицѣ С. В. Ешевскаго!

Да будетъ же — по сердечному слову народа — земля ему перомъ!

Помянувъ добромъ искреннія, усердныя заботы Ешевскаго о нашемъ Обществѣ, я позволю себѣ сдѣлать вамъ, Мм. Гг., бывшіе сочлены его, одно предложеніе: въ числѣ нѣкоторыхъ бумагъ археологическаго содержанія, оставшихся послѣ Ешевскаго и обязательно доставленныхъ мнѣ однимъ изъ близкихъ покойника сохранились двѣ записки: одна экстрактъ статьи о свайныхъ постройкахъ, другая начало обширной статьи о томъ же предметѣ, статьи, предназначавшейся для „Трудовъ“ Общества. Я предлагаю вамъ, Мм. Гг., соединивъ эти статьи въ одномъ переплетѣ съ печатною

біографіей Ешевскаго, внести ихъ въ бібліотеку Общества и поставить это подь особымъ № въ каталогъ: пусть память о дѣятельномъ членѣ-основателѣ Общества сохранится въ немъ до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать самое Общество.

А. Котляревскій.

БИБЛИОТЕКА
НИИ Из-та Краеведческой
и Музейной работы

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

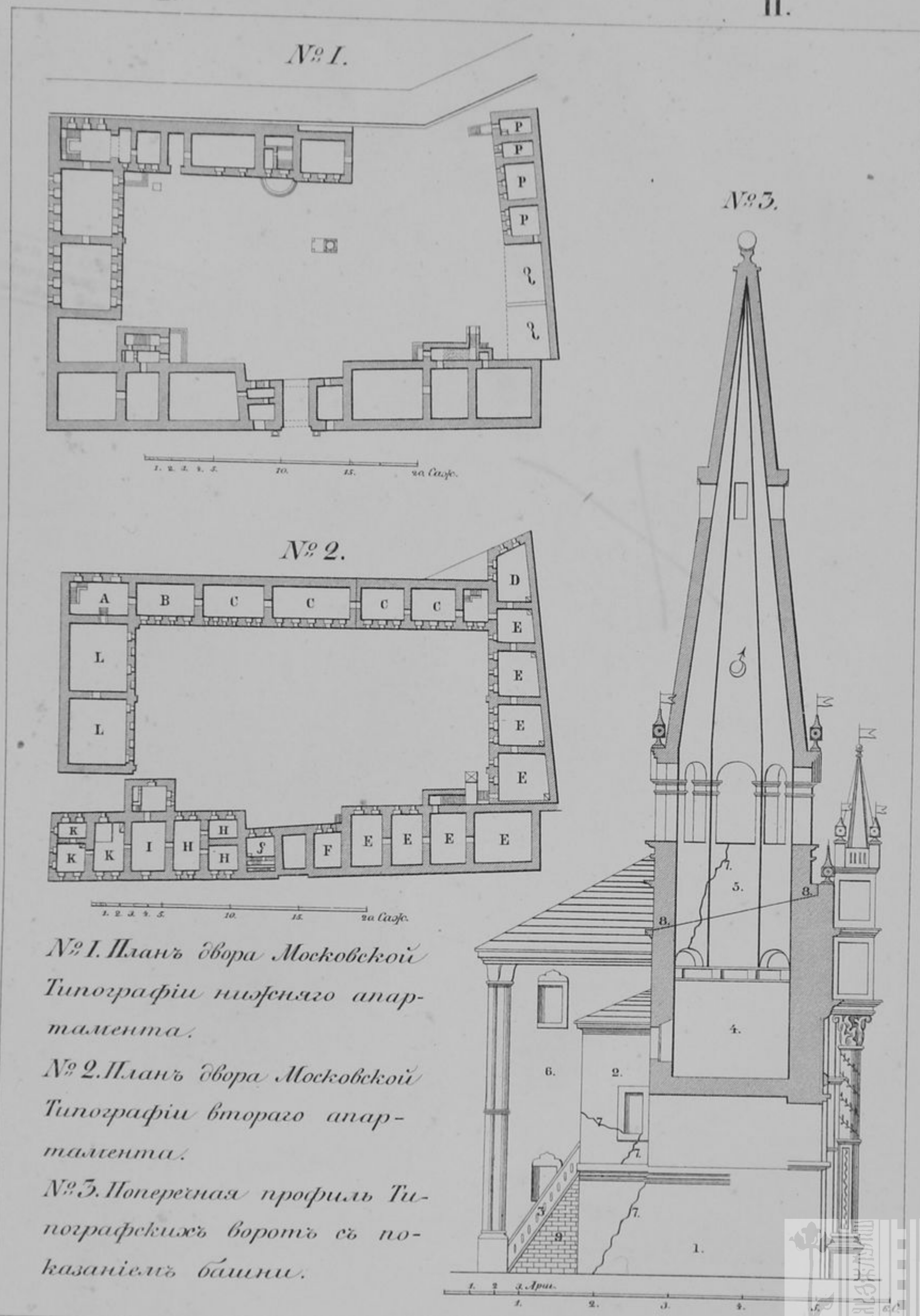
АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ.

I.

II.

БИБЛИОТЕКА
НИ Ив-та Красведческой
и Музейной работы

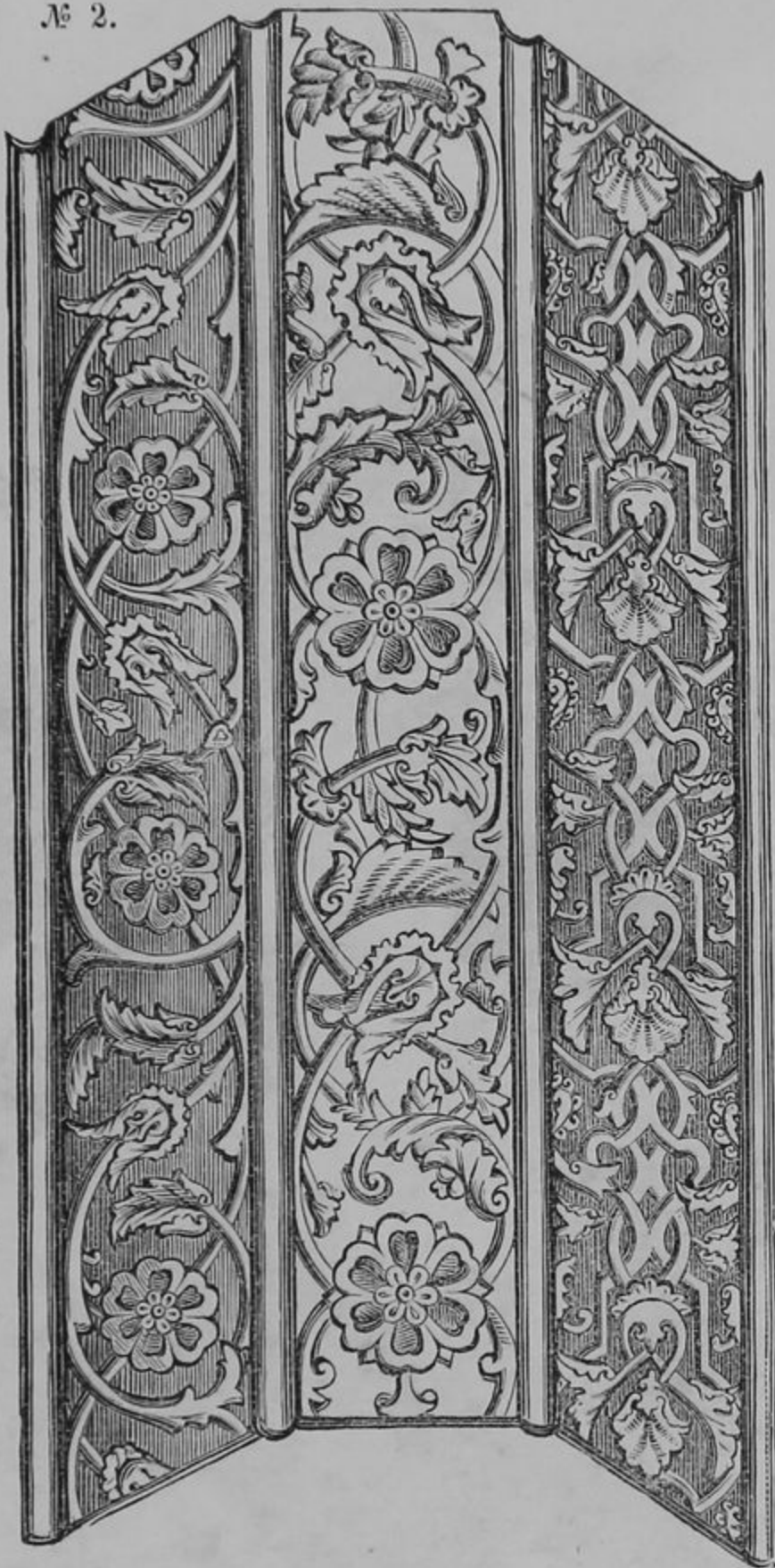

III.

№ 1.

№ 2.

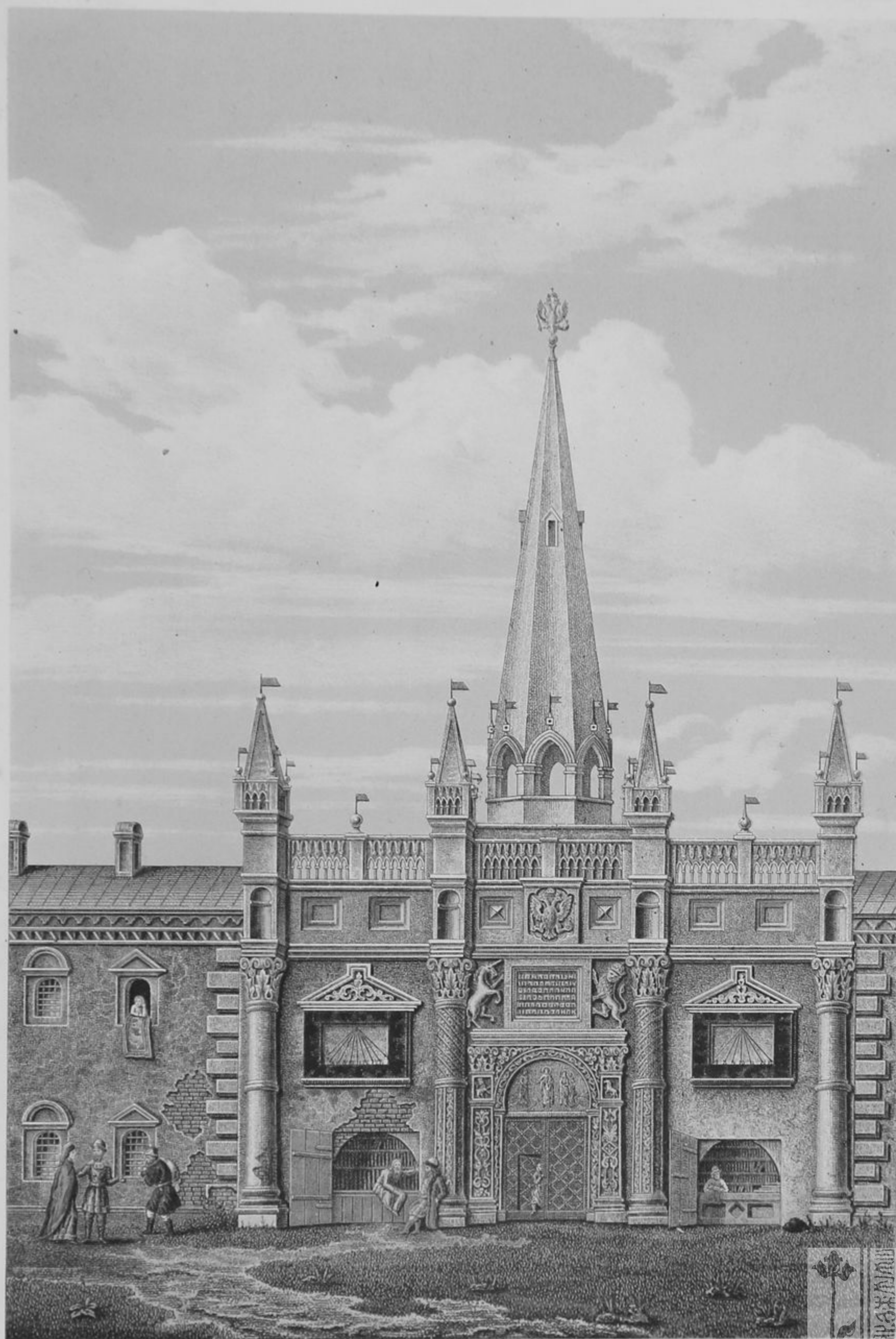

№ 1. Изображеніе льва и единорога на древнихъ книжныхъ переплетахъ Моск. Печатнаго Двора.

№ 2. Узоры, высѣченные на одной изъ колоннъ, стоявшихъ по обѣимъ сторонамъ древнихъ воротъ Печатнаго Двора.

БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

Хромолит В. Вахманъ г. М.

ВИДЪ ДРЕВНИХЪ ВОРОТЪ МОСКОВСКАГО ПЕЧАТНАГО ДВОРА ДО 1773 ГОДА.

БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

Расписание на сводъ въ бывшей Книгохранительной Палатѣ Московскаго
Печатнаго Двора 1680 года.

Расписание надъ окномъ въ бывшей Правильной Палатѣ
Печатнаго Двора 1680 года.

Библиотека
Муниципальной
и общественной работы

Расписаніе надъ окномъ въ бывшей Правильной Палатѣ
Печатнаго Двора 1680 года.

Расписаніе на стѣнѣ съ дверью и нишею въ бывшей
Правильной Палатѣ 1680 года.

Хромолит. В. Вахманъ въ Москвѣ.

БИБЛИОТЕКА
И.И. та Криводической
и Музейной работы

П О Г Р Ъ Ш Н О С Т И:

на стран. 39 строка 7. — — Хошь—читай хоть.
— — 40 — — 3. — — Лезмедонта—читай Лаомедонта.
— — 69 — — 3. снизу: встрѣчающаяся,—читай встрѣчающихся.
— — 83 — — 2. сверху 13—читай 12.

Второй томъ Трудовъ Московскаго Археологическаго Общества выйдетъ
въ 4-хъ выпускахъ, съ гравюрами и полиципажами.

~~Цѣна перваго выпуска 2 руб. сер.~~

Продается въ Москвѣ, въ книжныхъ лавкахъ Соловьева и Глазунова и въ
квартирѣ Общества, на Малой Дмитровкѣ, въ домѣ Воейковой.

